

ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР—КНИГА I

СОФИ ЛАВ

ОТНЫНЕ
И
НАВЕКИ

Софи Лав

Отныне и навеки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51923978

Отныне и навеки:

ISBN 9781094304601

Аннотация

«Способность Софи Лав передавать волшебство читателям изящно находит свое выражение в мощных выразительных фразах и описаниях. ОТНЫНЕ И НАВЕКИ – это идеальный роман для чтения на пляже с одной оговоркой: присущий ему энтузиазм и прекрасные описания с неожиданной тонкостью раскрывают многогранность не только развивающихся чувств, но и развивающихся характеров. Книга станет отличной находкой для любителей романов, ищущих более глубокий смысл в произведениях этого жанра». –Сайт Midwest Book Review (Дайэн Донован) ОТНЫНЕ И НАВЕКИ – это прекрасно написанный роман, на страницах которого описана борьба женщины (Эмили) в поисках своего «я». Автор уделила большое внимание тщательной проработке персонажей и описанию деталей обстановки. Любовная линия также присутствует, но она ненавязчива. Мои поздравления автору в связи с замечательным началом серии, которая обещает быть очень увлекательной». – Обзоры книг и фильмов, Роберто Маттос 35-летняя Эмили Митчелл из Нью-Йорка переживает серию неудачных отношений.

Когда ее парень, с которым она встречается семь лет, зовет ее на долгожданный ужин в честь годовщины их отношений, Эмили уверена, что в этот раз все будет иначе, в этот вечер он наконец сделает предложение. Когда вместо этого он вручает ей небольшой флакон духов, Эмили понимает, что пришло время порвать с ним и начать жизнь с чистого листа. Недовольная своей напряженной и монотонной жизнью, Эмили решает, что пришло время перемен. Неожиданно для себя она решает поехать в заброшенный дом отца на побережье штата Мэн. Там ее ждет просторный старинный дом, в котором она, будучи ребенком, проводила волшебные летние каникулы. Однако дом после долгих лет заброшенности остро требует ремонта, да и зимы в Мэне суровые. Эмили не была здесь на протяжении двадцати лет, с тех пор, как трагическая случайность изменила жизнь ее сестры и разрушила ее семью. Ее родители развелись, отец исчез, а Эмили так и не нашла в себе сил войти в этот дом снова. Теперь же по какой-то причине, устав от жизни, Эмили чувствует, что ее тянет к единственному месту из детства, которое она знала. Она планирует остаться там только на выходные, чтобы разобраться с мыслями. Но что-то в этом доме, его бесчисленные секреты, воспоминания об отце, которые он хранит, романтика побережья, атмосфера маленького городка и, самое главное, шикарный, таинственный сторож не дают ей уехать. Найдет ли она ответы, которые ищет, в этом самом неожиданном из всех мест? Могут ли выходные затянуться на всю жизнь?

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	57
Глава пятая	77
Глава шестая	88
Глава седьмая	110
Глава восьмая	121
Глава девятая	140
Глава десятая	153
Глава одиннадцатая	161
Глава двенадцатая	173
Глава тринадцатая	191
Глава четырнадцатая	205
Глава пятнадцатая	220
Глава шестнадцатая	232
Глава семнадцатая	251
Глава восемнадцатая	261
Глава девятнадцатая	271
Глава двадцатая	282

Софи Лав

Отныне и навеки

ОТНЫНЕ И НАВЕКИ

(Гостиница в Сансет-Харбор – Книга 1)

СОФИ ЛАВ

Софи Лав

Софи Лав, которая сама с детства является яркой поклонницей жанра, с радостью представляет вам свою дебютную книгу из серии любовных романов под названием «ОТНЫНЕ И НАВЕКИ» (ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР – КНИГА 1). Софи будет рада вашим отзывам, поэтому вы можете написать ей на www.sophieloveauthor.com, чтобы получать рассылку, бесплатные электронные книги, быть в курсе

последних новостей и оставаться на связи!

Copyright © 2016 г. Софи Лав. Все права защищены. За исключением случаев, разрешенных Законом США об авторском праве 1976 года, ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена, распространена или передана в любом формате или любыми средствами, либо храниться в базе данных, без предварительного разрешения автора. Данная книга лицензирована только для личного пользования. Данная книга не может быть повторно продана или передана другим людям. В случае если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или же она была приобретена не для личного пользования, пожалуйста, верните ее и приобретите собственный экземпляр. Спасибо за уважение к напряженной работе автора. Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, совершенно случайно. Изображение обложки Copyright kak2s используется на основании лицензии, полученной от Shutterstock.com.

КНИГИ СОФИ ЛАВ

СЕРИЯ «ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР»

ОТНЫНЕ И НАВЕКИ (Книга № 1)

НАВЕКИ И ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ (Книга №

2)

НАВЕКИ, С ТОБОЙ (Книга № 3)

Глава первая

Эмили уже в который раз за вечер пригладила ладонями свое черное шелковое платье.

– Ты кажешься взволнованной, – сказал Бен. – Ты практически не притронулась к еде.

Она опустила взгляд на тарелку, в которой лежал почти нетронутый цыпленок, затем посмотрела на Бена, сидевшего напротив нее за красиво накрытым столом в свете свечей. Это была их седьмая годовщина, и он пригласил ее в самый романтический ресторан Нью-Йорка.

Естественно, она волновалась.

Особенно учитывая тот факт, что та маленькая коробочка от Тиффани, которую Эмили пару недель назад обнаружила в его ящике для белья, сегодня была не там, когда она заглянула туда ранее этим вечером. Она была уверена в том, что сегодня вечером Бен наконец-то сделает предложение.

Эта мысль заставляла ее сердце с трепетом выпрыгивать из груди.

– Я просто не голодна, – ответила она.

– Ох, – сказал Бен, слегка встревожено. – Это значит, ты не будешь десерт? Мне пришлось по душе соленый сливочный мусс.

Эмили определенно не хотела десерт, однако она внезапно насторожилась, что Бен мог спрятать кольцо в муссе. Это

было бы заезженное клише, однако сейчас она была бы рада и этому. Сказать, что Бен боялся ответственности, – это ничего не сказать. Прошло два года с начала их отношений, прежде чем он позволил ей оставить свою зубную щетку в его квартире, и четыре года, прежде чем он наконец решил, что они могут жить вместе.

Если же она затрагивала тему детей, он становился белым, как лист бумаги.

– Если хочешь, заказывай мусс, – сказала Эмили. – У меня еще осталось вино в бокале. Бен пожал плечами, затем подозвал официанта, который быстро забрал его пустую тарелку и ее недоеденного цыпленка.

Бен потянулся к ней и взял за руки.

– Я говорил тебе, что ты сегодня прекрасно выглядишь? – спросил он.

– Еще нет, – ответила она с хитрой улыбкой.

Он улыбнулся в ответ.

– В таком случае, ты выглядишь прекрасно.

Затем он полез в карман.

Казалось, ее сердце замерло. Наконец-то. Это происходит на самом деле. Все эти годы мучительного ожидания, терпения, в котором она достигла уровня буддийского монаха, – все это наконец окупится. Наконец-то она докажет маме, что та ошибалась, когда, казалось, практически с наслаждением говорила Эмили, что ей не удастся женить на себе такого мужчину, как Бен. Не говоря уже о ее лучшей подруге Эми,

которая в последнее время частенько, выпив пару бокалов вина, чуть ли не умоляла Эмили не тратить время на Бена, поскольку «в тридцать пять еще не поздно найти настоящую любовь».

Она проглотила ком в горле, когда Бен достал из кармана коробочку от Тиффани и придвинул ее к ней через стол.

– Что это? – удалось вымолвить ей.

– Открой, – ответил Бен, широко улыбаясь.

Эмили отметила, что он не встал на одно колено, но ей было все равно. Ей не нужны были эти традиции. Она просто хотела кольцо. Любое кольцо.

Эмили взяла коробочку и, открыв ее, сразу же поморщилась.

– Что за... черт? – заикаясь, произнесла она.

Она уставилась на содержимое коробочки, не скрывая шока. Там лежала маленькая бутылочка духов.

Бен широко улыбался, будто испытывая восторг от своего подарка.

– Я не знал, что у них есть еще и духи, – ответил он. – Я думал, они торгуют только дорогущими украшениями. Хочешь, надушу тебя?

Эмили заплакала, больше не в силах сдерживать эмоции. Все ее надежды были разрушены. Она чувствовала себя душой из-за того, что допустила мысль, что сегодня он сделает ей предложение.

– Почему ты плачешь? – спросил Бен обиженно. – На нас

смотрят люди.

– Я думала, – произнесла Эмили, вытирая слезы салфеткой, – раз ты пригласил меня в ресторан, и сегодня наша годовщина...

Она не могла произнести эти слова.

– Да, – спокойно сказал Бен. – Сегодня наша годовщина, и я купил тебе подарок. Извини, если он недостаточно хорош, но ты мне вообще ничего не подарила.

– Я думала, ты сделаешь мне предложение! – наконец прокричала Эмили, бросая салфетку на стол.

Болтовня в зале прекратилась, посетители оторвались от еды и уставились на нее. Ей было уже все равно.

Бен выпучил глаза от страха. Он выглядел еще более напуганным, чем когда она упоминала о возможности создания семьи.

– Зачем ты хочешь *пожениться*? – спросил он.

Внезапно у Эмили случился момент осознания. Она посмотрела на Бена так, словно видела его впервые. Он никогда не изменится. Он никогда не свяжет себя узами брака. Ее мать, Эми – они обе были правы. Она так много лет провела в ожидании того, что, очевидно, никогда не случится, и эта миниатюрная бутылочка духов стала последней каплей.

– Все кончено, – сказала Эмили, задыхаясь, но больше не плача. – Это действительно конец.

– Ты пьяна? – не веря своим ушам, заорал Бен. – Сначала ты хочешь замуж, а теперь ты хочешь расстаться?

– Нет, ответила Эмили. – Просто я наконец-то прозрела. Все это, ты и я, – это все было неправильно.

Она встала, бросив салфетку на стул.

– Я съезжаю, – сказала она. – Сегодня переночую у Эми, а завтра заберу вещи.

– Эмили, – прокричал ей вслед Бен. – Мы можем поговорить об этом?

– Зачем? – крикнула она в ответ. – Чтобы ты убедил меня подождать еще семь лет, пока мы не купим собственный дом? Еще десять лет, пока мы не создадим общий банковский счет? Семь лет, пока ты задумаешься о том, чтобы завести вместе кота?

– Пожалуйста, – сказал Бен еле слышно, наблюдая за официантом, который шел в их сторону с десертом. – Ты устраиваешь сцену.

Эмили понимала это, но ей было все равно. Она не собиралась менять решение.

– Нам больше не о чем говорить, – сказала она. – Наслаждайся своим соленым сливочным муссом!

И на этой ноте она пулей вылетела из ресторана.

Глава вторая

Эмили уставилась на клавиатуру, пытаясь пошевелить пальцами, сделать что-то, хоть что-нибудь. Пришло еще одно письмо на электронную почту, и она лишь безучастно посмотрела в монитор. Звук офисной болтовни влетал в одно ухо и вылетал из другого. Она не могла сосредоточиться и чувствовала, будто находится в оцепенении. А полное отсутствие сна из-за неудобного дивана Эми совсем не способствовало решению проблем.

Эмили уже час была на работе, но все, что она смогла сделать, – это включить компьютер и выпить чашку кофе. Все ее мысли были поглощены воспоминаниями прошлого вечера. Она то и дело видела лицо Бена и, прокручивая в голове тот ужасный вечер, ощущала легкий приступ паники.

Телефон замигал, и на экране в надцатый раз появилось имя Бена. Он снова звонил, хоть она ни разу не ответила на его звонок. О чем теперь говорить? У него было семь лет, чтобы понять, хочет он быть с ней или нет, а попытка спасти отношения в последнюю минуту ни к чему не приведет.

Зазвонил офисный телефон, и, выждав немного, она подняла трубку.

– Алло!

– Здравствуйте, Эмили, это Стейси с пятнадцатого этажа. У меня записано, что вы должны быть на совещании этим

утром, и я хотела поинтересоваться, почему вы его пропустили.

– Черт! – прокричала Эмили, бросив телефон.

Она напрочь забыла о совещании. Вскочив с места, она понеслась через офис к лифтам. Ее безумный вид, казалось, позабавил сотрудников, которые начали шептаться, словно глупые дети. Добежав до лифта, она ударила ладонью по кнопке.

– Давай, давай!

Прошла вечность, но в конце концов лифт приехал. Как только двери открылись, Эмили рванула внутрь, врезавшись в человека, который как раз выходил из лифта. Отскочив и отдышавшись, она поняла, что человеком, в которого она врезалась, был не кто иной, как ее начальница, Изельда.

– Простите, пожалуйста, – заикаясь, произнесла Эмили.

Изельда окинула ее взглядом сверху вниз.

– За что конкретно? За то, что врезалась в меня, или за то, что пропустила совещание?

– И за то, и за другое, – ответила Эмили. – Я как раз шла туда. Просто из головы вылетело.

Она спиной чувствовала взгляды сотрудников. Последнее, что ей сейчас было нужно, – это доза публичного унижения, в чем Изельда была искусным мастером.

– У тебя календарь есть? – холодно спросила Изельда, сложив руки.

– Есть.

– И ты знаешь, как им пользоваться, как писать?

Эмили слышала, как люди за ее спиной еле сдерживают смех. Ей захотелось провалиться сквозь землю. Она всегда боялась быть выставленной на посмешище, однако точно так же, как и прошлым вечером в ресторане, она испытала странный момент ясности. Изельда не была авторитетом, на который Эмили стоило равняться или потакать ее прихотям. Она просто была обиженной женщиной, вымещающей злость на каждом, кто попадет под руку. И весь этот шепот за ее спиной абсолютно ничего не значил.

Эмили внезапно накрыла волна осознания. Бен был не единственным, что ее устраивало в жизни. Она также ненавидела свою работу, этих людей, этот офис, Изельду. Она застряла здесь и не могла вырваться долгие годы точно так же, как с Беном. И она не собиралась больше с этим мириться.

– Изельда, – сказала Эмили, впервые обращаясь к начальнице по имени, – позвольте мне быть честной. Я пропустила совещание, у меня вылетело из головы, но это не самое страшное, что могло случиться.

Изельда пристально и сердито смотрела на нее.

– Да как ты смеешь?! – выпалила она с яростью. – Ты у меня будешь работать до полуночи весь следующий месяц, пока не научишься приходить вовремя!

С этими словами Изельда прошмыгнула мимо нее, задев плечом. По всей видимости, она собиралась удалиться, ре-

шив, что последнее слово осталось за ней.

Но Эмили так не считала.

Она протянула руку и схватила Изельду за плечо, останавливая.

Изельда обернулась и поморщилась, убирая руку Эмили, будто смахивая насекомое.

Но Эмили не сдавалась.

– Я не закончила, – продолжила Эмили, сохраняя спокойствие в голосе. – Самое страшное, что могло случиться, – это оказаться здесь. *С тобой*. На этой дурацкой, мелочной, выматывающей душу работе.

– Что ты сказала? – прокричала Изельда, багровея от ярости.

– Ты слышала меня, – ответила Эмили. – Я уверена, *все* меня слышали.

Эмили посмотрела через плечо на сотрудников, которые ошарашено уставились на нее. Никто не ожидал такого от тихой, всегда следующей правилам Эмили. Она вспомнила предупреждение Бена о том, что она «устраивает сцену» прошлым вечером. И вот, она устраивала еще одну, только на этот раз она наслаждалась этим.

– Можешь взять свою работу, Изельда, – добавила Эмили, – и засунуть ее себе в задницу.

Она практически слышала ошеломленные ахи, доносящиеся сзади.

Она оттолкнула Изельду и зашла в лифт, затем поверну-

лась на каблуках. Нажав на кнопку первого этажа и с облегчением осознав, что это было в последний раз, Эмили посмотрела на ошарашенные лица сотрудников, уставившихся на нее, пока двери не закрылись и не скрыли их из виду. Она выдохнула, чувствуя себя свободнее и легче, чем когда-либо.

*

Эмили бежала по ступенькам к своей квартире, осознавая, что на самом деле это не ее квартира, и она никогда не принадлежала ей. Она всегда чувствовала, что живет у Бена, и поэтому старалась вести себя как можно тише и ненавязчивее. Повозившись с замком, Эмили была рада, что Бен находился на работе, и ей не придется встречаться с ним.

Войдя внутрь, она посмотрела на все новым взглядом. Ей ничего здесь не нравилось. Все словно обрело новый смысл: отвратительный диван, насчет покупки которого они с Беном ругались (в этом споре он победил); дурацкий кофейный столик, который она хотела выкинуть, поскольку одна из ножек была короче других, из-за чего он постоянно шатался (однако Бен списал все на «сентиментальные причины», и столик остался); слишком большой телевизор, который стоил слишком дорого и занимал слишком много места (но Бен настоял на том, что он ему нужен, чтобы смотреть спортивные каналы, поскольку это было «единственным», что позволяло ему сохранить рассудок). Эмили взяла пару книг с

полки, отметив, что ее любовные романы были отправлены в скрытый от глаз уголок на нижней полке (Бен всегда переживал, что его друзья посчитают его менее умным, если увидят на полке любовные романы, поэтому он отдавал предпочтение научным текстам и работам философов, хотя на самом деле, кажется, никогда не открывал ни одну из этих книг).

Эмили окинула взглядом фотографии на каминной полке, оценивая, стоит ли забрать какие-нибудь, и была поражена, что на каждой фотографии, где она присутствовала, обязательно была семья Бена. Вот они на дне рождения его племянницы, на свадьбе его сестры. Не было ни одной фотографии с ней и ее мамой, которая была единственным членом ее семьи, не говоря уже о фотографиях, где они бы были вместе с Беном. Внезапно Эмили осознала, что была чужой в собственной жизни. Все эти годы она следовала по чужому пути вместо того, чтобы прокладывать собственный.

Она рванула через квартиру в ванную. Здесь находились единственные вещи, которые правда имели для нее значение, – ее чудесные средства для ванны и косметика. Но даже это было для Бена проблемой. Он постоянно жаловался, что у нее слишком много барахла, на которое она впустую тратит деньги.

– Это мои деньги – мне их и тратить! – прокричала Эмили своему отражению в зеркале, складывая свои принадлежности в сумку.

Она осознавала, что выглядела, словно сумасшедшая, бе-

гая по ванной и складывая полупустые бутылки шампуня в сумку, но ей было все равно. Ее жизнь с Беном была ничем иным, как ложью, и она хотела покончить с этим как можно скорее.

Затем Эмили побежала в спальню и достала из-под кровати свой чемодан. Быстро сложив туда всю свою одежду и обувь, она вытащила это все на улицу. И в качестве последнего символического жеста она вернулась в квартиру, положила свой ключ на «сентиментальный» кофейный столик Бена и ушла, чтобы больше никогда не вернуться.

Только стоя на обочине, Эмили наконец осознала, что все кончено. Всего за пару часов она сделала себя бездомной и безработной. Одно дело – покончить с отношениями, но отказать от своей привычной жизни – совсем другое.

Ее охватила легкая паника: руки дрожали, когда она достала мобильный и набрала Эми.

– Привет, как дела? – ответила Эми.

– Я сделала кое-что безумное, – сказала Эмили.

– Продолжай, – настаивала Эми.

– Я уволилась.

Она услышала, как Эми выдохнула на другом конце провода.

– Ох, слава богу, – послышался голос подруги. – Я уж думала, ты скажешь, что вернулась к Бену.

– Нет-нет, как раз наоборот. Я собрала вещи и ушла, и теперь стою на улице, как бездомная.

– Мое воображение только что нарисовало отличную картину, – засмеялась Эми.

– Это не смешно! – ответила Эмили, чувствуя приступ паники. – Что мне теперь делать? Я уволилась. Как я найду квартиру без работы?

– Признай, это все же немного смешно, – ответила Эми, давась от смеха, а затем беззаботно добавила, – просто вези это все сюда. Можешь остаться у меня, пока не разберешься со всем.

Но Эмили не хотела. Она годами жила в чужой квартире, чувствуя себя гостем в собственном доме, будто Бен делал ей одолжение, позволяя жить здесь. Она не хотела так больше. Она должна жить своей жизнью, встать на ноги.

– Спасибо за предложение, – сказала Эмили, – но я должна сама с этим разобраться.

– Понимаю, – ответила Эми. – И что теперь? Уедешь из города на время, чтобы проветрить мозги?

Эти слова заставили Эмили задуматься. У ее отца был дом в штате Мэн. Будучи ребенком, она часто проводила там лето, но с тех пор, как отец пропал двадцать лет назад, дом пустовал. Дом был старым, наполненным воспоминаниями, и в каком-то смысле даже шикарным, по историческим меркам; он был больше похож на просторную гостиницу, которой не могли найти применение, чем на дом.

Если тогда он был в достаточно сносном состоянии, Эмили знала, что сейчас, спустя двадцать лет, это будет не так;

и теперь он не будет казаться таким же пустым, как в детстве. Тем более, уже далеко не лето – на дворе февраль!

И все же мысль о том, чтобы провести несколько дней, сидя на крыльце с видом на океан в *своем* (в какой-то степени) доме, внезапно показалась очень романтичной. Выбраться из Нью-Йорка на выходные – это отличный способ прояснить мысли и понять, что делать дальше.

– Мне пора, – сказала Эмили.

– Стой! – остановила ее Эми. – Сначала скажи мне, куда направляешься.

Эмили глубоко вдохнула.

– Я еду в Мэн.

Глава третья

Эмили понадобилось сделать несколько пересадок в метро, чтобы добраться до длительной стоянки в Лонг–Айленд Сити, где находилась ее старая, брошенная, повидавшая виды машина. Прошло много лет с тех пор, как она последний раз садилась за руль, поскольку Бен всегда брал обязанности водителя на себя, чтобы похвастаться своим драгоценным Лексусом, и, проходя по огромной затемненной парковке, таща за собой чемодан, Эмили задавалась вопросом, не разучилась ли она водить. Это была одна из тех вещей, которую она упустила, будучи в отношениях.

Одна дорога сюда, к этой парковке на окраине города, казалась бесконечной. Походя к машине и слыша собственные шаги, раздающиеся эхом по парковке, она чувствовала, что сил идти дальше практически не осталось.

«Неужели я совершаю ошибку», – подумала Эмили. Может, ей следовало вернуться?

– Вот она.

Эмили обернулась и увидела сторожа гаража, который улыбался, глядя на обшарпанную машину, будто с сочувствием. Он достал ключи и встряхнул ими.

Мысль о предстоящей восьмичасовой поездке казалась Эмили непосильной и невозможной. Она была истощена, физически и морально.

– Вы возьмете их? – наконец спросил сторож.

Эмили моргнула, не понимая, что выпала из реальности.

Стоя там, она понимала, что это в каком-то смысле поворотный момент. Она струсит и вернется к старой жизни?

Или найдет в себе силы двигаться дальше?

Наконец Эмили выкинула темные мысли из головы и приказала себе быть сильной. Хотя бы сейчас.

Она взяла ключи и победоносно пошла к машине, пытаясь всем своим видом продемонстрировать отвагу и уверенность, но внутри переживала, что машина просто не заведется, а если и заведется, она не вспомнит, как водить.

Она села в холодную машину, закрыла глаза и включила зажигание. Эмили решила, что если она заведется, это будет знак. Если нет, она может вернуться.

Она не хотела признавать, но в тайне надеялась, что машина не заведется.

Эмили повернула ключ.

Машина завелась.

*

Для Эмили стало большим сюрпризом и утешением, что, несмотря на то, что она была неуверенным водителем, базовые навыки у нее сохранились. Все, что от нее требовалось, – просто давить на газ и управлять.

Эмили почувствовала свободу, глядя, как за окном про-

носится мир, и постепенно ее настроение отступило. Она даже включила радио, чтобы насладиться моментом.

Под орущее радио и с опущенными стеклами Эмили крепко сжала руль. В своем воображении она выглядела, как гламурная сердцеедка из черно-белого кино сороковых, когда ветер трепал ее идеальную прическу. В реальности суровый февральский ветер заставил ее нос покраснеть, как ягода, а волосы превратил в кудрявое гнездо.

Вскоре она выехала за пределы города, и чем дальше на север она двигалась, тем больше дороги утопали в елях. Эмили наслаждалась видом, проезжая мимо. Как легко она позволила суматохе городской жизни поглотить себя. Сколько лет она не позволяла себе остановиться и насладиться красотой природы?

Затем дорога стала шире, полос стало больше, и она оказалась на шоссе. Эмили прибавила газу, чувствуя себя живой и увлеченной скоростью, пока мчалась на своей полуразваленной машине. Все эти люди в машинах направлялись куда-то в путешествие, и она, Эмили, наконец была одной из них. Набирая скорость, она чувствовала нарастающее воодушевление.

Ее уверенность укреплялась по мере того, как дорога проносилась под колесами ее авто. Когда Эмили пересекла границу штата Коннектикут, она на самом деле осознала, что оставляет все позади: свою работу, Бена – наконец она скинула весь багаж.

Чем дальше в сторону севера она направлялась, тем холоднее становился воздух, и Эмили наконец пришлось признать, что с опущенными стеклами слишком холодно. Она подняла их и потерла руки, жалея, что не оделась теплее. Она уехала из Нью-Йорка в неудобном рабочем костюме и, поддавшись импульсу, выкинула пиджак и туфли на шпильках в окно. Теперь на Эмили была лишь тонюсенькая рубашка, а пальцы на босых ногах превратились в ледышки. Облик телезвезды сороковых разбился в ее сознании в дребезги, когда она увидела свое отражение в зеркале заднего вида. Она выглядела неряшливо, но ей было все равно – она была свободна, и это самое главное.

Прошло несколько часов, и, прежде чем Эмили осознала это, Коннектикут был далеко позади, став лишь отдалённым воспоминанием, местом, мимо которого она проехала на пути к лучшему будущему. Массачусетс порадовал более открытым пейзажем. Вместо темно-зеленых веток елей здешние деревья скинули листву и стояли по обе стороны, словно скелеты, обнажая лед на замерзшей почве под собой. Небо над головой Эмили постепенно меняло цвет с ясно-голубого на серый, напоминая, что пока она доберется до Мэна, будет уже темно.

Она ехала через Вустер. Большинство домов в городе были высокими, сделанными из дерева и были окрашены в пастельные тона. Эмили стало интересно, какие люди здесь живут, какая у них жизнь. Она была всего в нескольких часах

езды от дома, но все здесь казалось ей чужим: все возможности, все места, в которых можно жить и путешествовать. Как она прожила семь лет однообразной жизни, продолжая выполнять ту же старую, привычную рутину, проживая одинаковые дни снова и снова, ожидая, ожидая и ожидая чего-то большего. Все это время Эмили ждала, пока Бен соберется, чтобы начать новую главу жизни. Но в конечном итоге *она сама* стала движущей силой своей судьбы.

Съехав с трассы 290, она оказалась на мосту, а затем – на трассе 495. Вместо деревьев, красотой которых она успела восхититься, ее взору теперь предстали крутые скалы. Желудок Эмили заурчал, напоминая ей о том, что она забыла пообедать. Она думала остановиться у закусочной, но желание добраться до штата Мэн было слишком сильным, поэтому она решила отложить обед, пока не прибудет на место.

Еще через несколько часов Эмили пересекла границу штата Нью-Гемпшир. Небо прояснилось, открыв красоту бесчисленных широких дорог и бескрайних равнин. Эмили не могла не думать о том, насколько огромен этот мир и сколько людей в нем живет.

С этим чувством оптимизма она проехала город Портсмут, где над головой с гулом проносились самолеты, идущие на посадку. Эмили ускорила, проехала очередной город, где по краям автострады лежал иней, затем проехала Портленд, где дорога проходила параллельно железнодорожным путям. Эмили подмечала каждую мелкую деталь, поражаясь

размерам вселенной.

Проезжая по мосту на выезде из Портленда, она ускорила, с нетерпением ожидая возможности остановиться и полюбоваться океаном. Но небо темнело, и она понимала, что стоит поторопиться, если она хочет добраться до Сансет-Харбор до полуночи. Отсюда оставалось еще как минимум три часа езды, а на часах было уже девять вечера. Желудок Эмили снова взбунтовался, упрекая ее за то, что она пропустила обед, а теперь и ужин.

Больше всего остального Эмили ждала возможности проспать всю ночь, когда доберется. Усталость давала о себе знать; диван Эми был не очень удобным, не говоря уже о душевных муках, которые Эмили испытывала всю ночь. Но в Сансет-Харбор ее ждала прекрасная дубовая кровать с балдахинном, которая стояла в главной спальне, в лучшие времена принадлежавшей ее родителям. Мысль о том, чтобы поспать в такой шикарной кровати одной очень привлекала.

Несмотря на небо, намекающее на снегопад, Эмили решила не ехать по шоссе всю дорогу до Сансет-Харбор. Ее отец любил менее проторенные дороги – ряд мостов, соединяющих бесчисленные реки, впадающие в океан в той части штата Мэн.

Она съехала с шоссе и была рада хотя бы немного сбросить скорость. Дороги казались менее безопасными, зато вид был потрясающий. Эмили рассматривала звезды, которые отражались в прозрачной, сверкающей воде.

Она придерживалась Трассы 1 параллельно побережью, наслаждаясь красотой, которую она открывала. До того серое небо потемнело, что отразилось в воде. Казалось, будто она едет через открытый космос, направляясь в бесконечность.

Эмили направлялась к началу своей новой жизни.

*

Устав от бесконечной дороги и стараясь держать глаза открытыми, Эмили оживилась, когда свет ее фар наконец осветил знак, указывающий, что она въезжает в Сансет-Харбор. Сердце забилось чаще от облегчения и предвкушения.

Она проехала мимо небольшого аэропорта и заехала на мост, ведущий к острову Маунт Дезерт, с ноткой ностальгии вспоминая, как ребенком ехала по этому же мосту в машине с родителями. Эмили знала, что отсюда до дома оставалось всего десять миль, то есть путь до места назначения займет не более двадцати минут. Сердце выпрыгивало из груди от радостного волнения, а усталость и голод, казалось, отступили.

Она увидела небольшой деревянный знак с надписью «Добро пожаловать в Сансет-Харбор» и улыбнулась. По обе стороны улицы в ряд стояли высокие деревья, и Эмили стало тепло на душе от мысли, что это те же деревья, которыми она любовалась в детстве, когда ехала с отцом по этой же дороге.

Через несколько минут, проезжая по мосту, она вспомнила, как ребенком гуляла прекрасным осенним вечером, ступая по красным листьям, которые хрустели под ее ногами. Воспоминания были настолько яркими, что Эмили даже видела фиолетовые шерстяные перчатки, которые были на ней, когда она шла с отцом за руку. Тогда ей было не больше пяти, однако воспоминания были такими яркими, будто это было вчера.

Воспоминания продолжали всплывать в голове по мере того, как Эмили проезжала мимо других достопримечательностей: ресторана, в котором подавали вкуснейшие блинчики, лагеря, заполненного скаутами все лето напролет, узкой тропе, ведущей к пещере Солсбери. Добравшись до знака Национального парка Акадия, Эмили улыбнулась, понимая, что находится всего в паре миль от места назначения. Кажется, она доберется до дома как раз вовремя – начал падать снег, а ее полуразваленная машина вряд ли была приспособлена для поездок в метель.

Как по команде, машина стала издавать странный скрежет, доносившийся где-то из-под капота. Эмили нервно прикусила губу. Бен всегда был практичным, он был мастером на все руки, ее же познания в механике были плачевными. Оставалось только молиться, что машина продержится до последней мили.

Но скрежет усиливался, вскоре к нему добавился странный рокот, затем – раздражающее шелканье и наконец хрип.

Эмили ударила кулаками по рулю и выругалась про себя. Снегопад усиливался, и машина ныла все сильнее, пока не зашипела и вовсе не остановилась.

Эмили беспомощно сидела в машине, слушая шипение заглухшего двигателя и пытаясь разобраться, что делать дальше. На часах была полночь, дорога была абсолютно пуста в такое позднее время. Вокруг было тихо, словно в могиле, и ее фары были единственным источником света в непроглядной тьме – на дороге не было фонарей, а плотные тучи скрыли луну и звезды. Все это выглядело мрачно, и Эмили подумала, что это отличная обстановка для фильма ужасов.

Она взяла телефон, будто это был спасательный круг, но сигнала не было. От вида пяти пустых индикаторов сигнала волнение только усилилось, и она почувствовала себя еще более изолированной и одинокой. Впервые с того момента, как она тронулась с места, оставляя прошлое позади, Эмили почувствовала, что это решение было очень глупой ошибкой.

Выбравшись из машины и дрожа от пронизывающего ледяного ветра, она подошла к капоту и стала искать двигатель, не имея представления о том, что она на самом деле ищет.

В этот момент послышался рокот грузовика. Сердце забило с облегчением, когда Эмили, прищурившись, посмотрела вдаль и увидела, как к ней приближаются две светящиеся фары. Она стала махать руками, пытаясь остановить при-

ближающийся грузовик.

К счастью, он остановился, припарковавшись прямо за ее машиной, выпуская выхлопы в холодный воздух и освещая падающие снежинки резким светом своих фар.

Дверь водителя со скрипом открылась, и два тяжелых сапога ступили на снег. Эмили видела лишь силуэт человека, стоявшего перед ней, и внезапно ее охватил жуткий страх, что она остановила местного убийцу.

– Попали в беду? – послышался хриплый голос старика.

Эмили потерла руки, ощущая мурашки под рубашкой и пытаясь унять дрожь, но ее успокоил тот факт, что перед ней стоял старик.

– Да, я не знаю, что случилось, – сказала она. – Машина стала издавать странные звуки, а потом просто остановилась.

Мужчина подошел ближе, и Эмили смогла рассмотреть его лицо в свете фар. Он был очень стар, с кудрявыми белыми волосами, спадающими на морщинистое лицо. Его глаза были темными, но в них сверкнул интерес, когда он посмотрел на Эмили, а затем на машину.

– Не знаете, как это случилось? – спросил старик, посмеиваясь. – Я расскажу вам, как это случилось. Эта машина – не более чем груда металлолома. Я вообще удивлен, что она завелась! Кажется, ее забросили, а потом решили прокататься в снегопад?

Эмили была не в настроении для шуток, особенно потому, что понимала, что старик был прав.

– На самом деле я приехала аж из Нью-Йорка, путь сюда занял добрых восемь часов, – сухо ответила она.

Старик присвистнул.

– Нью-Йорк? Что ж, я никогда... Что привело вас в такую даль?

Эмили не хотелось делиться своей историей, поэтому она сказала лишь, что направляется в Сансет-Харбор.

Старик больше не задавал вопросов. Эмили наблюдала за ним, и ее пальцы онемели, пока она ожидала, что он предложит свою помощь. Но ему, казалось, просто нравилось расхаживать вокруг ее старой ржавой машины, то ударяя ботинком по покрышкам, то сдирая ногтем краску, цыкая и качая головой. Старик открыл капот и долго-долго рассматривал двигатель, временами бормоча что-то себе под нос.

– Ну? – наконец сказала Эмили, раздраженная его медлительностью. – В чем причина поломки?

Он посмотрел на нее из-под капота, почти удивленно, будто забыл о ее присутствии, и покачал головой.

– Она сломалась.

– Это я знаю, – раздраженно сказала Эмили. – Вы можете как-то ее починить?

– О, нет, – хихикая, ответил старик. – Никак.

Эмили захотелось закричать. Голод и усталость от долгой дороги дали о себе знать, и она готова была вот-вот расплакаться. Все, чего она хотела, – это добраться до дома и поспать.

– Что мне делать? – спросила она, чувствуя отчаянье.

– Ну, у вас есть пара вариантов, – ответил старик. – Пойти в мастерскую, которая находится в миле отсюда.

Он показал своими короткими морщинистыми пальцами в сторону, откуда она приехала.

– Или я могу взять вас на буксир и отвезти, куда нужно, – добавил он.

– Вы сможете это сделать? – спросила Эмили, удивленная его добротой, от которой она отвыкла, пока жила в Нью-Йорке.

– Конечно, – ответил старик. – Я не оставлю вас здесь в полночь в снегопад. Я слышал, он усилится в ближайшее время. Так куда вы направляетесь?

Эмили переполняло чувство благодарности.

– Уэст Стрит, пятнадцать.

Мужчина с интересом склонил голову набок.

– Уэст Стрит, пятнадцать? Тот старый, заброшенный дом?

– Да, – ответила Эмили. – Он принадлежит моей семье.

Мне нужно побыть одной в тишине.

– Я не могу оставить вас там, – покачал головой старик. – Этот дом разваливается. Сомневаюсь, что там есть вода и электричество. Почему бы вам не остаться у меня? Мы с женой, Бертой, живем над магазинчиком и будем рады принять вас.

– Это очень мило с вашей стороны, – сказала Эмили. – Но я правда хочу побыть одна. Так что если вы дотащите меня

до Уэст Стрит, я буду очень благодарна.

Старик какое-то время смотрел на нее.

– Хорошо, мисс, – наконец ответил он. – Раз вы настаиваете.

Эмили почувствовала облегчение, когда он забрался в свой грузовик и переставил его перед ее машиной. Она наблюдала, как он достал толстую веревку и привязал сначала к своей, а затем к ее машине.

– Хотите поехать со мной? – спросил он. – В конце концов, у меня есть печка.

– Я бы лучше, – Эмили слегка улыбнулась, но покачала головой.

– Побыли в одиночестве, – закончил он за нее. – Понял, понял.

Эмили вернулась в машину, думая о том, какое впечатление она произвела на старика. Он, наверное, думает, что она немного не в себе, раз отправилась неподготовленная и одетая не по погоде в полночь в снегопад и требовала отвезти ее к обшарпанному заброшенному дому, чтобы побыть в одиночестве.

Грузовик впереди завелся, и она почувствовала толчок, когда ее машина сдвинулась с места на буксире. Эмили откинулась на сидении и посмотрела в окно.

По одну сторону дороги, по которой они ехали последние пару миль, находился национальный парк, а по другую – океан. Сквозь темноту и падающий снег Эмили видела океан и

волны, разбивающиеся о камни. Затем океан исчез из виду, и они оказались в городе, проезжая мимо гостиниц и мотелей, экскурсионных компаний и курсов гольфа, мимо более застроенных кварталов, хотя для Эмили они были не такими уж и застроенными по сравнению с Нью-Йорком.

Затем они свернули на Уэст Стрит, и сердце Эмили дрогнуло, когда они проезжали мимо заросшего плющом дома из красного кирпича. Он выглядел точно так же, как и в последний раз, когда она была здесь двадцать лет назад. Они проехали мимо синего дома, желтого дома и белого дома, и она прикусила губу, осознавая, что следующий дом, дом из серого камня, будет ее.

Увидев его, Эмили почувствовала, как ее накрыла волна ностальгии. В последний раз она была здесь, когда ей было пятнадцать, и ее гормоны бушевали в ожидании летнего романа. У нее никогда не было такого, но она все еще помнила волнение от такой возможности.

Грузовик остановился, и машина Эмили тоже.

Эмили выбежала из машины, не дождавшись, пока та полностью остановится, и, затаив дыхание, стояла перед домом, который некогда принадлежал ее отцу. Ее ноги дрожали, и она не могла понять, было ли это от облегчения, что она наконец добралась, или от эмоций от возвращения сюда через столько лет. Однако, тогда как другие дома на улице не изменились, от дома ее отца осталась лишь тень прежнего величия. Когда-то белоснежные оконные ставни теперь были по-

крыты толстым слоем грязи. Сейчас все они были закрыты, что придавало дому негостеприимный вид. Трава на лужайке, где Эмили проводила бесконечные летние дни за чтением романов, была на удивление хорошо ухожена, а небольшие кусты по бокам от входной двери были пострижены. Но теперь она поняла удивленное выражение лица старика, когда она сообщила ему, куда направляется, поскольку сам дом выглядел таким заброшенным, таким постылым и обветшалым. Эмили стало грустно от того, что такой красивый старый дом пришел в упадок с годами.

– Красивый дом, – сказал старик, остановившись позади нее.

– Спасибо, – ответила Эмили почти в трансе, не в силах отвести взгляд от старого дома. Снег кружил вокруг нее. – И спасибо за то, что довезли меня сюда.

– Не за что, – ответил старик. – Вы точно уверены, что хотите остаться здесь сегодня?

– Уверена, – ответила Эмили, на самом деле начиная волноваться, что приехать сюда было большой ошибкой.

– Позвольте помочь вам с сумками, – сказал старик.

– Нет-нет, – ответила Эмили. – Правда, вы сделали достаточно. Я сама донесу.

Она покопалась в кармане и достала скомканную банкноту.

– Вот, возьмите деньги на бензин.

Мужчина посмотрел на банкноту, затем снова на нее.

– Оставьте деньги, – сказал он. – Если действительно хотите отблагодарить меня, почему бы вам как-нибудь не зайти к нам с Бертой на кофе с пирогом?

Эмили почувствовала ком в горле, засовывая банкноту обратно в карман. Доброта этого человека повергла ее в шок после недружелюбного Нью-Йорка.

– Как долго вы планируете быть здесь? – добавил он, вручая ей небольшой клочок бумаги с номером телефона и адресом.

– Я приехала только на выходные, – ответила Эмили, взяв у него бумажку.

– Что ж, если вам что-то понадобится, позвоните мне. Или приходите на заправку, где я работаю. Это рядом с магазинчиком – вы не ошибетесь.

– Спасибо, – снова сказала Эмили, стараясь выразить всю свою благодарность.

Как только шум двигателя затих и наступила тишина, Эмили вновь почувствовала спокойствие. Снег падал еще сильнее, и все было настолько тихим, насколько это возможно.

Эмили вернулась в машину и забрала вещи, затем вперевалку потащила по дорожке с тяжелым чемоданом в руках, чувствуя, как в груди закипают эмоции. Дойдя до входной двери, она остановилась, разглядывая знакомую дверную ручку и вспоминая, как поворачивала ее сотни раз. Может быть, приехать сюда все же было хорошей идеей. Как

ни странно, она чувствовала, что находится именно там, где должна.

*

Эмили стояла в темной пыльной прихожей старого отцовского дома в глупой надежде согреться, потирая плечи ладонями. Она не знала, чем она думала. Неужели она и вправду ожидала, что этот старый дом, пустовавший уже двадцать лет, встретит ее теплом?

Эмили попробовала включить свет, но ничего не произошло.

«Естественно», – дошло до нее. Как можно быть такой дурой? Она правда думала, что здесь есть электричество?

Эмили не додумалась взять фонарик. Она ругала себя. Как всегда, она очень спешила и не спланировала все заранее.

Положив чемодан на пол, она прошла дальше по скрипучему полу, проводя кончиками пальцев по рельефным обоям, прямо как в детстве. Эмили даже разглядела на них следы, некогда оставленные ей. Она прошла по лестнице – длинной веренице широких ступенек из темного дерева. Части перил не хватало, но ее это не тревожило – находясь в этом доме, она чувствовала себя вновь живой.

По привычке она попробовала включить еще один выключатель, но это опять не дало результата. Эмили дошла до две-

ри в конце коридоре, ведущей на кухню, и открыла ее.

Ударивший в лицо ледяной воздух заставил ее ахнуть. Она прошла внутрь, ступая босиком по покрывшемуся льдом мраморному полу.

Эмили попробовала открутить кран над раковиной, но ничего не произошло. От страха она закусил губу. Ни отопления, ни света, ни воды. Что еще этот дом приготовил ей?

Эмили обошла дом в поиске выключателей или рычагов, которые могли контролировать воду, газ и электричество. В чулане под лестницей она нашла щиток предохранителей, но нажатие выключателей ничего не дало. Котел, насколько она помнила, находился в подвале, однако идея спуститься туда в темноте, без источника света, ужасала ее. Эмили нужен был фонарь или свеча, но ничего такого не могло быть в заброшенном доме. Несмотря на это, она решила на всякий случай проверить ящики в кухне, но в них не было ничего, кроме столовых приборов.

В груди Эмили нарастала паника, и она заставила себя думать. Она мысленно вернулась к тем временам, когда с семьей отдыхала в доме, и вспомнила, как отец организовывал доставку топлива, чтобы протопить дом зимой, из-за чего мама жутко бесилась, поскольку оно было дорогим, и она считала, что отапливать пустой дом зимой – напрасная трата денег. Но отец Эмили настаивал, что дом нужно содержать в тепле, чтобы трубы не полопались.

Эмили поняла, что ей нужно заказать топливо, чтобы про-

топить дом. Но она не имела ни малейшего представления, как это сделать, поскольку ее мобильный был без связи.

Внезапно в дверь постучали. Это был тяжелый, уверенный и осмысленный стук, который эхом разнесся по пустым коридорам.

Эмили замерла, ощутив приступ тревоги. Кто может стучать в такое время и в такую погоду?

Она вышла из кухни и тихо пошла по коридору, бесшумно ступая по деревянному полу босыми ногами. Неуверенно схватив ручку и после нескольких секунд сомнений, она наконец собралась и открыла дверь.

Перед ней стоял мужчина в клетчатой куртке с припорошенными снегом волосами длиной по плечи, напоминавшей Эмили лесоруба или охотника из сказки о Красной шапочке. Это был не ее тип, однако мужчина без сомнения был красив с этими холодными голубыми глазами, небольшой щетиной на остром подбородке, и Эмили была поражена тем, как притягателен он был для нее.

– Помощь нужна? – спросил он.

Мужчина прищурился, словно оценивая ее.

– Меня зовут Дэниел, – сказал он, протянув руку в знак приветствия. Пожимая руку, она отметила, что кожа на его руках была грубой. – А тебя?

– Эмили, – ответила она, внезапно почувствовав собственное сердцебиение. – Это дом моего отца. Я приехала на выходные.

– Домовладелец не появлялся здесь двадцать лет, – Дэниел прищурился сильнее. – У тебя есть разрешение здесь находиться?

Его тон был грубым, даже слегка враждебным, и Эмили отскочила назад.

– Нет, – смущенно ответила она, чувствуя себя некомфортно из-за напоминания о наиболее болезненном опыте в ее жизни – исчезновении ее отца, и застигнутая врасплох грубостью Дэниела. – Но он дал мне благословение приезжать и уезжать, когда захочу. Вам-то что с того?

Теперь ее тон был так же груб, как и его.

– Я присматриваю за домом, – ответил он. – Я живу в сторожевом домике.

– Вы *живете* здесь? – воскликнула Эмили, понимая, что ее мечте о тихих выходных в старом доме отца не суждено сбыться. – Но я хотела побыть в одиночестве в эти выходные.

– Как и я, – ответил Дэниел. – Я не привык, чтобы люди приезжали без предупреждения.

И, выглянув из-за ее плеча, добавил:

– И трогали имущество.

– С чего вы взяли, что я трогаю имущество? – Эмили сложила руки на груди.

– Ну, – подняв бровь, ответил Дэниел, – если только вы не планируете сидеть здесь в темноте и холоде все выходные, я думаю, вы будете трогать. Нужно запустить котел, очистить трубы и все такое.

На смену грубости Эмили пришло чувство стыда, и она зарделась.

– Вам не удалось включить котел, не так ли? – спросил Дэниел с ухмылкой, по которой Эмили поняла, что его слегка забавляет ее затруднительная ситуация.

– Я просто не успела, – надменно ответила она, стараясь сохранить лицо.

– Хотите, я вам покажу? – спросил он почти лениво, будто это не доставит ему хлопот.

– А вы можете? – спросила Эмили, слегка удивленная и сбитая с толку его предложением помощи.

Дэниел ступил на коврик с надписью «Добро пожаловать». С его куртки посыпались снежинки, создав небольшой снегопад прямо в прихожей.

– Я лучше сделаю это сам, чем позволю вам что-то сломать, – объяснил он, непринужденно пожав плечами.

Эмили заметила, что снег за дверью превратился в метель. Хоть она и не хотела этого признавать, она была очень рада появлению Дэниела в этот момент. Если бы не он, она, скорее всего, замерзла бы до смерти за ночь.

Эмили закрыла дверь, и они прошли по коридору к двери, ведущей в подвал. Дэниел был подготовлен. Он достал фонарь, освещая лестницу, ведущую в подвал. Эмили прошла за ним вниз, слегка напуганная темнотой и паутиной. В детстве она очень боялась этого места и редко решалась спуститься туда. Подвал был набит старинными приборами

и механизмами, поддерживающими дом. Их вид шокировал ее и заставил еще раз задуматься о том, что приехать сюда было ошибкой.

К счастью, Дэниел включил котел в считанные секунды, будто это было самой простой вещью на свете. Эмили смутила мысль о том, что ей потребовалась помощь мужчины, хотя основной целью ее приезда было восстановление собственной независимости. Она понимала, что, несмотря на грубую привлекательность Дэниела и явное притяжение, которое он вызывал, нужно, чтобы он скорее убрался отсюда. Вряд ли она сможет начать искать себя, если он будет находиться в доме. Хватало уже и того, что он был поблизости.

Закончив с котлом, они покинули подвал. Эмили почувствовала облегчение, выбравшись из сырого, пахнущего плесенью места в основную часть дома. Она последовала за Дэниелом через коридор к кладовке и в кухню. Он сразу же приступил к очистке труб.

– Вы готовы протапливать дом всю зиму? – крикнул он из-под столешницы. – А то они замерзнут.

– Я останусь только на выходные, – ответила Эмили.

Дэниел выполз из-под стола и сел, его волосы были взъерошены и торчали.

– Не стоит шутить с таким старым домом, – сказал он, качая головой.

Тем не менее он слил воду.

– Так где же тепло? – спросила Эмили, когда он закончил.

Было очень холодно, несмотря на включенный котел и почищенные трубы. Она потерла руки, пытаясь заставить кровь циркулировать.

Дэниел рассмеялся, вытирая грязные руки полотенцем.

– Оно не станет работать чудесным образом, понимаете, – сказал он. – Нужно заказать топливо. Все, что я могу, – это запустить эту штуку.

Эмили разочарованно вздохнула. Получается, Дэниел не был рыцарем в сияющих доспехах, на которого она рассчитывала.

– Держите, – сказал Дэниел, вручая ей визитку. – Это номер Эрика, он организует доставку.

– Спасибо, – пробормотала она. – Но мой телефон здесь не ловит.

Она подумала о мобильном, о пустых полосках связи и вспомнила, насколько одинокой она на самом деле была.

– На улице есть телефон-автомат, – сказал Дэниел. – Но я бы не рискнул идти туда в метель. Да и, в любом случае, они сейчас не работают.

– Конечно, – пробормотала Эмили, чувствуя разочарование и полную растерянность.

Дэниел, вероятно, заметил, что Эмили расстроена и угнетена.

– Я могу разжечь камин для вас, – предложил он, кивая в сторону гостиной.

Его брови приподнялись в ожидании, почти со смущени-

ем, что внезапно придало ему ребяческий вид.

Эмили собиралась возразить, попросить его оставить ее одну в ледяном доме, поскольку это наименьшее, чего она заслуживала, но что-то заставило ее помедлить. Возможно, присутствие Дэниела в доме заставило ее чувствовать себя менее одинокой, менее отрезанной от цивилизации. Она не ожидала, что телефон не будет ловить, что она не сможет позвонить Эми, а мысль о том, чтобы провести первую ночь в холодном темном доме, вызывала страх.

Видимо, Дэниел почувствовал ее сомнение, поскольку он вышел из комнаты, прежде чем она успела открыть рот и что-либо ответить.

Эмили последовала за ним, про себя благодаря его за то, что он смог прочесть одиночество в ее глазах и предложил остаться, пусть и под предлогом разжечь камин. Дэниел был в гостиной, сооружая кучу из хвороста, угля и дров в камине. Она сразу же вспомнила отца, как он склонялся над камином, мастерски разжигая огонь, так тщательно и долго, будто творил искусство. Она видела его за этим занятием тысячи раз, и каждый раз ей нравилось, что он делал. Костер вводил Эмили в транс, и она часами лежала на ковре у камина, наблюдая за танцующими оранжевыми и красными языками пламени, чувствуя, как жар обжигает лицо.

Эмоции подкатывали к горлу и становились комом. Думая об отце, видя такие четкие воспоминания в своем сознании, Эмили едва сдерживала поток слез. Она не хотела плакать

при Дэниеле, не хотела выглядеть жалкой, беспомощной девицей. Поэтому она подавила свои эмоции и уверенно направилась в комнату.

– На самом деле я знаю, как разжечь костер, – сказала она Дэниелу.

– О, правда? – ответил он, приподняв бровь. – Что ж, занимайся.

Он протянул ей спички.

Эмили выхватила коробок и зажгла спичку, наблюдая за маленьким оранжевым огоньком в своих руках. На самом деле она лишь наблюдала за тем, как отец разжигает костер, но сама ни разу не участвовала в этом. Но в ее памяти сохранилась настолько живая картина, что она была уверена в своих силах. Поэтому Эмили опустилась на колени и подожгла хворост, который Дэниел положил в камин. В долю секунды огонь разгорелся со знакомым звуком, который вызывал у нее спокойствие и ностальгию, как и все в этом доме. Эмили чувствовала гордость, когда огонь начал разгораться. Но вместо того, чтобы пойти в дымоход, черный дым начал наполнять комнату.

ЧЕРТ, – завопила Эмили, окруженная облаками дыма.

Дэниел засмеялся.

– Ты же сказала, что знаешь, как разжечь костер, – сказал он, открывая дымоход. Столб дыма ту же засосало в камин.

– Та-да! – добавил он с широкой улыбкой.

Когда дым вокруг рассеялся, Эмили сердито взглянула на

него, слишком гордая, чтобы поблагодарить его за помощь, в которой она, безусловно, нуждалась. Но она была рада наконец согреться. Эмили почувствовала, как циркулирующая возобновилась, и пальцы ног и нос согрелись, а задубевшие пальцы на руках наконец расслабились.

Гостиная освещалась огнем и была окутана мягким оранжевым светом. Эмили наконец увидела всю старинную мебель, которой отец обставил дом. Она осмотрела обшарпанные, брошенные вещи. В одном углу стоял высокий книжный шкаф, некогда ломившийся от изобилия книг, которые она читала долгими летними днями. Теперь же там осталась всего пара штук. У окна стоял старый рояль. Конечно, сейчас он был расстроен, но когда-то ее отец играл мелодии, а она пела. Ее отец так гордился этим домом, и видеть его сейчас, в свете огня, в таком брошенном состоянии, было очень грустно.

Два дивана были накрыты белыми простынями. Эмили подумала снять их, но понимала, что это повлечет за собой облако пыли. А после облака дыма она не была уверена, что ее легкие способны выдержать такое. В любом случае, Дэниелу, казалось, было удобно на полу у камина, поэтому она просто села рядом с ним.

Итак, – сказал Дэниел, грея руки у костра, – наконец-то хоть немного теплее. Однако в доме нет электричества, и я думаю, ты не догадалась взять с собой фонарь или свечу.

Эмили покачала головой. Ее чемодан был забит всяким

хламом, там не были ничего полезного, ничего из того, что ей правда нужно было здесь.

– У отца всегда были свечи и спички, – сказала она. – Он всегда был наготове. Думаю, я ожидала, что найду здесь что-нибудь, но после двадцати лет...

Она замолчала, внезапно осознав, что произнесла воспоминания об отце вслух. Обычно она этого не делала, все чувства и мысли о нем были спрятаны глубоко внутри. Легкость, с которой она говорила о нем, удивила ее.

– Тогда мы можем остаться здесь, – мягко сказал Дэниел, будто почувствовав, что Эмили затронула какое-то болезненное воспоминание. – Огонь еще долго будет гореть. Хочешь чая?

– Чая, – нахмурилась Эмили. – Как ты собираешься сделать чай без электричества?

Дэниел улыбнулся, будто приняв вызов.

– Смотри и учись.

Он встал и исчез из огромной гостиной, через несколько минут вернувшись с маленьким круглым чайником, похожим на котелок.

– Что у тебя там? – с интересом спросила Эмили.

– О, лучший чай, который ты когда-либо пробовала, – ответил он, размещая котелок над огнем. – Считай, что ты не пила чай, если ты не пробовала чай на костре.

Эмили наблюдала за ним, глядя как пламя отражается на его лице, выделяя его черты и делая еще более привлека-

тельным. Его сосредоточенность на деле придавала ему еще большее очарование. Эмили ничего не могла поделать – так восхищала ее его практичность и находчивость.

– Держи, – сказал он, передавая ей чашку и прерывая ее грезы. Дэниел выжидающе наблюдал, как она делает первый глоток.

– Ох, действительно вкусно, – сказала Эмили, радуясь теплу, которое наконец разлилось по ее телу.

Дэниел рассмеялся.

– Что? – спросила Эмили.

– Просто это первый раз за все время, когда ты улыбнулась, – ответил он.

Эмили отвела взгляд, внезапно застеснявшись. Дэниел был полной противоположностью Бена, и все же ее очень тянуло к нему. Возможно, в другом месте и в другое время она бы поддалась искушению. В конце концов, за семь лет у нее был только Бен, и она заслуживала немного внимания, немного радости.

Но сейчас было неподходящее время. Не сейчас, когда в ее жизни царит полнейший хаос и переполох, а воспоминания об отце витают у нее в голове. Эмили чувствовала, что куда бы она ни смотрела, она видела его тень: вот он сидит на диване с маленькой Эмили, прислонившейся к нему, и читает ей вслух, вот он врывается в двери с широченной улыбкой после похода на блошинный рынок, где он нашел ценную старинную вещицу, проведя затем несколько часов, осторож-

но очищая ее, чтобы вернуть ей прежнее величие. Где теперь весь этот антиквариат? Все эти статуэтки и произведения искусства, юбилейная посуда и столовые приборы времен Гражданской войны? Дом не был таким, каким она его запомнила. Время оставило свой отпечаток на вещах, причем более заметный, чем она могла ожидать.

Новая волна печали накрыла Эмили, когда она окинула взглядом пыльную, грязную комнату, некогда наполненную жизнью и смехом.

– Как это место могло стать таким? – внезапно закричала она, не в силах скрыть обвинительный тон в голосе.

Она нахмурилась.

– Я имею в виду, разве ты не должен был за ним ухаживать?

Дэниел вздрогнул, застигнутый врасплох внезапной агрессивностью. Минуту назад у них был деликатный, нежный момент, а теперь она упрекала его. Дэниел окинул ее холодным взглядом.

– Я делаю, что могу, – сказал он, – но этот дом огромный, и он весь на мне.

– Извини, – сразу же отступила Эмили, не желая быть причиной помрачневшего лица Дэниела. – Я не хотела бросать камень в твой огород. Просто...

Она посмотрела в чашку и помешала чайные листья.

– Это место было похоже на сказку, когда я была ребенком, – продолжила она. – Оно было таким воодушевляю-

щим, понимаешь? Таким красивым.

Дэниел внимательно на нее смотрел.

– Просто грустно видеть его таким.

– А чего ты ожидала? – ответил Дэниел. – Оно пустовало двадцать лет.

Эмили отвела печальный взгляд.

– Я знаю, – сказала она. – Думаю, я просто хотела верить, что оно застыло во времени.

Застыло во времени, как и образ отца в ее памяти. Ему все еще было сорок, он ни капли не постарел и выглядел точно так же, как и в последний раз, когда они виделись. Но, где бы он ни был, время сказалось на нем точно так же, как и на доме. Желание Эмили восстановить дом за выходные стало еще сильнее. Больше всего она хотела восстановить это место, хотя бы отчасти вернув ему былое величие. Возможно, таким образом она вернет память об отце. Она могла бы сделать это в его честь.

Эмили выпила последний глоток чая и поставила чашку.

– Пора спать, – сказала она. – Это был долгий день.

– Конечно, – ответил Дэниел, вставая.

Он двигался быстро, и, грациозно покинув комнату, пошел через коридор к входной двери, пока Эмили плелась позади.

– Просто позови меня, когда понадобится помощь, – добавил он. – Я буду в сторожевом домике неподалеку.

– Не понадобится, – возмущенно ответила Эмили. – Я са-

ма разберусь.

Дэниел потянулся к ручке и открыл входную дверь, впус- тив в дом вихрь снега. Застегнув куртку, он посмотрел че- рез плечо:

– Гордость тебе здесь не поможет, Эмили. Нет ничего за- зорного в том, чтобы попросить помощи.

Она хотела выкрикнуть что-то в ответ, возразить, ска- зать, что он ошибается, называя ее слишком гордой, но лишь смотрела, как его силуэт исчезает за снежной стеной, не в состоянии произнести ни слова.

Эмили закрыла дверь, отгораживаясь от внешнего мира и лютой метели. Теперь она была в полном одиночестве. Свет просачивался в прихожую из гостиной, но был слишком сла- бым, чтобы осветить ступеньки. Она посмотрела вверх на длинную деревянную лестницу, которая исчезала в темноте. Если она не хотела спать на одном из пыльных диванов, ей нужно было решиться подняться наверх, в темноту. Эмили вновь почувствовала себя маленькой девочкой, которая бо- ится спуститься в мрачный подвал, воображая разных мон- стров и вампиров, ожидающих ее там. Только сейчас она была взрослой тридцатипятилетней женщиной, которая бо- ялась подняться по лестнице, потому что знала, что забро- шенный вид гораздо страшнее любого монстра, которого мо- жет нарисовать ее воображение.

Вместо этого Эмили вернулась в гостиную, наслаждаясь последним теплом от огня. В шкафу все еще стояло несколь-

ко книг: «*Секретный сад*», «*Пятеро детей и оно*» – классика, которую читал ей отец. Но где все остальные? Куда подевались все вещи отца? Они исчезли, прямо как он.

Угольки начали гаснуть, и вокруг Эмили воцарилась темнота, соответствующая ее мрачному настроению. Она не могла больше бороться с усталостью – нужно было подняться наверх.

Выйдя из гостиной, Эмили услышала странный скрежет, доносящийся от входной двери. Первой мыслью было, что это какое-то дикое животное ищет объедки, но шум был слишком отчетливым, слишком сосредоточенным.

С сильным волнением, она тихо прокралась к входной двери и прислонилась к ней ухом. Что бы она ни слышала, оно уже ушло. Все, что она слышала сейчас, – это завывания ветра. Но что-то заставило ее открыть дверь.

Эмили потянула дверь на себя и увидела на крыльце свечи, фонарь и спички. Должно быть, Дэниел вернулся и оставил их для нее.

Она схватила вещи, крайне неохотно принимая его помощь, понимая, что ее гордость пошатнулась. Но в то же время она была бесконечно благодарна, что кто-то заботился о ней. Да, она бросила прежнюю жизнь и убежала, но здесь она не была полностью одинока.

Эмили включила фонарик и наконец набралась смелости подняться наверх. Освещая ступеньки на своем пути, она рассматривала картины на стене, выцветшие от времени и

покрытые паутиной и пылью. На большинстве картин были акварелью изображены местные пейзажи – корабли в океане, ели в национальном парке. Но одна из них была семейным портретом. Эмили остановилась перед ней, рассматривая маленькую себя. Она совсем забыла об этой фотографии, скрыв ее в памяти и заперев на двадцать лет.

Сдерживая эмоции, она продолжила подниматься по лестнице. Старые ступеньки громко скрипели под ее ногами, а некоторые из них были треснутыми. На них были потертости от бесчисленных шагов за все эти годы, и Эмили вспомнила, как спускалась и поднималась по ним в красных туфельках.

Поднявшись, она осветила фонариком длинный коридор – множество дверей из красильного дуба, панорамное окно в конце, которое теперь было заколочено досками. Ее старая спальня находилась справа в конце коридора, напротив ванной. Эмили не могла вынести мысли о том, чтобы заглянуть в другие комнаты. Ее спальня хранила слишком много воспоминаний, слишком много, чтобы выпустить их сейчас. И ей не очень хотелось узнать, во что превратилась ее ванная за все эти годы.

Вместо этого Эмили осторожно прошла по коридору, обойдя старинный чемодан с орнаментом, о который она ударялась мизинцем так много раз, и вошла в спальню родителей.

В свете фонаря Эмили видела, насколько пыльной была кровать, и как моль поела подушки. Воспоминание о краси-

вой кровати с балдахином, которая когда-то принадлежала родителям, разбилось вдребезги, столкнувшись с реальностью. После двадцати лет заброшенности комната выглядела разрушенной. Грязные и мятые шторы уныло свисали, прикрывая заколоченные досками окна. Канделябры на стенах были покрыты толстым слоем пыли и паутины, вероятно, сотканной целыми поколениями пауков. Все, включая туалетный столик у окна, маленькую табуретку, на которой много лет назад сидела ее мама, нанося на кожу лавандовый крем перед зеркалом, было покрыто толстым слоем пыли.

Все воспоминания, похороненные Эмили на долгие годы, вновь всплыли в ее сознании. Она не могла сдержать слез, охваченная эмоциями, которые испытала за последние пару дней, ожившими воспоминаниями об отце и внезапным осознанием того, как сильно она по нему скучает.

Буря за окном усилилась. Эмили поставила фонарь на столик у кровати, выпустив облако пыли, и стала готовиться ко сну. Сюда не дошло тепло от камина, и в комнате было жутко холодно, особенно когда она разделась. В чемодане она нашла шелковую ночную рубашку, но поняла, что это не самый подходящий наряд – лучше надеть несуразные гамаши и толстые носки.

Эмили стянула пыльное малиново-золотое лоскутное одеяло и легла в постель. Какое-то время она смотрела в потолок, обдумывая все, что случилось за прошедшие несколько дней. Одинокая, замерзшая и беспомощная, она погасила

фонарь, погрузившись в темноту, и уснула в слезах.

Глава четвертая

Следующим утром Эмили проснулась рано, чувствуя себя полностью дезориентированной. Через заколоченные окна пробивалось так мало света, что она не сразу поняла, где находится. Глаза быстро привыкли к темноте, она смогла рассмотреть комнату и вспомнила: Сансет-Харбор. Дом отца.

Еще через мгновение она вспомнила, что теперь еще и безработная, бездомная и абсолютно одна.

Она заставила свое уставшее тело подняться с постели. Утренний воздух был холодным. Увидев собственное отражение в зеркале, Эмили вздрогнула – ее лицо было опухшим от слез, а кожа выглядела сухой и бледной. Внезапно она осознала, что так и не поела как следует за прошедший день. Чай на костре, приготовленный Дэниелом, был единственным, что она выпила за вечер.

Эмили задержалась перед зеркалом на какое-то время, разглядывая свое отражение в старом, покрытом сажей стекле и прокручивая в памяти прошлую ночь: тепло костра, они с Дэниелом, сидящие у камина с чаем, Дэниел, подшучивающий над ее неспособностью справиться с домом. Эмили вспомнила снежинки в его волосах, когда она открыла перед ним дверь, и то, как он растворился в метели, исчезнув в темноте ночи так же быстро, как и появился.

Ее мысли прервало урчание в животе. Она быстро оде-

лась. Мятая футболка была слишком легкой для такого холода, поэтому она укуталась в пыльное одеяло, лежавшее на кровати, затем вышла из спальни и босиком пошла вниз по лестнице.

Внизу все было тихо. Выглянув в разрисованное морозом окно на входной двери, она была поражена, увидев, что, несмотря на то, что метель утихла, снежные холмы за окном достигали почти метра в высоту, превратив мир в гладкое, спокойное, бесконечное белое полотно. Никогда в жизни она не видела столько снега.

Эмили могла лишь различить следы птички, прыгающей по дорожке, но, помимо этого, все оставалось нетронутым. Мир выглядел спокойным, но в то же время безлюдным, что напомнило Эмили о собственном одиночестве.

Понимая, что прогулка была не вариантом, Эмили решила исследовать дом и посмотреть, что в нем сохранилось и сохранилось ли. Прошлой ночью в доме было темно, так что у нее не было возможности осмотреться, но сейчас, в свете дня, эта задача была реальной. Урчание в животе заставило ее пройти в кухню.

Кухня была в еще худшем состоянии, чем ей показалось, когда она зашла сюда прошлой ночью. Холодильник, оригинальный Prestcold кремового цвета 1950-х годов, который ее отец купил на дворовой распродаже одним летом, не работал. Она пыталась припомнить, работал ли он когда-либо или же был еще одним источником раздражения для ее ма-

тери, еще одним куском хлама, которым отец набил дом. В детстве коллекция отца казалась Эмили скучной, но сейчас она ценила эти воспоминания, отчаянно цепляясь за них.

Заглянув в холодильник, Эмили не обнаружила ничего, кроме отвратительного запаха. Она быстро захлопнула его, а затем заглянула в буфет. Там она нашла старую банку кукурузы, этикетка на которой выгорела настолько, что нельзя было разобрать ни буквы, и бутылочку солодового уксуса. На секунду в голове промелькнула мысль приготовить что-то из этих продуктов, но Эмили решила, что не настолько отчаялась. В любом случае, нож для консервных банок полностью проржавел, поэтому, даже если бы Эмили и захотела, открыть банку с кукурузой все равно бы не получилось.

Затем она прошла в прачечную, где находились стиральная машина и сушилка. В комнате было темно, маленькое окошко было закрыто фанерой, как и многие другие окна в доме. Эмили нажала на кнопку на сушилке и не удивилась, когда ничего не произошло. Испытывая нарастающее разочарование в связи со своим положением, Эмили решила действовать. Забравшись на тумбу, она попыталась поддеть лист фанеры. Это оказалось сложнее, чем она ожидала, но она не сдавалась. Эмили продолжала тянуть со всех сил. Наконец фанера затрещала. Эмили дернула еще раз – и фанера поддалась, полностью обнажив окно. Отдача была настолько сильной, что Эмили упала с тумбы, отпустив лист, который остался висеть на окне, покачиваясь. В тот же момент, при-

землившись на пол, Эмили услышала звук бьющегося стекла.

Морозный воздух ворвался в прачечную. Эмили застонала и села, осматривая свое ушибленное тело, чтобы убедиться, что ничего не сломала. Она почувствовала боль в спине и потерла ее, глядя на разбитое окно, которое теперь пропускало тонкую полоску света. Эмили злилась на себя за то, что вместо того, чтобы решить проблему, она лишь усугубила положение.

Она глубоко вдохнула и встала, затем подняла кусок фанеры с тумбы, на которую он упал. Кусочки стекла упали на пол и разбились вдребезги. Осмотрев фанеру, Эмили увидела, что гвозди сильно изогнуты. Даже если бы ей удалось найти молоток, в чем она очень сомневалась, эти гвозди уже никуда не годились. Затем она заметила, что разломала оконную раму надвое, когда срывала фанеру. Теперь нужно было менять окно полностью.

Находиться в прачечной было невозможно из-за пронизывающего холода. Через разбитое окно виднелся все тот же бесконечный снег. Эмили подняла одеяло с пола и снова накинула его на плечи, а затем вышла из прачечной, направившись в гостиную. Там она хотя бы могла разжечь камин и немного согреться.

Успокаивающий запах горелого дерева все еще витал в гостиной. Эмили присела у камина и принялась укладывать хворост и дрова в форме пирамидки. В этот раз она помни-

ла, что нужно открыть дымоход, и с облегчением вздохнула, когда пламя затрещало.

Усевшись на корточки, Эмили принялась греть свои замерзшие руки. Она заметила котелок, в котором Дэниел готовил чай, сидя у камина. Котелок и чашки так и лежали там, где их оставили прошлой ночью. В голове промелькнули воспоминания о том, как они с Дэниелом болтали о старом доме за чаем. Желудок завыл, напоминая ей о голоде, и она решила сварить чай, как ей показывал Дэниел, убеждая себя, что это хоть ненадолго усмирит чувство голода.

Как только она разместила котелок над огнем, откуда-то в доме послышался телефонный звонок. Хотя звук был ей знаком, Эмили подскочила, услышав, как он разносится по коридорам. Она забыла о мобильном, когда поняла, что сигнал отсутствует, поэтому этот звук стал для нее неожиданностью.

Эмили вскочила, оставив чай, и побежала на звук телефона, который лежал на тумбочке в прихожей. Звонил неизвестный номер, и она ответила, будучи слегка озадаченной.

– Э, здравствуйте, – раздался голос пожилого мужчины на другом конце провода. – Вы та женщина с Уэст Стрит, пятнадцать?

Связь была плохой, и мягкий, неуверенный голос мужчины был едва различим.

Эмили нахмурилась, сбитая с толку звонком.

– Да, а кто это? – ответила она.

– Меня зовут Эрик. Я, э, доставляю топливо во все дома в этом районе. Слышал, вы заехали в тот старый дом, и я подумал, что могу организовать для вас доставку. Если, конечно, э, вам нужно.

Эмили не могла в это поверить. В этом маленьком сообществе новости разносились удивительно быстро. Однако, подождите... Откуда Эрик взял ее номер? Затем она вспомнила, что прошлой ночью показывала телефон Дэниелу, когда жаловалась на отсутствие сигнала. Должно быть, он увидел номер и запомнил его, чтобы дать его Эрику. Несмотря на гордость, Эмили с трудом могла сдержать восхищение.

– Да, это было бы чудесно, – ответила она. – Когда вы сможете приехать?

– Ну, – ответил мужчина, слегка взволнованным и почти робким голосом, – на самом деле я уже направляюсь в вашу сторону.

– Правда? – запинаясь, произнесла Эмили, не веря такой удаче.

Она быстро взглянула на время на телефоне. Еще даже восьми не было. Либо Эрик всегда начинает работать ни свет, ни заря, либо же он отправился в путь специально ради нее. Она подумала, не обратился ли мужчина, подвозивший ее прошлой ночью, в компанию по доставке топлива от ее имени. Это был либо он, либо... Дэниел?

Выкинув мысли из головы, она вернулась к телефонному разговору.

– Вы сможете добраться сюда? – спросила она. – Тут все в снегу.

– Не волнуйтесь насчет этого, – сказал Эрик. – Грузовику снег не страшен. Просто убедитесь, что путь к трубе чист.

Эмили напрягла мозг, пытаясь вспомнить, видела ли она где-то здесь лопату.

– Хорошо, постараюсь. Спасибо!

В телефоне повисла тишина, и Эмили взялась за дело. Она помчалась в кухню, проверив оба буфета. Там и близко не было ничего, что могло бы ей понадобиться, поэтому она проверила все шкафчики в прачечной, а затем в кладовке. Наконец она нашла лопату для снега, стоявшую у задней двери. Эмили никогда не думала, что будет так рада лопате, но она схватила ее, как спасательный круг. Радуюсь находке, она почти забыла обуться, но, ухватившись за щеколду, чтобы открыть заднюю дверь, заметила кроссовки, которые выглядывали из ее сумки. Быстро обувшись, она распахнула дверь, держа в руках свою бесценную лопату.

Эмили тут же осознала всю силу и масштаб снегопада. Видеть снег через окно – это одно дело, но видеть перед собой сугробы высотой почти метр – совсем другое.

Она решила не терять времени и, вонзив лопату в стену из снега и льда, начала прокладывать путь от дома. Задача оказалась не из легких; уже через пару минут Эмили почувствовала, как по спине стекают капли пота, руки болели, и она была уверена, что на них останутся мозоли.

Убрал снег с участка площадью около метра, Эмили нашла свой ритм. В этом было что-то очищающее, в движении, необходимом для сгребания снега. Даже физический дискомфорт казался менее заметным, когда она видела, как вознаграждаются ее усилия. В Нью-Йорке ее любимым упражнением был бег на беговой дорожке, но таких тренировок у нее еще не было.

Эмили расчистила трехметровую дорожку к дому.

Но когда она обнаружила, что до выпускной трубы осталось добрых десять метров, ее настигло отчаянье, ведь она уже была обессилена.

Стараясь не поддаваться этому чувству, она решила немного передохнуть и перевести дух. В этот момент Эмили заметила сторожевой домик в глубине сада, скрытый за елями. Из каминной трубы выходило небольшое облако дыма, а окна излучали теплый свет. Эмили стало интересно, были ли Дэниел внутри, попивая чай в тепле. Она не сомневалась, что он бы помог ей, но хотела доказать, что может справиться и сама. Прошлым вечером он безжалостно высмеял ее, и, скорее всего, именно он позвонил Эрику. Должно быть, он посчитал ее девицей, оказавшейся в беде, и Эмили не собиралась позволить ему довольствоваться мыслью, что он оказался прав.

Но желудок продолжал ныть, и она была истощена. Слишком истощена, чтобы продолжать. Эмили сама загнала себя в лужу, внезапно осознав, что оказалась в ситуации, где, с од-

ной стороны, она слишком горда, чтобы попросить о помощи, в которой она так нуждалась, а с другой – слишком слаба, чтобы сделать все самой. Внутри нарастала злость, которая вылилась горячими слезами. Подступившие слезы только больше разозлили ее. Она злилась на себя за собственную беспомощность. В своем разочарованном воображении она подвела себя и, как капризный и упрямый ребенок, решила вернуться в Нью-Йорк, как только снег растает.

Отбросив лопату, Эмили поспешила вернуться в дом. Ее кроссовки насквозь промокли, и она сбросила их у двери, и вошла в гостиную, чтобы погреться у камина.

Завалившись на пыльный диван, Эмили взяла мобильный, решив позвонить Эми и рассказать ей долгожданную новость о том, что она провалила свою первую и единственную попытку стать самодостаточной. Но телефон сел. Подавив порыв закричать, Эмили бросила бесполезный телефон на диван и легла набок, полностью разбитая.

Сквозь всхлипывания она услышала шорох снаружи. Эмили села, вытерла слезы и побежала к окну. Во дворе стоял Дэниел с лопатой в руках и разгребал снег, завершая начатое ей дело. Она поражалась тому, как быстро он убирал снег, как умело он это делал, и как естественно при этом выглядел, будто родился с лопатой в руках. Но восхищение длилось недолго. Вместо того, чтобы быть благодарной Дэниелу или радоваться, что он очистил весь путь к выпускной трубе, Эмили злилась на него, будто он был виноват в

ее беспомощности.

Не раздумывая, Эмили схватила промокшие кроссовки и обула их. В ее сознании проносились мысли: воспоминания о бесполезных бывших парнях, которые никогда ее не слушали, а вступали, пытаясь «спасти» ее. Это был не только Бен, до него был гиперопекающий и не дающий спокойно вздохнуть Эдриан, а перед ним – Марк, который относился к ней как к хрупкой вазе. Все они знали о ее прошлом, в котором мистическое исчезновение ее отца было лишь вершиной айсберга, и обращались с ней так, будто она нуждалась в защите. Все эти мужчины из прошлого сделали ее такой, и она не намерена была больше это терпеть.

Она выбежала в снег.

– Эй! – крикнула она. – Ты что делаешь?

Дэниел лишь на секунду остановился. Она даже не обернулась, просто продолжил отбрасывать снег, а затем спокойно ответил.

– Я расчищаю дорожку.

– Я вижу, – прокричала в ответ Эмили. – Я имею в виду, зачем, если я сказала, что мне не нужна твоя помощь?

– Потому что иначе ты замерзнешь, – ответил Дэниел, все еще не глядя на нее. – Как и вода, которую я включил.

– И что? – отрезала Эмили. – Что тебе с того, что я замерзну? Это моя жизнь. Захочу – и замерзну.

Дэниел не спешил отвечать Эмили или впутываться в ссору, которую она, очевидно, собиралась затеять. Он просто

продолжил убирать снег – спокойно, методично, будто его нисколько не тревожило ее присутствие, будто ее здесь и не было.

– Я не могу просто сидеть, сложа руки, и позволить тебе умереть, – ответил Дэниел.

Эмили сложила руки на груди.

– Я думаю, ты драматизируешь. Есть разница между тем, чтобы немного замерзнуть и умереть!

Наконец Дэниел воткнул лопату в снег и выпрямился. Он посмотрел ей в глаза, и его выражение лица невозможно было прочитать.

– Снег закрыл выпускную трубу. Лучше запустить котел, иначе выхлоп пойдет прямо в дом. Ты задохнешься углекислым газом за двадцать минут, – сказал он, как бы между делом, ошарашив Эмили. – Если хочешь умереть – пожалуйста, но только не при мне.

С этими словами она бросил лопату на землю и направилась к сторожевому домику.

Эмили стояла и смотрела ему вслед, чувствуя, как на смену злости пришел стыд. Она чувствовала себя ужасно из-за того, как говорила с Дэниелом. Он лишь хотел помочь, а она бросила все это ему в лицо, словно капризный ребенок.

Она хотела догнать его, чтобы извиниться, но в этот момент на улице появился грузовик с топливом. Эмили почувствовала оживление, удивившись тому, как радовал ее один только факт доставки топлива. Находиться в доме в Мэне

было так не похоже на ту жизнь, которая была у нее в Нью-Йорке.

Эмили наблюдала за тем, как Эрик выпрыгнул из машины. Как для старика, он был на удивление ловким. На нем был испачканный маслом комбинезон, и он походил на персонажа из мультфильма. Лицо его было покрыто морщинами, но во взгляде читалась доброта.

– Здравствуйте, – сказал он так же неуверенно, как и по телефону.

– Я Эмили, – сказала Эмили, протягивая руку в знак приветствия. – Я правда очень рада, что вы здесь.

Эрик лишь кивнул и сразу приступил к работе, устанавливая насос. Он явно был не из любителей поболтать, и Эмили было неловко стоять и наблюдать за его работой, каждый раз слегка улыбаясь, когда он ловил на себе ее взгляд, будто удивляясь ее присутствию.

– Можете показать мне котел? – спросил он, когда все было готово.

Эмили вспомнила о подвале, о своей ненависти к огромным механизмам, которые питали дом, и о тысячах пауков, которые годами плели там паутины.

– Да, сюда, – ответила она тихим, тоненьким голоском.

Эрик достал фонарь, и они вместе спустились в жуткий темный подвал. Как и Дэниел, Эрик, казалось, был мастером по механическим штукам. В считанные секунды огромный котел заработал. Эмили ничего не могла поделать – она об-

няла старика.

– Работает! – радостно закричала она. – Не могу поверить, что он работает!

Эрик сжался от ее прикосновения.

– Ну, не стоит шутить с таким старым домом, как этот, – ответил он.

Эмили ослабила объятия. Ей было все равно, что еще один человек говорил ей остановиться, сдаться, что она не справится. Теперь в доме была вода и отопление, а это значило, что она не вернется в Нью-Йорк с поражением.

– Вот, – сказала Эмили, взяв в руки сумочку. – Сколько я вам должна?

Эрик лишь покачал головой.

– Все уже оплачено, – ответил он.

– Оплачено кем? – спросила Эмили.

– Кое-кем, – уклончиво ответил Эрик.

Ему явно было неловко оказаться в такой непривычной ситуации. Тот, кто заплатил ему, чтобы он приехал и доставил ей топливо, должно быть, попросил его молчать об этом, и вся эта ситуация смущала его.

– Что ж, ладно, – сказала Эмили. – Как скажете.

Про себя она решила, что узнает, чьих это рук дело, и вернет ему деньги.

Эрик лишь коротко кивнул и направился к выходу из подвала. Эмили спешно последовала за ним, не желая находиться в подвале одна. Поднимаясь по ступенькам, она отметила,

что ее походка изменилась, став более пружинистой.

Она провела Эрика к двери.

– Спасибо вам, правда, – сказала Эмили так выразительно, как могла.

Эрик промолчал в ответ, лишь окинув ее на прощание взглядом, и направился во двор паковать свои принадлежности.

Эмили закрыла дверь. Чувствуя душевный подъем, она побежала наверх в главную спальню и дотронулась рукой до батареи, почувствовав, как тепло начинает разноситься по трубам. На радостях она даже не замечала стука и цоканья в трубах, эхом разносящихся по дому.

*

К вечеру Эмили уже наслаждалась теплом. Она до конца не осознавала, как некомфортно ей было с того момента, как она покинула Нью-Йорк, и успокаивала себя, что этот дискомфорт хотя бы отчасти был причиной, по которой она звверилась на Дэниела.

Ей больше не нужно было пыльное одеяло из главной спальни, чтобы согреться, поэтому Эмили занавесила им окно в прачечной, прежде чем приняться за уборку битого стекла. Она развесила мокрую одежду на батареях, выбила ковер в гостиной и протерла все тумбочки от пыли, затем аккуратно расставив на них книги. Теперь в комнате было

уютно, почти так, как она помнила. Эмили сняла с полки старый, зачитанный до дыр экземпляр «Алисы в Зазеркалье» и собиралась почитать книгу у очага, но не смогла сосредоточиться. Ее мысли то и дело возвращались к Дэниелу. Ей было так стыдно за то, как она с ним обошлась. И хотя он вел себя так, будто ему наплевать, то, как он бросил лопату и рванул к дому, явно свидетельствовало о том, что слова Эмили разозлили его.

Чувство вины терзало ее, и в конце концов она не выдержала. Бросив книгу и обув теплые и уютные кроссовки, Эмили направилась к сторожевому домику.

Она постучала в дверь и ждала, слыша, как кто-то приближается с той стороны. Дверь открылась, и перед ней в теплом свете огня стоял Дэниел. Из домика вырвался запах еды, и Эмили снова вспомнила, что не ела.

– Что случилось? – спросил Дэниел своим привычным ровным тоном.

Эмили не удержалась и заглянула ему за плечо, рассмотрев издающее треск пламя, лакированный пол, забитую книгами полку и гитару, прислоненную к пианино. Она не знала, чего ожидать от дома Дэниела, но явно не этого. Она удивилась тому, как не сочетались дом, в котором жил Дэниел, и тот его образ, который она составила.

– Я, – запинаясь, сказала она. – Я просто...

Ее голос постепенно стих.

– Просто хотела попросить немного супа? – предложил

Дэниел.

Эмили вернулась в реальность.

– Нет. Почему ты так подумал?

Дэниел посмотрел на нее одновременно изумленно и с укором.

– Потому что ты выглядишь так, будто умираешь с голоду.

– А вот и не умираю, – грубо ответила Эмили, снова взбесившись из-за того, что Дэниел предположил, якобы она слабая и не может позаботиться о себе, несмотря на то, что он был прав.

Эмили раздражало то, как Дэниел заставлял ее чувствовать себя, будто она была каким-то глупым ребенком.

– На самом деле я хотела спросить об электричестве, – сказала она.

Это лишь наполовину было ложью – ей на самом деле в какой-то степени было нужно электричество.

Эмили не была до конца уверена, но ей показалось, что в глазах Дэниела промелькнуло разочарование.

– Могу починить завтра, – сказал он пренебрежительным тоном, указывающим, что он хочет, чтобы она убралась.

Внезапно Эмили стало жутко неловко, и она поняла, что что-то в ее словах разозлило его.

– Послушай, почему бы тебе не зайти на чай? – неловко спросила она. – В качестве благодарности за уборку снега и доставку топлива. И в качестве извинений за то, что было до этого.

Она с надеждой улыбнулась. Но Дэниел не шелохнулся, лишь сложив руки на груди и подняв бровь.

– Ты думаешь, я захочу зависать у тебя? Только потому, что твой дом больше, ты думаешь, все хотят быть там?

Эмили удивленно нахмурилась. Она не знала, что ему ответить, но точно не была готова к еще одному оскорбительному разговору.

– Забудь, – пробурчала она.

Повернувшись на каблуках, Эмили ринулась прочь, злясь на себя и свое поведение не меньше, чем на Дэниела.

Но через несколько минут, присев у камина с урчащим желудком, она услышала скрежет, доносящийся от входной двери. Она сразу же узнала его. Это был тот же звук, который она слышала прошлой ночью, и Эмили уже знала, что Дэниел оставил ей еще один подарок.

Она побежала к двери, чувствуя, как сердце выскакивает из груди, и распахнула ее. Дэниела уже не было. Эмили посмотрела вниз и увидела стоявший на пороге термос. Подняв его, она открутила крышку и понюхала содержимое. Она моментально узнала тот же вкусный запах, которым был наполнен домик Дэниела. Он оставил ей суп.

Не в силах противиться желудку, Эмили схватила суп и принялась с жадностью поглощать его. Вкус был чудесным, она никогда не пробовала ничего подобного. Должно быть, Дэниел был потрясающим поваром – еще одно достоинство в его копилку. Музыкант, книголюб, повар и мастер на все

руки, не говоря уже о его безупречном вкусе в дизайне интерьера – таланты Дэниела действительно поражали.

*

В ту ночь Эмили скрутилась калачиком на кровати в главной спальне, которая была более уютной, чем та, в которой она спала прошлой ночью. Она почистила одеяла и вытерла каждый сантиметр комнаты от пыли, избавив комнату от запаха заброшенности. Приятно было находиться в доме, пригодном для проживания, даже несмотря на то, что некоторые батареи все еще не работали на полную мощность. Но осознание того, что она добилась чего-то, встала на ноги впервые за семь лет, действительно заставило ее гордиться собой. Если бы только Бен видел ее сейчас! Эмили уже чувствовала, что она не та женщина, которой была рядом с ним.

Впервые за долгое время она с нетерпением ждала следующего дня и того, что он принесет, в частности, подключенное электричество. С рабочим холодильником и плитой наконец можно будет что-то приготовить. Возможно, даже отблагодарить Дэниела за все, что он сделал, приготовив ему еду. Эмили хотела хотя бы уладить все с ним, прежде чем уедет, поскольку она буквально ворвалась в его жизнь и устроила хаос.

Чем больше она думала о перспективе вернуться домой, тем больше понимала, что не хочет этого. Несмотря на испы-

тания и злключения, с которыми ей пришлось столкнуться за прошедшие два дня в доме, Эмили впервые за долгие годы чувствовала веру в свои силы.

Для чего ей вообще возвращаться в Нью-Йорк? Конечно, есть Эми, но у подруги своя жизнь, и она часто бывает занята. Эмили подумала, что, возможно, продлить ее отпуск ненадолго, будет неплохой идеей. Долгих выходных в этом доме едва ли будет достаточно для того, чтобы в чем-либо разобраться, да и не хочется зря тратить силы, чтобы подключить электричество, если она практически сразу же уедет. Остаться на недельку было бы лучше. Так она смогла бы проникнуться атмосферой дома в Мэне, на самом деле перезарядиться и дать себе время подумать над тем, чего она действительно хочет.

Находиться в старой комнате родителей было уютно и приятно, и Эмили внезапно вспомнила, как приходила сюда маленькой, устраивалась между ними и слушала сказки, которые читал ей отец. Это было чем-то вроде традиции, так она была ближе к родителям, которые, как ей тогда казалось, были слишком заняты ее маленькой сестричкой, Шарлоттой. Только теперь, будучи взрослой, Эмили поняла, что они не так были заняты Шарлоттой, как избегали своего обреченного брака.

Эмили потрясла головой, не желая вспоминать, не желая выпускать эти воспоминания, которые подавляла столько лет. Но как она ни старалась, они переполняли ее созна-

ние. Комната, дом, все эти мелочи вокруг напоминали ей об отце, заполняя все ее мысли и возвращая жуткие воспоминания, от которых она так старательно пыталась избавиться.

Воспоминания о том, как сказки в большой кровати прекратились в один трагический день, в день, когда жизнь Эмили изменилась навсегда, в день, когда по браку ее родителей был нанесен последний сокрушительный удар.

День, когда умерла ее сестра.

Глава пятая

После ночи глубокого сна, наполненного сновидениями, Эмили проснулась с ощущением тепла на коже. Она так привыкла к холоду, что резко села и обнаружила, что солнечный свет пробивается в просвет в шторах. Прикрыв глаза, она встала с постели и подошла к окну. Закрывая штору, Эмили обрадовалась открывшемуся перед ней виду: солнце ярко светило, сверкая на быстро тающем снегу, капли воды падали с обледеневших веток деревьев за окном, сверкая радугой в свете солнца. От вида захватывало дух. Эмили никогда еще не видела такой красоты.

Большая часть снега растаяла, и Эмили решила, что уже можно выйти в город. Она была так голодна, а суп, который вчера оставил ей Дэниел, казалось, пробудил аппетит, утраченный после всей этой драмы с расставанием с Беном и увольнением. Эмили надела джинсы и футболку, а сверху накинула пиджак от своего костюма, поскольку он был единственной вещью в ее багаже, хотя бы отдаленно напоминавшей куртку. Наряд выглядел странно, но она понимала, что большинство людей и так будут пялиться на чужачку с полуразваленной машиной, съездившуюся у заброшенного дома, поэтому ее вид заботил ее меньше всего.

Эмили поспешила вниз по лестнице, прошла через коридор и открыла дверь во внешний мир. Теплый воздух кос-

нулся ее кожи, и она улыбнулась, почувствовав внезапный прилив радости.

Эмили проехала по дорожке, расчищенной Дэниелом, и направилась в сторону океана, где, как она помнила, находились магазины.

Прогуливаясь по улицам, она ощутила, будто вернулась назад во времени. Место ни чуточку не изменилось, и некоторые магазины, стоявшие здесь двадцать лет назад, все еще были на своем месте. Лавка мясника, пекарня – все было именно таким, как она запомнила. Если время и коснулось их, то лишь слегка. Вывеска, к примеру, стала ярче, а продукты выглядели более современно, но атмосфера не изменилась. Эмили радовалась этой причудливости.

Погрузившись в свои мысли, Эмили не заметила перед собой участок, покрытый гладким льдом. Поскользнувшись, она распласталась по земле.

Перевернувшись, Эмили легла на спину и простонала. В этот момент над ней склонился человек, лицо его было старым и добрым.

– Вам помочь? – спросил джентльмен, протягивая руку.

– Спасибо, – ответила Эмили, приняв его вежливое предложение помощи.

Он помог ей подняться на ноги.

– Вы ушиблись?

Эмили размяла шею. Она болела, но это могло быть как от вчерашнего падения в прачечной, так и от сегодняшнего

падения на льду. И почему она такая неуклюжая?

– Все в порядке, – ответила она.

Мужчина кивнул.

– Позвольте уточнить, – сказал он. – Это вы та девушка из старого дома на Уэст Стрит?

Эмили почувствовала смущение. Ей было неловко находиться в центре внимания, быть главной темой сплетен в маленьком городе.

– Да, это я, – ответила она.

– Значит, вы купили дом Роя Митчелла? – спросил мужчина.

Эмили замерла при упоминании имени отца. То, что этот мужчина знал его, заставило ее сердце трепетать со странной скорбью и надеждой. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и прийти в себя.

– Нет, я... я его дочь, – наконец произнесла она, запинаясь.

Глаза мужчины расширились.

– Тогда вы, должно быть, Эмили Джейн, – произнес он.

Эмили Джейн. Это имя резало слух. Так ее никто не называл уже долгие годы. Это было прозвище, которое дал ей отец, еще одна деталь, внезапно исчезнувшая после смерти Шарлотты.

– Теперь меня называют просто Эмили, – ответила она.

– Ну, – сказал мужчина, окинув ее взглядом с головы до ног, – посмотри, как ты выросла.

Она доброжелательно засмеялся, но Эмили была в напря-

жении, будто ее способность чувствовать улетучилась, оставив лишь черную дыру в животе.

– Могу я спросить вас, кто вы? – сказала она. – Откуда вы знаете моего отца?

Мужчина вновь хихикнул. Он был дружелюбен, такие люди обычно легко заставляют других почувствовать себя комфортно. Эмили чувствовала себя немного виноватой за свою напряженность, за угрюмость, которую она с годами приобрела в Нью-Йорке.

– Я Дерек Хенсен, мэр города. Мы дружили с твоим отцом, вместе ездили на рыбалку, играли в карты. Я несколько раз приходил к вам на ужин, но, думаю, ты была слишком маленькой, чтобы запомнить это.

Он был прав. Эмили не помнила.

– Что ж, рада встрече, – сказала Эмили, внезапно пожелав, чтобы этот разговор закончился.

То, что мэр помнил о ней то, чего не помнила она сама, заставило ее почувствовать себя некомфортно.

– Я тоже, – ответил мэр. – Так скажи мне, как там Рой?

Эмили напряглась. Значит, он не знал, что ее отец однажды просто взял и исчез. Должно быть, они просто предположили, что он перестал приезжать сюда в отпуск. А с какой стати им думать иначе? Даже хороший друг, коим считал себя Дерек Хенсен, не подумал бы, что человек просто растворился в воздухе, и больше никто его не видел. Это не та мысль, которая первой приходит в голову. Ей бы точно не

пришла.

Эмили застыла, не зная, как ответить на столь, казалось бы, невинный, но такой тяжелый вопрос. Она осознала, что покрывается испариной. Мэр смотрел на нее со странным выражением лица.

– Его больше нет с нами, – внезапно выпалила она в надежде, что это положит конец расспросам.

Так и случилось. Его лицо стало каменным.

– Очень жаль это слышать, – ответил мэр. – Он был отличным человеком.

– Был, – ответила Эмили.

Но про себя подумала: *«а был ли»?* Он бросил их с матерью, когда они больше всего нуждались в нем. Смерть Шарлотты стала горем для всей семьи, но только он решил убежать от своей жизни. Эмили могла понять потребность сбежать от собственных переживаний, но она не понимала, как можно бросить свою семью.

– Мну нужно идти, – сказала Эмили. – Нужно пройтись по магазинам.

– Конечно, – ответил мэр.

Теперь его тон был более собранным, и Эмили чувствовала себя виноватой за то, что стала причиной того, что легкость в его голосе улетучилась.

– Береги себя, Эмили. Уверен, мы еще встретимся, – добавил он.

Эмили кивнула в знак прощания и пошла прочь. Встреча

с мэром вывела ее из равновесия, пробудив еще больше воспоминаний и чувств, которые она годами пыталась подавить. Забежав в небольшой магазин, она закрыла за собой дверь, отгородившись от внешнего мира.

Эмили взяла корзину и принялась складывать в нее товары – батарейки, туалетную бумагу, шампунь и много банок с консервированным супом, а затем пошла к кассе, за которой стояла пухлая женщина.

– Здравствуйте, – сказала женщина, улыбаясь.

Эмили все еще чувствовала дискомфорт после той встречи.

– Здравствуйте, – промямлила она, с трудом заставив себя посмотреть на женщину.

Пробивая и упаковывая покупки, кассир краем глаза поглядывала на Эмили. Она сразу же поняла, что женщина узнала ее или знала, кто она. Последнее, чего Эмили хотела, – это говорить с еще одним человеком об отце. Она не была уверена, что выдержит это. Но было слишком поздно – женщина, казалось, собиралась что-то сказать. В корзине оставалось только четыре товара, и Эмили поняла, что застрянет тут надолго.

– Ты ведь старшая дочь Роя Митчелла? – спросила женщина, прищурился глаза.

– Да, – ответила Эмили тонким голоском.

Женщина радостно хлопнула в ладоши.

– Я знала! Я везде узнаю эту копну волос. Ты ни капли не

изменилась с того дня, как я видела тебя!

Эмили не помнила женщину, хотя подростком она, должно быть, часто заходила сюда за жевательной резинкой и журналами. Она поражалась тому, как оградила себя от прошлого, как хорошо стерла воспоминания о прежней себе и стала другим человеком.

– Теперь у меня добавилось морщин, – ответила Эмили, пытаясь поддержать вежливую беседу, однако это ей не удалось.

– Да где там! – воскликнула женщина. – Ты все такая же красивая. Мы так давно не видели твою семью. Сколько лет прошло?

– Двадцать.

– Двадцать лет? Что ж, время действительно летит, когда тебе весело!

Она пробила еще один товар. Эмили про себя хотела, чтобы она поторопилась. Но вместо того, чтобы сложить товар в пакет, она застыла с картонным пакетом молока в руках. Эмили посмотрела на женщину, которая с отсутствующим взглядом смотрела вдаль и улыбалась. Она уже знала, что последует за этим. История.

– Помню, – начала женщина, заставив Эмили напрячься, – твой отец мастерил новый велосипед к твоему пятому дню рождения. Он выискивал детали по всему городу, пытаясь выбить лучшую цену. Он мог очаровать любого, правда? А как он любил дворовые распродажи!

Женщина широко улыбалась Эмили, кивая, будто бы призывая Эмили также предаться воспоминаниям. Но Эмили не могла. В памяти было пусто, велосипед был не более чем призраком в ее памяти, пробужденным словами женщины.

– Если я правильно помню, – продолжила женщина, касаясь подбородка, – он таки собрал его полностью, со звончком, ленточками и всем остальным, меньше, чем за десять долларов. Он все лето провел, собирая его, весь обгорел на солнце.

Она стала посмеиваться, а глаза горели воспоминаниями.

– А потом мы увидели, как ты катаешься по городу. Ты с такой гордостью рассказывала всем, что папочка сделал его для тебя.

Внутри у Эмили все перевернулось, эмоции закипали, словно лава в вулкане. Как она могла стереть все эти прекрасные воспоминания? Почему она не сохранила их, эти прекрасные дни беззаботного детства, семейного счастья? И как их отец мог оставить их? В какой момент он перестал быть добрым человеком, который все лето мастерил велосипед для своей дочери, и стал человеком, который ушел от нее, чтобы никогда не вернуться?

– Я не помню этого, – отрезала Эмили.

– Нет? – сказала женщина.

Ее улыбка стала угасать, а губы сжались. Теперь она выглядела так, словно пыталась натянуть улыбку из вежливости, а не улыбалась на самом деле.

– Вы не могли бы, – сказала Эмили, кивнув в сторону кукурузы в застывшей руке женщины, пытаясь дать ей знак продолжать.

Женщина посмотрела вниз, практически ошеломленная, будто забыв, зачем здесь находится, будто решив, что болтает со старой знакомой, а не обслуживает ее.

– Да, конечно, – ответила она уже без всякого подобия улыбки.

Эмили не могла справиться с чувствами, разрывающими ее изнутри. Находясь в доме, она чувствовала себя счастливой и довольной, но город заставлял ее чувствовать себя ужасно. Здесь было слишком много воспоминаний, слишком много людей, сующих свой нос в ее дела. Ей хотелось как можно быстрее вернуться в дом.

– Итак, – продолжила женщина, не в силах остановить свою пустую болтовню, – как надолго ты планируешь остаться?

Эмили поняла намек. Женщина имела в виду «как надолго ты вторглась в наш город со своим неприветливым лицом и раздражительностью»?

– Точно не знаю, – ответила Эмили. – Изначально я собиралась остаться на выходные, но теперь думаю задержаться на неделю. Может, на две.

– Должно быть, здорово, – сказала женщина, упаковывая последнюю покупку Эмили, – иметь возможность устроить себе двухнедельный отпуск, когда вздумается.

Эмили напряглась. Женщина от приветливости и радости перешла к откровенной грубости.

– Сколько я вам должна? – спросила она, игнорируя заявление женщины.

Расплатившись и схватив пакеты, Эмили поспешила удалиться из магазина. Ей больше не хотелось находиться в городе, она чувствовала, что задыхается здесь.

Эмили направилась домой, думая над тем, чем именно это место так нравилось ее отцу.

*

Добравшись до дома, Эмили обнаружила машину электриков припаркованной снаружи. Она быстро выкинула из головы события в городе, вытесняя все негативные эмоции, как она делала в детстве, и позволила себе почувствовать радостное волнение и надежду в связи с перспективой решения еще одной важной проблемы.

Машина завелась, и Эмили поняла, что они собираются уезжать. Должно быть, Дэниел впустил их в дом от ее имени. Опустив сумки, она побежала вслед за ними, махая руками, когда они съехали с дорожки. Увидев ее, водитель остановился, опустил окно и выглянул.

– Вы домовладелица? – спросил он.

– Нет. Ну, почти. Я здесь остановилась, – сказала она, переводя дыхание. – Вам удалось включить электричество?

– Да, – ответил мужчина. – Плита, холодильник, свет – мы все проверили, и все работает.

– Отлично, – радостно сказала Эмили.

– Дело в том, – продолжил мужчина, – что есть некоторые проблемы. Возможно, потому, что дом в таком состоянии. Видимо, там завелись мыши, и они грызут провода. Когда вы в последний раз поднимались на чердак?

Эмили пожала плечами, чувствуя, как радость ослабевает.

– Возможно, стоит вызвать мастера, чтобы он все проверил. Ваша электросеть устарела, и, если честно, нам чудом удалось заставить ее работать.

– Хорошо, – сказала Эмили ослабевшим голосом. – Спасибо, что сказали.

Электрик кивнул.

– Удачи, – сказал он, прежде чем уехать.

Он не озвучил этого, но Эмили слышала окончание этой фразы в своей голове: *«она вам понадобится»*.

Глава шестая

На третий день Эмили проснулась поздно. Ее тело практически кричало о том, что сейчас утро понедельника, и ей, как обычно, нужно спешить на работу, проталкиваясь между пассажиров, чтобы попасть в метро, протискиваясь между вялых, сонных подростков, жующих жвачку, и бизнесменов, раскинувших локти и обложивших себя бумагами. Выбравшись из-под одеяла, сонная и помятая, Эмили задумалась о том, когда в последний раз она вставала позже семи утра. Наверное, в последний раз это было, когда ей было слегка за двадцать, до того, как она встретила Бена, в то время, когда вылазки в город с Эми были обычным делом.

В кухне Эмили не спеша сварила кофе в кофеварке и приготовила блинчики из продуктов, которые купила в магазине. На душе было тепло от заполненных шкафчиков и от звука холодильника. Впервые с того момента, как она покинула Нью-Йорк, Эмили чувствовала, что она собралась, хотя бы чтобы пережить эту зиму.

Она наслаждалась каждым кусочком блинчиков, каждым глотком кофе, чувствуя себя отдохнувшей, согретой и свежей. Вместо звуков шумного Нью-Йорка Эмили слышала лишь отдаленные удары волн океана и нежный ритмичный звук падающих с сосулек капель. Впервые за долгое время она ощущала душевное спокойствие.

После неторопливого завтрака Эмили вымыла кухню от и до. Она вытерла плитку, отчистив оригинальный дизайн Уильяма Морриса, скрытый под слоем грязи, затем протерла стекла на дверцах шкафчиков, заставив витражи сиять.

Воодушевленная тем, в какой порядок она привела кухню, Эмили решила взяться за другую комнату, комнату, в которую она еще не заглядывала, опасаясь, что ее заброшенный вид расстроит ее. Это была библиотека.

Это без преувеличения была ее любимая комната в детстве. Ей нравилось то, как она была разделена на две половины белыми деревянными раздвижными дверьми, позволяющими закрыться в укромном уголке и почитать книгу. И, конечно же, ей нравились книги, находившиеся там. Отец Эмили не был снобом, когда дело касалось книг. Он считал, что любой текст стоит того, чтобы его прочесть, и поэтому позволял ей заполнять книжные полки подростковыми любовными романами и драмами о старшей школе с безвкусными обложками, на которых были изображены закаты и силуэты сексуальных мужчин. Эта мысль заставила Эмили рассмеяться, когда она смахивала пыль с переплетов. Это был неловкий отрывок ее истории, который она сохранила в памяти. Если бы дом не простоял заброшенным столько лет, она бы наверняка выкинула их в последующие годы. Но благодаря стечению обстоятельств они простояли там, годами собирая пыль.

Эмили поставила книгу обратно на полку, чувствуя при-

лив меланхолии.

Затем она решила последовать совету электрика и пойти на чердак, чтобы проверить проводку. Если ее на самом деле погрызли мыши, следующий шаг напрашивался сам собой – потратить нужную сумму на ремонт или просто перетерпеть оставшееся время в доме. Казалось неразумным вкладывать деньги в недвижимость, если она, в лучшем случае, собиралась провести здесь две недели.

Она опустила складную лестницу, закашлявшись от клуба пыли, спустившегося из темноты наверху, затем пролезла через прямоугольное отверстие, открывшееся перед ней. Чердак не пугал ее так, как подвал, но мысль о паутине и плесени все же не особо радовала. Не говоря уже о возможных мышах...

Эмили осторожно, шаг за шагом поднималась по лестнице, медленно погружаясь в просвет перед собой. Постепенно перед ней открывался вид чердака. Как она и ожидала, он был полностью забит вещами. После походов ее отца по распродажам и антикварным ярмаркам появлялось больше вещей, чем можно было поместить в доме, и мама отправляла наиболее неприглядные на чердак. Эмили увидела комод из темного дерева, который выглядел так, будто ему было как минимум лет двести, стол для шитья, обтянутый выцветшей зеленой кожей, и кофейный столик, сделанный из дуба, железа и стекла. Она рассмеялась, представив выражение лица мамы, когда отец притащил все это барахло домой. Это явно

было не ее вкусе! Ее мама любила современные, утонченные и чистые вещи.

«Неудивительно, что они собирались разводиться», – с иронией подумала Эмили про себя. Если они не могли прийти к согласию даже в вопросах дизайна интерьеров, как они могли договориться о чем-то другом!

Эмили залезла на чердак и начала искать признаки присутствия мышей, но не нашла следов помета или погрызенных проводов. Казалось почти чудом, что на чердаке не было полчища мышей после стольких лет простоя. Возможно, они предпочитали жить в соседских домах, где постоянно были доступны запасы крошек.

Эмили решила спускаться, радуясь тому, что не нашла на чердаке ничего страшного. Но ее внимание внезапно привлек старый деревянный сундук, пробудивший воспоминания из самых глубин сознания. Она подняла крышку и ахнула, увидев содержимое сундука. Сокровища – не настоящие, конечно, а коллекция пластиковых бус и разноцветных камней, жемчуга и ракушек. Отец всегда приносил что-нибудь «драгоценное» для них с Шарлоттой, и они складывали это в сундук, который называли сундуком с сокровищами. Он всегда был в центре любой постановки, которую они устраивали в детстве, любой игры, в которой они участвовали.

Ожившие воспоминания заставили сердце трепетать, и Эмили захлопнула крышку и быстро встала. Ей больше не хотелось здесь копаться.

Эмили провела остаток дня за уборкой, осторожно избегая комнат, которые могли вызвать меланхолию. Ей казалось постыдным провести здесь так немного времени, постоянно вспоминая прошлое, и если для того, чтобы избежать этого, придется избегать кое-каких комнат, так тому и быть. Если она смогла прожить всю жизнь, увиливая от определенных воспоминаний, она сможет избегать каких-то пару комнат в течение нескольких дней.

Эмили наконец добралась зарядить телефон и оставила его у входной двери, в единственном месте в доме, где он ловил, чтобы получить все сообщения за выходные. Она немного расстроилась, обнаружив, что там было всего два: одно от Эми, которая просила ее перезвонить маме, потому что та задает вопросы. Эмили закатила глаза и отложила телефон, затем прошла в гостиную, где ей удалось поддерживать огонь.

Устроившись на диване, она открыла зачитанный подростковый роман, который взяла с полки в библиотеке. Чтение действовало на нее успокаивающе, особенно если это было что угодно, что не касалось налогов. Но в этот раз она не смогла читать. Вся эта подростковая драма то и дело заставляла ее вспомнить собственные испорченные отношения. Если бы только ребенком, читая эти книги, она пони-

мала, что реальная жизнь ни капли не похожа на ту, что описывается в них.

В этот момент Эмили услышала, как в дверь постучали. Она сразу же поняла, что это Дэниел. Никого больше она не ждала, никаких плотников, штукатуров или столяров, и уж точно не доставку пиццы. Подскочив, она прошла в коридор и открыла ему дверь.

Он стоял на ступеньке в свете фонаря, вокруг которого кружили мотыльки.

– Электричество работает, – сказал он, показывая на источник света.

– Ага, – сказала она, широко улыбаясь, чувствуя гордость за то, что добилась чего-то, хотя он, кажется, был твердо уверен, что у нее не получится.

– Думаю, это значит, что мне не обязательно теперь приносить тебе суп на крыльцо, – сказал он.

Эмили не могла по его тону понять, была ли это попытка дружелюбно пошутить, или же он использовал ситуацию как еще одну возможность покритиковать ее.

– Нет, – ответила она, потянувшись к двери, будто собиралась закрыть ее. – Что-нибудь еще?

Дэниел, казалось, замешкался, будто у него было что-то на уме, но он не знал, как сказать это. Эмили прищурила глаза, понимая, видимо, инстинктивно, что ей не понравится то, что она услышит.

– Ну? – добавила она.

Дэниел потер шею сзади.

– На самом деле я, эм, видел сегодня Карен из магазина. Кажется, ты ей не понравилась.

– Ты это пришел мне сказать? – спросила Эмили, нахмурившись еще сильнее. – Что я не нравлюсь Карен из магазина?

– Нет, – ответил Дэниел, защищаясь. – На самом деле я пришел узнать, когда ты планируешь уезжать.

– Ах, что ж, это гораздо лучше, – саркастично отрезала Эмили.

Она не могла поверить, каким придурком был Дэниел, чтобы прийти к ней и сказать, что она никому не нравится, а затем спросить, когда она уедет.

– Я не то имел в виду, – сказал Дэниел раздраженным тоном. – Мне нужно знать, как долго ты здесь пробудешь, поскольку забота о доме зимой лежит на мне. Мне нужно слить воду из труб, выключить котел и сделать еще много всего. Я имею в виду, ты хоть представляешь себе, сколько будет стоить отапливать этот дом всю зиму?

Дэниел уловил выражение лица Эмили, на котором был написан ответ, которого он ожидал: «Понятия не имею».

– Я еще не думала об этом, – ответила Эмили, пытаясь извиниться за обвинительный взгляд.

– Конечно, не думала, – сказал Дэниел. – Ты просто носишься по городу несколько дней, разносишь это место, а затем оставляешь меня разгребать руины.

Эмили рассердилась, а когда кто-то критиковал ее или заставлял чувствовать себя глупо, она не могла ничего с собой поделать, чувствуя необходимость дать отпор.

– Что ж, – ответила она практически криком, – может быть, я не уеду через пару дней. Может быть, я пробуду здесь всю зиму.

Эмили замолчала, шокированная тем, что только что произнесла. Она даже не подумала, прежде чем выпалить это, слова сами сорвались с губ.

Дэниел выглядел обеспокоенно.

– Ты не выживешь в этом доме, – выпалил он, так же шокированный перспективой, что Эмили останется в Сансет-Харбор, как и она сама. – Он сожрет тебя. Если только ты не богата, а ты не выглядишь богатой.

Эмили содрогнулась от усмешки на его лице. Ее еще никогда так не оскорбляли.

– Да ты ничего обо мне не знаешь! – закричала она буквально в ярости.

– Ты прав, – ответил Дэниел. – Пусть так и будет.

Он пошел прочь, и Эмили захлопнула дверь. Она стояла в коридоре, пытаясь отдышаться после разгоряченной словесной перепалки. Кем Дэниел себя возомнил, чтобы говорить ей, что делать или чего не делать со своей жизнью? У нее было полное право находиться в доме своего отца. На самом деле даже большее, чем у Дэниела! Если кто и должен быть раздражен из-за присутствия посторонних, так это она!

Эмили в ярости металась туда–сюда, заставляя половицы скрипеть и вздымая пыль. Она не могла припомнить, когда в последний раз была так зла. Даже расставание с Беном и увольнение не заставляли ее чувствовать, будто в ее жилах пульсирует раскаленная лава. Эмили остановилась, задумавшись над тем, что такого было в Дэниеле, что так ее заводило, вызывая страстную злость, которую не мог вызвать даже человек, который был рядом на протяжении семи лет. Впервые с момента встречи с Дэниелом ей стало интересно, кто он такой, откуда он взялся и что он здесь делает.

И есть ли у него кто-то.

*

Остаток вечера Эмили провела, обдумывая последнюю ссору с Дэниелом. Несмотря на то, как ее разозлили слова о том, что она не нравится какой-то местной жительнице, и даже на то, как ее раздражало делить пространство с Дэниелом, Эмили оставалось лишь признать, что она влюбилась в этот старый дом. И не только в дом, но и в тишину и покой. Дэниел хотел узнать, когда она собирается домой, но она начала понимать, что здесь чувствует себя дома, как нигде за последние двадцать лет.

С долей волнения, разливающегося по венам, Эмили рванула к телефону и набрала номер банка. Она прослушала автоответчик, ввела нужные коды безопасности и послушала

голос робота, озвучивавшего ее остаток на счете. Она записала цифры на бумажке, прижав ее к колену, держа колпачок ручки в зубах и подпирая телефон плечом. Затем она взяла бумажку в гостиную и начала высчитывать суммы: стоимость электричества и доставки топлива, плата за подключение и пользование интернетом и телефоном, бензин для машины, продукты. Закончив, Эмили поняла, что денег у нее достаточно для того, чтобы прожить здесь полгода. Она так долго и напряженно работала в городе, который требовал этого, что забыла о более важных вещах. Теперь у нее была возможность передохнуть, позволить себе плыть по течению какое-то время. Нужно быть душой, чтобы не воспользоваться ею.

Эмили откинулась на диване и улыбнулась. Она правда сделает это? Останется здесь, в старом доме ее отца? Она все больше и больше влюблялась в старые руины дома, правда, не понимая, что было тому причиной – воспоминания, которые он вызвал, или связь с ее отцом, которую она ощутила.

Но она твердо решила восстановить его, сама, без помощи Дэниела.

*

Эмили проснулась утром вторника, чувствуя себя такой живой, какой не чувствовала уже много лет. Распахнув шторы, она увидела, что снег почти сошел, и под ним вокруг до-

ма пробивалась зеленая трава.

В отличие от вчерашнего утра с ленивым завтраком, Эмили быстро поела и выпила кофе, словно шот, а затем сразу же приступила к работе. Энергия, которую она почувствовала вчера за уборкой, сегодня, казалось, была в разы сильнее, когда она знала, что останется здесь не только на короткий отпуск, а устроит себе дом на следующие полгода. Также исчезла удушающая ностальгия, то сильное чувство, что ничего нельзя трогать, двигать или менять. Ранее она чувствовала, что нужно сохранить или восстановить дом в том виде, в котором его хотел бы видеть отец. Но сейчас Эмили чувствовала, что может наложить собственный отпечаток на это место. Первым шагом к этому было разгрести огромные кучи складированных ее отцом вещей и отсортировать хлам и ценные вещи. Хлам, вроде гор ее подростковых романов.

Эмили помчалась в библиотеку, решив, что это – лучшее место, чтобы начать, и, набрав столько книг, сколько смогла унести в руках, вынесла их на улицу, шагая по влажной траве, и бросила на тротуар. Через дорогу от дома, всего в сотне метров находился скалистый пляж, спускающийся к океану, и отдаленная, пустая гавань.

На улице все еще было холодно, настолько холодно, что изо рта шел пар, но яркое зимнее солнце то и дело пыталось прорваться сквозь тучи. Эмили вздрогнула и выпрямилась, внезапно заметив, что на тротуаре находится другой человек. Это был мужчина с темной бородой и усами, который та-

шил за собой мусорный бак. Эмили не сразу поняла, что он, должно быть, живет в соседнем доме, еще одном особняке в Викторианском стиле, таком же, как и дом ее отца, только в гораздо лучшем состоянии, и пыталась заставить себя воспринимать его как соседа. Она остановилась, наблюдая, как он поставил бак рядом с почтовым ящиком, затем взял свою почту, которая лежала там несколько дней из-за снегопада, и пошел по ухоженному газону к своей гигантской деревянной веранде. Когда-нибудь Эмили придется представиться. Но опять же, если ее так недолюбливали, как предположил Дэниел, возможно, это не было таким уж приоритетом.

Шагая по собственному газону, Эмили сделала над собой большое усилие, чтобы не смотреть в сторону сторожевого домика, хотя она чувствовала запах дыма, исходящий из дымохода Дэниела, и знала, что он не спит. Ей не нужно было, чтобы он приходил и совал свой нос в ее дела, смеялся над ней, поэтому она быстро зашла в дом, чтобы продолжить поиски вещей, которые нужно выбросить.

На кухне было полно хлама – ржавые столовые приборы, дуршлаг со сломанными ручками, кастрюли с чем-то пригоревшим на дне. Эмили понимала, почему маму так раздражал отец. Если бы он не был коллекционером антиквариата или любителем выгодных покупок, он попросту был бы барахольщиком. Возможно, мамина любовь к чистоте и стерильности была спровоцирована отцом.

Эмили наполнила целый мусорный мешок гнутыми лож-

ками, надбитой посудой и различными бесполезными кухонными приборами и таймерами для варки яиц. Туда же отправились и стопка пергамента для выпекания, фольга, бумажные полотенца и разные электронные приборы. Эмили насчитала пять блендеров, шесть механических венчиков и четыре вида кухонных весов. Она сгребла все это руками и отнесла на тротуар, бросив к остальному хламу. Собралась уже целая куча мусора. Мужчина с усами, который вновь вышел на веранду, сидел в кресле качалке, наблюдая за ней или, скорее, наблюдая за растущей горой хлама на тротуаре. Эмили почувствовала, что он не в восторге от ее поведения, поэтому она помахала ему, надеясь, что он расценит это как дружеский жест, а затем направилась обратно в дом, чтобы продолжить свою уборку.

В полдень Эмили услышала шум мотора за окном, и выбежала, чтобы радостно поприветствовать мастера, приехавшего провести ей телефонную линию и интернет.

– Здравствуйте, – улыбнулась она с порога.

День был даже более ясным, чем она ожидала, и вдалеке было видно, как солнце блестит, отражаясь в волнах океана.

– Здравствуйте, – ответил мужчина, захлопывая дверь своего грузовика. – Обычно мои клиенты не встречают меня с такой радостью.

Эмили пожала плечами. Впуская мастера в дом, она почувствовала на себе взгляд мужчины с усами. «*Пусть себе пляшется*», – подумала она. Ничто не могло сломить ее дух –

она гордилась собой за то, что смогла решить еще один насущный вопрос. Как только подключат интернет, она сможет заказать вещи, которые ей нужны. На самом деле она бы заказала весь онлайн-магазин, лишь бы не встречаться с Карен снова. Раз местным она не нравилась, она не собиралась с ними бороться.

– Хотите чай? – спросила она мастера. – Кофе?

– Было бы чудесно, – ответил он, наклоняясь, чтобы открыть сумку с инструментами. – Кофе, спасибо.

Эмили пошла в кухню и сварила свежий кофе под доносящиеся из коридора звуки дрели.

– Надеюсь, вы любите черный, – выкрикнула она. – У меня нет сливок.

– Черный пойдет! – крикнул мужчина в ответ.

Эмили мысленно сделала заметку добавить в список покупок сливки, затем разлила ароматный кофе по чашкам – одну для мастера и одну для себя.

– Вы недавно переехали? – спросил мастер, когда она дала ему чашку.

– Вроде того, – ответила она. – Это дом моего отца.

Он не стал спрашивать, получила ли она его в наследство или что-то в этом роде.

– Электросеть здесь никудаышная, – ответил он. – Я так полагаю, кабельного у вас нет?

Эмили рассмеялась. Если бы он видел дом три дня назад, то не стал бы и спрашивать.

– Конечно, нет, – живо ответила она.

Отец всегда презирал телевизор и не разрешал держать его в доме. Он хотел, чтобы дети наслаждались летом, а не пялились в экран, пока жизнь проходит мимо.

– Хотите, я вам установлю? – спросил мужчина.

Эмили замолчала, обдумывая вопрос. В Нью-Йорке у нее был телевизор. На самом деле он был одной из немногих радостей в ее жизни. Бен всегда высмеивал ее вкус в телепередачах, но Эми любила реалити-шоу так же, как она, поэтому ей было с кем их обсудить. Это было одним из множества камней преткновения в их отношениях с Беном. Но в конце концов он согласился, что если он смотрит спортивные передачи каждые выходные, она может посмотреть новый сезон *«Новой топ-модели Америки»*.

С момента своего приезда в Мэн Эмили даже не задумывалась, что скучает по всем своим любимым шоу, и сейчас идея вернуть этот мусор в ее жизнь казалось странной, будто это каким-то образом опорочит дом.

– Нет, спасибо, – ответила она, слегка ошеломленная тем, что ее ТВ-зависимость излечилась простым отъездом из Нью-Йорка.

– Что ж, все готово. Телефонная линия установлена, но вам понадобится телефонный аппарат.

– О, у меня их сотни, – ответила Эмили без преувеличения – она нашла целую коробку на чердаке.

– Хорошо, – ответил мужчина, слегка ошеломленно. – Ин-

тернет также подключен.

Он показал ей роутер и прочитал вслух пароль от Wi-Fi, чтобы она могла подключить телефон. К удивлению Эмили, как только она подключила интернет, телефон начал вибрировать от потока сообщений.

Она наблюдала, как их количество растет. Среди спама и рассылок от ее любимых дизайнерских компаний было несколько сообщений со строгой темой с ее бывшего места работы, которые касались «прекращения» ее контракта. Эмили решила прочесть их позже.

Часть ее чувствовала, что интернет и почта вторгаются в ее личную жизнь, и сразу же заскучала за предыдущими днями, когда у нее не было интернета. Эмили удивилась собственной реакции, учитывая, как помешана она была на своей почте, своем телефоне, и как она с трудом могла выживать без них. Теперь же, как ни странно, ее это на самом деле раздражало.

– А вы популярны, – сказал мастер, посмеиваясь, когда ее телефон в очередной раз завибрировал от нового сообщения.

– Что-то вроде того, – промямлила Эмили, возвращая телефон на его место у входной двери.

– Спасибо вам, правда, – добавила она, повернувшись к мастеру после того, как открыла дверь. – Я действительно рада снова быть на связи с цивилизацией. Тут немного одиноко.

– Всегда пожалуйста, – ответил он, выходя на крыльцо. – О, и спасибо за кофе. Было очень вкусно. Вам стоит задуматься об открытии кафе!

Эмили смотрела ему вслед, обдумывая его слова. Может, ей *стоит* открыть кафе. Она не нашла ни одного на улице, в то время, как в Нью-Йорке они были на каждом углу. Она представила выражение лица Карен, если бы она вдруг решила открыть собственный магазин.

Эмили вернулась к уборке дома, сваливая вещи на кучу на тротуаре, протирая поверхности и подметая пол. Она потратила час в столовой, смахивая пыль с рамок картин и всех узоров на стеклах шкафов. И когда Эмили наконец почувствовала, что дело близится к завершению, она сняла висевший гобелен, чтобы выбить его от пыли, и обнаружила за ним дверь.

Эмили резко замерла, глядя на дверь в глубокой задумчивости. Она совершенно не помнила эту дверь, хотя тайная дверь, скрытая за гобеленом определенно понравилась бы ей в детстве. Она попробовала открыть ее, но ручку заклинило, поэтому она сбегала в кладовку, где взяла баллончик WD-40. Смазав ручку тайной двери, Эмили наконец смогла повернуть ее. Но сама дверь, казалось, намертво застряла. Она толкнула ее плечом один, два, три раза. На четвертый раз она почувствовала, как дверь поддалась, и наконец, сделав последний рывок со всех сил, открыла ее.

Перед ней возникла темнота. Она попыталась нащупать

выключатель, но не нашла его. Пахло пылью, и Эмили буквально чувствовала, как она оседает в легких. Темнота и жуть напомнили ей подвал, и она побежала за фонарем, оставленным для нее Дэниелом в первый день. Осветив комнату, она ахнула при виде открывшейся перед ней картины.

Комната была огромной, и Эмили подумала, что когда-то она могла быть бальным залом. Сейчас же она была набита разными вещами, словно ее превратили в еще один чердак, еще одно место для свалки хлама. В ней находился медный остов кровати, сломанный шкаф, треснувшее зеркало, старинные часы, несколько кофейных столиков, огромный книжный шкаф, высокая декорированная лампа, скамейки, диваны, столы. Все это было оплетено толстым слоем паутины, будто нитями, соединяющими вещи между собой. Пораженная, Эмили обошла комнату с фонарем в руках, освещающим заплесневевшие обои.

Она пыталась вспомнить, использовалась ли эта комната когда-нибудь, или же дверь была скрыта за гобеленом, когда отец купил дом, и он даже не знал о тайной комнате. Казалось маловероятным, что отец мог не знать об этой комнате, но она ничего не помнила о ней, а значит, ее, вероятно, закрыли до рождения Эмили. Если это так, то все это крыло было заброшено еще дольше, чем остальные части дома, на протяжении неизвестного времени.

До Эмили дошло, что навести порядок в доме будет еще сложнее, чем она ожидала. Она уже порядком устала за день,

хотя еще даже не добралась до второго этажа. Конечно, она могла просто закрыть дверь и сделать вид, что никакого бального зала нет, как, по всей видимости, делал ее отец, однако мысль о том, чтобы вернуть комнате былое величие, была слишком соблазнительной. Она так живо представляла себе эту картину: отполированный, сияющий пол, люстра, свисающая с потолка; она в длинном шелковом платье с пышной прической; и они, кружащиеся и вальсирующие по комнате, она и мужчина ее мечты.

Эмили окинула взглядом тяжелые, массивные объекты в комнате – диваны, металлические остовы кровати, матрасы – и поняла, что сама она их не переместит, ей не удастся привести бальный зал в порядок в одиночку. Для этого нужны двое.

Хотя она твердо решила не обращаться к нему за помощью, Эмили пришлось признать, что впервые ей требовалась помощь Дэниела.

*

Эмили вышла из дома, будучи не в восторге от мысли о предстоящем разговоре. Она была очень гордой, и мысль о том, чтобы из всех людей просить Дэниела о помощи, раздражала ее.

Она прошла через задний двор к сторожевому домику. Впервые за все время ее пребывания здесь снег растаял на-

столько, что было видно газон, и Эмили отметила, что он было очень хорошо ухожен – наверняка заслуга Дэниела. Изгородь была аккуратно пострижена, вокруг находились цветочные клумбы, разграниченные симпатичными камушками. Должно быть, летом это выглядит очень красиво.

Казалось, Дэниел почувствовал, что она придет, потому что, когда Эмили перевела взгляд с изгороди на сторожевой домик, она обнаружила, что дверь открыта, а сам Дэниел стоит, опершись о дверной проем. Выражение его лица читалось без труда. Оно так и говорило: «Пришла подлизываться?»»

– Мне нужна твоя помощь, – сказала она, не поздоровавшись.

– О? – все, что он ответил.

– Да, – коротко ответила она. – В доме есть комната, и в ней много мебели, которую я не смогу поднять. Я заплачу тебе, если сможешь мне переместить ее.

Дэниел явно не считал необходимым отвечать сразу. На самом деле, казалось, он вообще не был ярым поклонником правил социального этикета.

– Я заметил, что ты наводишь порядки, – наконец ответил он. – Как надолго ты собираешься оставить там эту кучу? Терпение соседей, знаешь ли, не железное.

– С кучей я разберусь, – ответила Эмили. – Я просто хочу знать, сможешь ли ты мне.

Дэниел сложил руки на груди, растягивая время и застав-

для ее закипать.

– И как много там работы?

– Если быть честной, – сказала Эмили, – речь идет не только о бальном зале. Я хочу расчистить весь дом.

– Амбициозно, – ответил Дэниел. – И бессмысленно, учитывая, что у тебя всего две недели.

– На самом деле, – сказала Эмили, растягивая слова, чтобы отложить неминуемое, – я остаюсь на полгода.

Эмили почувствовала, как напряжение повисло в воздухе. Казалось, Дэниел забыл, как дышать. Она знала, что не сильно ему нравилась, но его реакция казалась преувеличенной, будто ему только что сообщили, что кто-то умер. То, что ее присутствие в его жизни так огорчает его, задело Эмили до глубины души.

– Зачем? – спросил Дэниел, морща лоб.

– Зачем? – выкрикнула Эмили в ответ. – Потому что это моя жизнь, и у меня есть полное право жить здесь.

Дэниел поморщился, внезапно сбитый с толку.

– Нет, я имею в виду, зачем ты это делаешь? Прикладываешь столько усилий, чтобы привести дом в порядок?

У Эмили на самом деле не было ответа, хотя бы такого, который удовлетворил бы Дэниела. Он рассматривал ее как обычную туристку, приехавшую в глубинку из большого города и устроившую хаос, чтобы потом вернуться к прежней жизни. Ему не приходило в голову, что ей может нравиться более спокойная жизнь, что у нее может быть весомая при-

чина сбежать из города.

– Слушай, – сказала Эмили с нарастающим раздражением, – я сказала, что заплачу тебе за помощь. Нужно просто передвинуть кое-какую мебель, может, что-нибудь подкрасить. Я прошу лишь потому, что не могу сделать это в одиночку. Так ты участвуешь или нет?

Он улыбнулся.

– Участвую, – ответил Дэниел. – Но денег не возьму. Я сделаю это ради дома.

– Потому что боишься, что я его развалю? – спросила Эмили, поднимая бровь.

Дэниел покачал головой.

– Нет. Потому что я люблю этот дом.

«По крайней мере, у нас есть что-то общее», – иронично подумала Эмили.

– Но если я помогу тебе, знай, что это чисто деловые отношения, – сказал он. – Исключительно бизнес. Я не ищу друзей.

Ее поразил и разозлил его ответ.

– Как и я, – бросила она. – Я и не предлагала.

Он улыбнулся шире.

– Хорошо, – сказал он.

Дэниел протянул руку для рукопожатия.

Эмили нахмурилась, будучи неуверенной, во что она ввязалась, и пожала его руку.

– Исключительно бизнес, – согласилась она.

Глава седьмая

– Первым делом нужно снять фанеру с окон, – сказал Дэниел, следуя за ней и покачивая в руках металлический ящик с инструментами.

– На самом деле я просто хочу выкинуть старую мебель, – сказала Эмили, раздраженная тем, что Дэниел сразу же принял позицию главного.

– Ты хочешь все дни провести при искусственном освещении, когда за окном наконец солнечно? – спросил Дэниел.

Его вопрос звучал скорее, как утверждение, подразумевающее, что она дура, раз хочет поступить иначе. Его слова немного напомнили Эмили ее отца, то, как он хотел, чтобы она наслаждалась солнечным светом в Мэне, а не сидела днями взаперти перед телевизором. Как бы тяжело ей ни было это признать, Дэниел был прав.

– Ладно, – сказала она, смягчившись.

Эмили вспомнила свою первую попытку убрать фанеру, которая закончилась разбитым окном и почти сломанной шеей, и нехотя обрадовалась, что Дэниел поможет с этим.

– Давай начнем с гостиной, – сказала она, пытаясь вернуть себе хоть какой-то контроль над ситуацией. – Там я провожу большую часть времени.

– Конечно.

Больше нечего было сказать, Дэниел сделал все, чтобы ис-

черпать беседу, поэтому они шли к дому в тишине и так же молча прошли через коридор в гостиную. Дэниел сразу же поставил ящик с инструментами на пол и стал искать молоток.

– Держи доску вот так, – сказал он, показывая ей, как поддерживать доску. Как только она была готова, он принялся вытягивать гвозди тыльной стороной молотка. – Ого, гвозди полностью проржавели.

Эмили увидела, как гвоздь упал на пол и ударился с глухим звуком.

– Он не повредит пол?

– Нет, – ответил Дэниел, полностью сосредоточенный на задаче. – Но как только сюда попадет естественный свет, ты увидишь, что он и так поврежден.

Эмили тяжело вздохнула. Она не посчитала стоимость замены пола, когда рассчитывала бюджет. Может быть, ей удастся уговорить Дэниела заняться и этим?

Дэниел выдернул последний гвоздь, и Эмили почувствовала вес навалившейся фанеры.

– Держишь? – спросил он, прижимая фанеру к подоконнику одной рукой, пытаясь принять на себя большую часть веса.

– Держу, – ответила она.

Он отпустил руки, и Эмили отшатнулась. Было ли это ее желание не показаться слабой перед Дэниелом снова или что-то еще, но Эмили удалось не уронить доску, не стукнуть

ее обо что-нибудь и в целом не оконфузиться. Она плавно опустила ее на пол, а затем встала и хлопнула в ладоши.

Первый луч солнца пробился через окно, и Эмили ахнула. Комната выглядела чудесно в солнечном свете. Дэниел был прав: находиться здесь при искусственном освещении, когда за окном солнце, было бы преступлением. Начать с окон было отличной идеей.

Воодушевившись успехом, Эмили и Дэниел старательно освободили окно за окном, позволив солнечному свету наполнить дом. В большинстве комнат окна были огромными, высотой от пола до потолка, наверняка сделанными на заказ специально для дома. В некоторых местах они прогнули или были поедены насекомыми. Эмили понимала, что замена изготовленных на заказ оконных рам влетит в копеечку, и старалась не думать об этом.

– Давай займемся окнами в бальном зале, прежде чем перейдем ко второму этажу, – предложила Эмили.

Окна в основной части дома были достаточно красивыми, но что-то подсказывало ей, что окна в заброшенном крыле будут даже лучше.

– Это бальный зал? – спросил Дэниел, когда она провела его в столовую.

– Не-а, – ответила она. – Не здесь.

Она откинула гобелен, обнажив потайную дверь, и наслаждалась выражением лица Дэниела. Обычно он был так спокоен, и его эмоции трудно было понять, что сейчас она да-

же немного боялась, что привела его в шок. Затем Эмили открыла дверь и посветила внутрь фонариком, освещая просторы комнаты.

– Вау, – ахнул Дэниел, прижав голову, чтобы не удариться о балку, в изумлении разглядывая комнату. – Я даже не знал о существовании этой части дома.

– Я тоже, – сказала Эмили, улыбаясь от радости, что смогла поделиться с кем-то этим секретом. – С трудом верится, что она была спрятана здесь все эти годы.

Ее вообще никогда не использовали? – спросил Дэниел.

Она покачала головой.

– По крайней мере, не на моей памяти. Но кто-то раньше ее использовал, – она посветила фонариком прямо на кучу мебели посреди комнаты, – как свалку.

– Какая бессмысленная трата пространства! – сказал Дэниел.

Впервые с того момента, как Эмили увидела его, Дэниел, казалось, проявил искренние эмоции. Вид потайной комнаты был таким же потрясением для него, как и для нее.

Они прошли внутрь, и Эмили наблюдала, как Дэниел ходит по комнате точно так же, как и она, когда впервые здесь оказалась.

– И ты хочешь все это выкинуть? – спросил Дэниел через плечо, рассматривая покрытые пылью вещи. – Уверен, среди этого есть старинные вещи. Должно быть, дорогие.

Эмили не могла не отметить иронию в том, что в комна-

те любителя антиквариата была спрятана комната, набитая антиквариатом. Ей снова стало интересно, знал ли ее отец о существовании этой комнаты. Это он наполнил ее мебелью? Или это все было здесь, когда он купил дом? В этом не было смысла.

– Наверное, – ответила она. – Но я даже не знаю, с чего начать. Теперь ты видишь, что я имела в виду, когда говорила о габаритной мебели, которую мне в одиночку не поднять. Как мне ее продать? Искать дилеров?

Это было слово отца, слово, которое она никогда на самом деле не понимала и которое никогда не вызывало у нее восторга.

– Ну, – сказал Дэниел, разглядывая старинные часы. – Теперь у тебя есть интернет? Ты можешь поискать там. Глупо будет просто взять и выкинуть все это.

Эмили подумала над его словами, и ее поразила одна деталь.

– Откуда ты знаешь, что у меня есть интернет?

Дэниел пожал плечами.

– Ну, грузовик и все такое.

– Я не думала, что ты так внимательно наблюдаешь за мной, – ответила Эмили с наигранной подозрительностью.

– Не обольщайся, – сухо ответил Дэниел, но Эмили уловила едва заметную улыбку на его лице.

– Давай лучше уберем эту мебель с дороги, – добавил он, прервав ее мысли.

– Да, отлично, – ответила она, мигом вернувшись в реальность.

Дэниел и Эмили принялись снимать фанеру с окон. Но в отличие от окон в основной части дома, сняв фанеру с окон в этой комнате, они обнаружили, что за ней пряталось прекрасное витражное стекло.

– Вау, – закричала Эмили, восхищаясь видом комнаты, заполнившейся разными цветами. – Это потрясающе!

Это было похоже на сказку. В один миг комната наполнилась розовым, зеленым и синим светом, когда солнечный свет пробился сквозь окно.

– Уверена, если бы отец знал о том, что здесь такие окна, он бы оставил эту часть дома открытой, – добавила Эмили. – Это же мечта антиквара.

– Действительно впечатляет, – сказал Дэниел, рассматривая стекла и восхищаясь их замысловатой конструкцией и тем, как были скомпонованы фрагменты стекла.

Эмили захотелось танцевать. Свет, пробивающийся через окно, был таким красивым, вызывал такой восторг, что она чувствовала себя беззаботной, будто невесомой. Если это выглядело так шикарно при зимнем солнце, она не могла даже представить, какой потрясающей будет эта комната, когда лучи яркого летнего солнца будут пробиваться сквозь витражи.

– Нужно передохнуть, – сказала Эмили. Они работали уже несколько часов, и сейчас, казалось, было подходящее время

для отдыха. – Я могу что-нибудь приготовить.

– Это будет что-то вроде свидания? – спросил Дэниел, шутливо качая головой. – Не обижайся, но ты не мой тип.

– Да? – спросила Эмили, подыгрывая ему. – А какой же твой тип?

Но ответа Эмили не дождалась. Что-то упало из-под подоконника, где, должно быть, находилось годами, и это привлекло ее внимание. Весь смех и шутки вмиг испарились, и все ее внимание было поглощено квадратным кусочком бумаги на полу. Фотографией.

Эмили подняла ее. Хотя она была выцветшей и покрытой плесенью с тыльной стороны, фотография не была очень старой. Она была в цвете, хотя и выгорела со временем. В горле Эмили образовался комок, когда она поняла, что держит фото Шарлотты.

– Эмили? В чем дело? – спросил Дэниел, хотя она практически не слышала его. Дыхание перехватило от внезапного вида лица Шарлотты, лица, которое она не видела больше двадцати лет. Эмили не могла сдержать слез.

– Это моя сестра, – выдавила она.

Дэниел посмотрел через ее плечо на фото в ее дрожащих руках.

– Давай, – сказал он с внезапной нежностью. – Давай помогу.

Он протянул руку и взял фото, затем вывел ее из комнаты, придерживая за плечи. Эмили позволила ему вести себя,

слишком ошеломленная, чтобы протестовать. Шок от вида лица Шарлотты ввел ее в транс.

Все еще плача, Эмили отвела взгляд.

– Я... я думаю, тебе стоит уйти.

– Ладно, – сказал Дэниел. – Если ты хочешь побыть одна.

Она встала с табуретки и жестом указала Дэниелу на дверь. Он осторожно на нее посмотрел, будто взвешивая, насколько безопасно оставлять ее в таком состоянии, но наконец взял свой ящик с инструментами и направился к двери.

– Если что-нибудь понадобится, – сказал он, стоя на пороге, – просто позвони.

Не в силах говорить, Эмили закрыла за Дэниелом дверь, развернулась и оперлась на нее спиной, чувствуя, как вздохи превращаются во всхлипывания. Она опустилась на колени, ощущая, как все вокруг потемнело, и желая скрутиться калачиком и умереть.

*

Только резкий звук мобильного помог ей очнуться от жуткого, удушающего кошмара. Эмили осмотрелась, не понимая, как долго она пролежала, скрутившись на полу бального зала.

Выглянув из-за кучи хлама, она увидела свой телефон на небольшом столике у двери. Он мигал и вибрировал. Она встала и удивленно обнаружила на экране имя Бена.

Какое-то время она просто стояла и смотрела, как мигает экран, как на нем появляется имя Бена, как тысячи раз до этого. Это было так обыденно, эти три небольшие буквы, БЕН, но в то же время так чуждо и так неправильно в этом доме, в этот момент, после того, как она увидела лицо Шарлотты, после того, как провела целый день с Дэниелом.

Эмили отклонила звонок.

Экран погас, но через секунду вновь засветился. Но в этот раз вместо имени Бена появилось имя Эми.

Эмили с облегчением взяла трубку.

– Эми, – вздохнула она. – Я так рада, что ты позвонила.

– Я даже не знаю, что сказать, – шутливо сказала подруга.

– Не имеет значения. Можешь просто почитать телефонный справочник – и я буду рада. Я рада слышать твой голос.

– Что ж, – сказала Эми, – на самом деле у меня есть для тебя интересные новости.

– Правда?

– Да. Помнишь, мы с тобой часто говорили о том, чтобы жить в той переоборудованной церкви в Нижнем Ист-Сайде? О том, как это было бы круто?

– Не-а, – ответила Эмили, не понимая, к чему ведет подруга.

– Ну, – сказала Эми, будто собираясь открыть большой секрет, – мы можем! Двухкомнатная квартира только что появилась на рынке недвижимости, и мы точно можем себе это позволить.

Эмили выдержала паузу, фильтруя информацию в сознании. Будучи студентками в Нью-Йорке, Эми и Эмили мечтали жить в переоборудованной церкви в окружении крутых баров в Нижнем Ист-Сайде, где они частенько бывали. Но тогда им было чуть за двадцать. Сейчас Эмили переросла эту мечту.

– Но мне и здесь хорошо, – ответила Эмили. – Я не хочу возвращаться в Нью-Йорк.

На той стороне линии возникла долгая пауза.

– Ты имеешь в виду никогда? – наконец спросила Эми.

– Я имею в виду, по крайней мере, в ближайшие полгода. Пока сбережения не закончатся. Затем я что-нибудь придумаю.

– Например что? Снова спать у меня на диване? – в голосе Эми слышался намек на злость.

– Извини, Эми, – сказала Эмили, чувствуя себя опустошенной. – Я просто не хочу этого больше.

Она услышала, как подруга вздохнула.

– Ты действительно останешься там? – наконец спросила она? – В Мэне? В жутком старом доме? Одна?

В этот момент Эмили осознала, как сильно она хочет остаться, какой правильной кажется ей эта мысль. И когда она произнесла это вслух Эми, это стало абсолютно реальным.

Она глубоко вдохнула, впервые за долгие годы чувствуя себя уверенно и на своем месте, а затем просто ответила:

«Да, я остаюсь».

3 месяца спустя

Глава восьмая

Весеннее солнце пробилось сквозь шторы в комнате Эмили, разбудив ее, словно нежным поцелуем. Эмили все больше и больше любила эти неторопливые, ленивые утра. Она полюбила тихое спокойствие Сансет-Харбор.

Эмили перевернулась в кровати и медленно открыла глаза. Комната, которая когда-то была родительской спальней, теперь принадлежала ей. Это была первая комната, которую она отреставрировала и обновила. Вместо старого, поеденного молью одеяла теперь здесь было красивое лоскутное шелковое покрывало. Встав с кровати, придерживаясь за одну из четырех опор, она почувствовала под ногами мягкий и пушистый кремовый ковер. Стены в комнате все еще пахли свежей краской, когда она прошла к теперь отшлифованному и лакированному комоду, чтобы взять весеннее платье в цветочек. В ящиках лежала аккуратно сложенная одежда, а в ее жизни снова царил порядок.

Эмили полюбовалась своим отражением в зеркале в полный рост, которое она профессионально отреставрировала и очистила, затем полностью открыла шторы, наслаждаясь тем, как весна раскрасила Сансет-Харбор: во дворе цвели азалии, магнолии и нарциссы, на деревьях, граничащих с ее домом, распустились пышные зеленые листья, а из окна открывался вид на мерцающее серебро океана. Она открыла

окно и сделала глубокий вдох, ощутив соленый воздух.

Свесившись из окна, боковым зрением она заметила какое-то движение во дворе, и высунула голову, чтобы увидеть, что происходит. Это был Дэниел, направлявшийся к одной из клумб. Он был полностью сосредоточен на задаче, это была его привычка, которую Эмили отметила за те три месяца, которые они вместе работали над домом. Когда Дэниел брался за какое-то дело, он уделял ему все свое внимание и не останавливался, пока не закончит. Эмили ценила это качество в нем, хотя иногда она чувствовала себя полностью отстраненной от дел. За последние три месяца они часто работали рука об руку и могли не сказать друг другу ни единого слова. Для Эмили было загадкой, что происходит в голове у Дэниела – его невозможно было прочесть. Единственным доказательством, что он не испытывает к ней отвращение, было то, что он день за днем возвращался, выполняя ее просьбы передвинуть мебель, отшлифовать пол, покрыть лаком дерево, перебить диваны. Он по-прежнему отказывался от денег, и Эмили было интересно, за какие средства он жил, если целыми днями работал бесплатно.

Эмили отошла от окна и вышла из спальни. Коридор на втором этаже теперь был чистым и аккуратным. Она убрала пыльные картины и заменила их фотографиями эксцентричного британского фотографа Эдварда Майбриджа, основной идеей которых было запечатлеть момент в движении. Эмили выбрала серию с танцующими женщинами, поскольку они

казались ей невероятно красивыми. Этот момент перехода, движения был, словно поэзия для ее глаз. Замызганные обои она тоже сняла, и теперь стены были окрашены в белоснежный цвет.

Эмили быстро спустилась на первый этаж, все больше чувствуя, что это ее дом. Все эти годы, когда она была гостем в жизни Бена, теперь казались далеким прошлым. Она чувствовала, что это то место, где она и должна быть.

Мобильный лежал на привычном месте – на столе у двери. Казалось, она наконец влилась в привычную рутину – она медленно просыпалась, одевалась, проверяла телефон. А с приходом весны к ее рутине добавились поездки в город, чтобы попить кофе и позавтракать, а затем пройтись по блошиному рынку в поисках вещей для дома. Сегодня была суббота, а это значило, что будет открыто больше магазинов, и она собиралась найти сегодня еще больше мебели.

Отправив Эми сообщение, Эмили взяла ключи от машины и вышла на улицу. Проходя по двору, она искала глазами Дэниела, но его нигде не было видно. За последние три месяца его присутствие стало еще одним источником стабильности для нее. Иногда Эмили чувствовала, будто он всегда здесь, на расстоянии вытянутой руки.

Эмили села в машину, которую наконец-то починила, и выехала в город, проезжая мимо белой запряженной лошадьми повозки. Прогулки на пони были одним из аттракционов для туристов в Сансет-Харбор. Эмили помнила, как

ребенком каталась в повозке, и их наличие говорило о том, что город наконец пробудился от длительного зимнего сна. Проезжая по улицам города, она заметила, что на главной улице открылась новая закусочная. Чуть дальше вдоль улицы бар/стенд-ап клуб работал все дольше и дольше. Она никогда не видела, чтобы место так радикально менялось перед ее глазами. Новая суета напоминала ей о летних каникулах больше, чем что-либо до этого.

Эмили припарковала машину на небольшой парковке у пристани. Сейчас она быстро заполнялась кораблями, плавно раскачивающимися на волнах. Эмили наблюдала за кораблями с вновь обретенным чувством умиротворения. Она действительно чувствовала, что жизнь только начинается. Впервые за долгое время она видела перед собой будущее, которого она хотела: жить в доме, делать его красивым, быть довольной жизнью и счастливой. Но она знала, что это не может длиться вечно. Денег осталось только на три месяца. Не желая, чтобы ее мечта так скоро закончилась, Эмили приняла решение продать некоторые антикварные вещи из дома. Пока что она рассталась только с теми, которые не вписывались в ее видение дома, но даже их продажа далась ей нелегко, будто она отдавала частичку ее отца.

Эмили взяла кофе и рогалик из новой закусочной, а затем направилась в крытую барахолку «У Рико». Ее отец приходил сюда каждое лето. Это место все еще принадлежало его старому владельцу, Рико. Эмили была рада, что он не узнал

ее, когда она пришла сюда в первую субботу (в одинаковой степени из-за плохого зрения и проблем с памятью), потому что так у нее была возможность представиться самой, познакомиться с ним на ее условиях, без тени присутствия ее отца.

– Доброе утро, Рико, – сказала она, заглядывая в темный магазин.

– Кто там? – ответил обезличенный голос откуда-то из темноты.

– Это Эмили.

– О, Эмили, рад тебя видеть снова.

Эмили знала, что он лишь притворялся, что помнит ее, каждый раз, когда она приходила, его память между ее визитами угасала, и она не могла не отметить иронию в том, что человек, которому она больше всего нравилась в Сансет-Харбор, не мог на самом деле вспомнить, кто она такая.

– Да, из большого дома на Уэст Стрит, пришла, чтобы забрать комплект стульев для столовой, – ответила она, выискивая мужчину в магазине.

Наконец он появился из-за прилавка.

– Конечно, да, у меня записано.

Он надел очки и прищурился, глядя на книгу на столе, в поисках записи о том, что именно Эмили купила именно шесть стульев для столовой, написанной небрежным почерком. После первого визита в магазин (когда она зарезервировала большой ковер, который исчез, когда она приехала за ним), Эмили усвоила, что если Рико что-либо не записал –

считай, этого не было.

– Есть, – добавил он. – Шесть стульев для столовой. Эмили. Девять утра. Суббота, двенадцатое число. Это сегодня, да?

– Сегодня, – ответила Эмили с улыбкой. – Я просто зайду и заберу их, можно?

– О, да, конечно, я доверяю вам, Эмили. Вы – ценный клиент.

Она широко улыбнулась сама себе и пошла в подсобку. Она не знала, кто был дизайнером стульев, все, что она знала, – это то, что они были идеальны для столовой. В некотором смысле они выглядели, как традиционные стулья – деревянные, на четырех ножках, спинка, сиденье, но они были сделаны слегка необычным способом: их спинки были выше, чем у обычных стульев. Они были выкрашены в элегантный черный цвет, который идеально сочетался с ее монохромной цветовой гаммой в столовой. Увидев их снова, Эмили с нетерпением захотела скорее привезти их домой, чтобы увидеть, как они смотрятся на новом месте.

Стулья были тяжелыми, но Эмили поняла, что стала сильнее за последние несколько месяцев. Весь физический труд по дому позволил ей развить мышцы так, как ей никогда не удавалось в спортзале.

– Отлично, спасибо, Рико, – сказала она, таща стулья к выходу. – Придете на мою гаражную распродажу сегодня? Я продаю те два дизайнерских журнальных столика от Эй-

хольца Рубинштейна, которые требуют небольшого ремонта. Помните, вы говорили, что, возможно, захотите взять их и отдать на ремонт Серене?

Серена была безгранично энергичной молодой студенткой факультета искусств, которая раз в несколько недель преодолевала путь от Университета Мэна продолжительностью около двух часов лишь для того, чтобы помочь с ремонтом мебели, словно фея. Она всегда была в джинсах с длинными темными волосами, собранными в хвост сбоку, и Эмили оставалось только позавидовать спокойствию, уверенности и внутренней силе этой юной девушки. Но благодаря тому, что она всегда была приветлива с Эмили, несмотря на недоверчивые взгляды, которыми та ее одарила при первой встрече, Эмили теперь тоже вела себя дружелюбно.

– Да-да, – радостно ответил Рико, хотя Эмили была уверена, что он напрочь забыл о гаражной распродаже. – Серена заедет.

Эмили увидела, что он записал это в свой блокнот.

– Старый дом на Уэст Стрит, – напомнила она, чтобы ему не приходилось смущаться, спрашивая ее адрес. – Увидимся позже!

Эмили загрузила новые стулья в багажник и поехала домой через город, любуясь цветением весенних цветов, сияющим океаном и чистым голубым небом. Подъехав к дому, она поразилась тому, как он изменился. И дело было не только в весне, раскрасившей это место и сделавшей зеле-

ную траву на лужайке пушистой и объемной, но и в ощущении, что в доме живут, что его опять любят. Фанеры на окнах больше не было, а сами окна были чистыми и свежеекрашенными.

Дэниел уже начал выставлять на лужайку вещи, которые она собиралась сегодня продать. Много вещей выглядело, как хлам, но когда она нашла их в интернете, оказалось, что для кого-то они могут стать настоящим сокровищем. Она составила список всех вещей, которые не хотела оставлять, а затем нашла их в интернете, чтобы узнать их стоимость, прежде чем создать электронные объявления о продаже. Ее поразило сообщение от женщины из Монреаля, которая решила проделать путь в Сансет-Харбор лишь для того, чтобы купить серию книг о Тинтине.

Ночами, составляя список вещей в доме, Эмили начала понимать, что ее отец находил в таком странном занятии. История вещей, истории, связанные с ними, – все это стало увлекать Эмили. Она начала испытывать радость, находя антиквариат среди хлама, хоть ранее это чувство было ей незнакомо.

Нельзя сказать, что ее не настигли некоторые разочарования в процессе. Древнегреческая арфа, которую Дэниел откопал в бальном зале, стоила 30 000 долларов, как узнала Эмили, однако, к сожалению, она была настолько повреждена, что специалист по арфам сказал, что восстановить ее не удастся. Но он дал Эмили номер телефона местного музея,

который принимал жертвоприношения, и Эмили была тронута, когда ей сказали, что они поставят возле арфы табличку, в которой будет написано, что это жертвоприношение сделал ее отец. Казалось, так память о нем сохранится навсегда.

Рассматривая двор, Эмили почувствовала смесь грусти и надежды. Ей грустно было прощаться с некоторыми вещами, которые собрал ее отец, но в то же время она была преисполнена надежды обрести новый дом, который однажды будет выглядеть так, как она представляет. Внезапно будущее показалось ярким.

– Я вернулась! – воскликнула она, перетаскивая стулья в дом.

– Я здесь, – ответил Дэниел из бального зала.

Эмили поставила стулья в прихожей и пошла к нему.

– Ты молодец, что начал выносить вещи во двор, – крикнула она, проходя через столовую к потайной двери в бальный зал. – Тебе чем-нибудь помочь?

Войдя в комнату, она замерла, не в силах вымолвить ни слова. На Дэниеле была белая безрукавка, обтягивающая мышцы, которые она ранее видела лишь в своем воображении. Впервые она увидела его физическую форму, что заставило ее потерять дар речи.

– Да, – ответил он, – можешь взять этот книжный шкаф с другой стороны и помочь мне вынести его. Эмили?

Он посмотрел на нее и нахмурился. Осознав, что она стоит, разинув рот, Эмили собралась.

– Да, конечно.

Она подошла к нему, не в состоянии поддерживать зрительный контакт, и взялась за книжный шкаф с другой стороны.

Но она не могла удержаться, то и дело поглядывая на его мускулистые руки, которые напряглись под весом книжного шкафа, когда он выпрямился.

Эмили понимала, что ее тянет к Дэниелу, и приняла тот факт, что это началось с самой первой их встречи, но он все еще оставался для нее загадкой. На самом деле теперь он был еще большей загадкой, поскольку, несмотря на то, что они проводили вместе много времени, он ничего о себе не рассказывал. Все, что ей было известно, – это то, что он прятал что-то от посторонних глаз, что-то вроде темной стороны или травмы, какого-то секрета, от которого он бежал, который не позволял ему сблизиться с другими. Эмили на собственном опыте знала, каково это, бежать от тяжелого прошлого, поэтому она никогда не настаивала. Кроме того, секретов дома было достаточно, чтобы не особо переживать из-за секретов Дэниела. Поэтому она подавила чувства, надеясь, что перегорит, и что пламя не охватит их обоих, когда никто из них не готов к этому.

*

Первые посетители начали появляться вскоре после по-

лудня, корда Дэниел и Эмили прохладжались на лежаках, попивая лимонад собственного приготовления. Эмили сразу же заметила среди них Серену.

– Привет! – крикнула Серена, помахав рукой, прежде чем подойти к Эмили раскачивающейся походкой и обнять ее.

– Ты пришла за теми журнальными столиками, верно? – ответила Эмили, отстранившись. Эмили было некомфортно от физической близости, которая так легко давалась Серене. – Они здесь, за углом, я принесу.

Серена последовала за Эмили через лабиринт мебели, расставленной на лужайке.

– Это твой парень? – спросила она, пока они шли, оглядываясь на Дэниела. – Потому что, если ты не возражаешь, должна сказать, что он очень привлекателен.

Эмили засмеялась и также обернулась. Дэниел беседовал с Карен из магазина. На нем все еще была та безрукавка, и весеннее солнце освещало его бицепсы.

– Нет, – сказала она.

– Не привлекателен? – воскликнула Серена. – Девочка, у тебя со зрением все хорошо?

Эмили покачала головой и засмеялась.

– Я имею в виду, он не мой парень, – исправилась она.

– Но он и *правда* привлекателен, – настаивала Серена. – Знаешь, ты *можешь* говорить это вслух.

Эмили усмехнулась. Должно быть, Серена считала ее настоящей недотрогой.

Они прошли к двум столикам, за которыми приехала Серена. Девушка наклонилась, чтобы осмотреть их, убрав темные волосы за плечо и обнажив загорелую кожу цвета карамели под ними. Ее красота была уникальной для молодой девушки, она совмещала в себе сияние и жесткость, которые нельзя было воссоздать с помощью косметики.

– Ты собираешься сделать первый шаг? – спросила Серена, обернувшись к Эмили.

Эмили чуть было не поперхнулась.

– С Дэниелом?

– А почему нет? – спросила Серена. – Потому что если ты не этого не сделаешь, я сделаю!

Эмили замерла, внезапно почувствовав холод по всему телу, несмотря на весеннее солнце. Мысль о красивой и беззаботной Серене рядом с Дэниелом вызвала у нее такую ревность, что она сама удивилась. Она подумала, что он быстро влюбится в нее, потому что как он может не влюбиться? Как может тридцатипятилетний мужчина устоять перед молодой девушкой вроде Серены? Это практически записано в их ДНК.

Внезапно Серена подняла брови и широко улыбнулась.

– Да шучу я! Но ты бы видела свое лицо. Ты выглядишь так, будто я сообщила тебе, что кто-то умер!

Эмили почувствовала легкую раздраженность из-за шутки Серены. Шутки были еще одной фишкой молодых и беззаботных. Но не таких потрепанных жизнью, как Эмили.

– Зачем шутить о таком? – спросила Эмили, стараясь не выдавать смятение в голосе.

– Просто хотела увидеть твою реакцию, – ответила Серена. – Понять, нравится он тебе или нет. И он тебе, кстати, нравится, поэтому ты должна что-то с этим сделать. Ты же понимаешь, парень, который выглядит *так*, вряд ли долго будет одинок.

Эмили приподняла бровь и покачала головой. Серена была слишком молода, чтобы понять сложность отношений между людьми или знать об эмоциональном багаже, с каждым годом все больше отягощающим человека.

– Слушай, – сказала Серена, смотря вдаль, – ты уже перебирала вещи в сарае? Уверена, там много интересного.

Эмили оглянулась. В другом конце лужайки в тени стоял одинокий и забытый деревянный сарай. Она еще не добралась до построек вокруг дома. Дэниел рассказывал ей о теплицах и о том, как он хотел восстановить их, чтобы выращивать цветы на продажу, но это слишком дорого обойдется. Однако он не упоминал сарай и другие постройки, и она просто забыла о них.

– Еще нет, – сказала она, оборачиваясь к Серене. – Но я дам тебе знать, если найду что-нибудь, что понравилось бы тебе или Рико.

– Отлично, – сказала Серена, вставая и держа в каждой руке по журнальному столику. – Спасибо. И не забудь сделать первый шаг с мистером Красавчиком. Ты все еще мо-

лода!

Эмили закатила глаза и засмеялась, глядя вслед Серене, удаляющейся горделивой походкой. Была ли она такой же уверенной в этом возрасте? Даже если и была, то уже не помнила. Эми всегда была уверенной, а Эмили – скромницей. Возможно, именно поэтому она всегда оказывалась в таких ужасных отношениях, и поэтому она так надолго застряла с Беном – из страха, что не найдет никого другого, от мучительной мысли о том, что придется пройти через эту неловкость и дискомфорт, чтобы сблизиться с кем-то другим.

Эмили наблюдала за Дэниелом, за тем, как он разговаривал с клиентами, за его осторожностью и манерностью, и за тем, как он снова погружался в себя, оставаясь наедине. Впервые с момента их знакомства Эмили узнала в Дэниеле себя, и это заставило ее желать узнать его лучше.

*

Интерес, проявленный Сереной к сараю, пробудил в Эмили любопытство. Позже тем вечером, закончив с гаражной распродажей, она направилась к дворовым постройкам. При тусклом свете газон выглядел еще лучше, и труд Дэниела стал очевидным. Ему удалось сохранить розовый куст, который рос здесь столько, сколько Эмили помнила себя.

Проходя мимо разрушенной теплицы, она вспомнила, как когда-то внутри в горшках росли ярко-красные томаты, как

ее мама в кепке стояла с серой лейкой в руках. За теплицами когда-то стояли яблони и груши. Возможно, однажды Эмили посадит их снова.

Пройдя мимо теплиц, она подошла к сараю. На двери висел замок. Эмили взяла его рукой, пытаясь вспомнить что-нибудь о сарае, но ей не удалось. Как и тайный балльный зал, сарай был секретом, который ей никогда не приходило в голову исследовать, будучи ребенком.

Она отпустила замок, который ударился о дверь со стуком, а затем обошла сарай в поисках другого входа. Небольшое, закопченное окно было разбито, но оно было слишком маленьким, чтобы Эмили могла пролезть. Затем она заметила временное сооружение. Одна из досок была сломана или сгнила, а сверху был прибит тонкий лист фанеры – временная мера, которая стала постоянной. Эмили представила, как ее отец с молотком в руке закрывает дыру куском фанеры, рассчитывая, что завтра вернется и закончит работу. Только он так и не закончил. Вскоре после этого он решил уйти и не возвращаться.

Эмили вздохнула, огорченная вклинившимся воображением. Ей достаточно было горя в реальности, не хватало еще выдуманной боли.

Немного повозившись, Эмили удалось оторвать фанеру, за которой открылась дыра большего размера, чем она ожидала. Она легко пролезла через нее и оказалась в темном сарае. В воздухе висел странный затхлый запах, источник ко-

торого Эмили не могла установить. Однако она видела, что находится вокруг. Сарай был переделан в импровизированную темную комнату для проявки фотографий. Она попыталась вспомнить, увлекался ли ее отец фотографией, но в памяти был пробел. Ему нравилось фотографировать семью, но не до такой степени, чтобы соорудить для этого целую проявочную.

Эмили подошла к большому длинному столу, на котором были расставлены разные лотки. Из фильмов она знала, что сюда наливают проявитель для фото. Над столом была натянута бельевая веревка, на которой все еще были прищепки для закрепления фотографий. Все это очень заинтересовало Эмили.

Она еще немного прошлась по сараю, чтобы посмотреть, нет ли там еще чего-нибудь интересного. Поначалу ей ничего не приглянулось. Лишь бутылки проявителя, старые коробочки от пленки, длинные объективы и разбитые камеры. Затем она нашла дверь с навесным замком на ней. Эмили стало интересно, куда она ведет и что за ней скрывается. Она стала искать ключ, но не нашла, зато ей попалась коробка, набитая фотоальбомами, кое-как сложенными один на другой. Она взяла первый попавшийся, смахнула с него пыль и открыла.

Первая фотография была черно-белой с изображением приближенного циферблата часов. На второй, тоже черно-белой, было изображено разбитое окно, оплетенное па-

утиной. Эмили переворачивала страницы, разглядывая фотографии и хмурясь. Они не казались ей профессиональными, было больше похоже, что они были сняты любителем, но в них чувствовалась некая меланхолия, передававшая настроение фотографа. На самом деле, чем больше она изучала каждое фото, тем больше ей казалось, что она скорее заглядывает в сознание фотографа, чем анализирует объекты, которые он решил запечатлеть. Фотографии вызвали у нее чуть ли не чувство клаустрофобии, хотя она находилось в просторном сарае, а также – глубокую печаль.

Внезапно Эмили услышала сзади шум. Она развернулась, чувствуя, как сердце колотит в груди, и уронила фотоальбом на ноги. У дырки в стене, через которую она вошла, стоял небольшой терьер. Он был явно бродячим, его шерсть была спутанной и неухоженной, и он стоял и смотрел на нее, озадаченный тем, что кто-то стоит на его месте.

«Так вот, что это за запах», – подумала Эмили.

Ей стало интересно, знал ли Дэниел о бродячей собаке, видел ли он ее на территории. Она решила, что спросит его завтра на продолжении гаражной распродажи, а также расскажет ему о проявочной, и обрадовалась, что теперь у нее есть повод заговорить с ним.

– Все хорошо, – сказала она собаке вслух. – Я уже уйду.

Собака наклонила голову, будто слушая ее. Эмили подняла фотоальбом и вернула его на место, в коробку, как вдруг увидела, что одна из фотографий, лежавшая между страниц,

выпала. Она подняла ее и увидела, что на ней была запечатлена вечеринка по случаю дня рождения. Маленькие дети сидели вокруг стола, в центре которого стоял огромный розовый торт в виде средневекового замка. Внезапно Эмили поняла, на что она смотрит. Это был день рождения Шарлотты. Последний день рождения Шарлотты.

Эмили почувствовала, как на глаза накатываются слезы. Она держала фотографию дрожащими руками. У нее не осталось реальных воспоминаний о последнем дне рождения Шарлотты, да и вообще, она мало что помнила о ней. Казалось, будто ее жизнь разделили на две части. В первой части Шарлотта была жива, а вторая часть – это жизнь после ее смерти, та часть, в которой все сломалось, брак ее родителей наконец распался после того, как безмолвное напряжение стало невыносимым, и финал, когда ее отец исчез с лица земли. Но все это случилось с Эмили Джейн, а не с Эмили, не с женщиной, которой она решила стать, не с человеком, который восстал из руин. Рассматривая фото, доказательство жизни с Шарлоттой, Эмили чувствовала, что близка к ребенку, которого она оставила позади, как никогда ранее.

Собака залаяла, и Эмили вернулась в реальность.

– Хорошо, – сказала она. – Я поняла. Я ухожу.

Вместо того чтобы положить альбом на место, Эмили взяла всю коробку, заметив, что стоявшая под ней коробка также была набита фотографиями, и пробралась через сарай к дырке в стене. В ее голове роились мысли. Тайный баль-

ный зал, секретная проявочная, закрытая дверь в сарае, коробка, набитая фотографиями...какие еще секреты скрывал этот дом?

Глава девятая

Поспешив в дом с грузом фотоальбомов в руках, Эмили услышала четкие звуки молотка и дрели из бального зала. Это значило, что, несмотря на поздний час, Дэниел все еще находился в доме, развешивая картинные рамы и зеркала для нее. Он работал вечерами все дольше и дольше, иногда задерживался до полуночи, и Эмили тешила себя мыслью, что он делает это, чтобы быть рядом с ней, чтобы поддерживать чувство близости, будто ожидая, что она войдет с чашечкой чая для него, как обычно, показав свое внимание. Вечерами, примерно в это время, после того, как Эмили заканчивала с организацией и копанием в вещах, она частенько заглядывала в двери и болтала с ним. Должно быть, сегодня вечером он ждал того же.

Но этим вечером ее мысли были не здесь. На самом деле последнее, чего она сейчас хотела, – это видеть Дэниела. Ее так потрясла фотография Шарлотты, проявочная, которую она нашла, что она полностью сосредоточилась на том, что собиралась делать дальше, на том, что *нужно* было сделать сейчас. Наконец-то.

В доме все еще были комнаты, в которых Эмили пока что не была, комнаты, которых она сознательно избегала. Одной из них был кабинет ее отца, куда она и направлялась. Даже после месяцев, проведенных в доме, она все еще держа-

ла дверь в его кабинет плотно закрытой. Она не хотела вторгаться в нее. Или, скорее, не хотела сталкиваться с секретами, которые он мог хранить.

Но сейчас Эмили чувствовала, что слишком многое было скрыто слишком долгое время. Тайны ее семьи съедали ее. Она позволила молчанию и незнанию завладеть своими мыслями. Никто в ее семье никогда ни о чем не говорил: ни о смерти Шарлотты, ни о последующем нервном срыве ее матери или о разводе ее родителей, приближающимся с каждым годом. Они были трусами, позволяющими своим ранам гноиться вместо того, чтобы действовать. Ее мать, ее отец, они поступали одинаково, оставляя так много недосказанностей, позволяя ранам перерасти в гангрену, пока единственным выходом не была ампутация конечности.

«Ампутация конечности», – подумала Эмили.

Это именно то, что сделал ее отец, не так ли? Он обрубил всю свою семью, убежал от проблемы, о которой не мог говорить. Он оставил их всех из-за какой-то трудности, из-за какого-то препятствия, которое посчитал непреодолимым. Эмили не хотела теряться в догадках всю жизнь. Ей нужны были ответы. И она знала, что найдет их в этом кабинете.

Она бросила коробку с фотографиями на лестнице и побежала вверх, перепрыгивая по две ступеньки за раз. Мысли роились в голове, когда она целенаправленно шагала по коридору на втором этаже, пока не дошла до двери отцовского кабинета и не замерла. Дверь была изготовлена из темно-

го лакированного дерева. Эмили помнила, как разглядывала ее, будучи подростком. Тогда она казалась грандиозной, почти зловещей, дверью, за которой отец исчезал, будто она поглощала его, и появлялся по прошествии нескольких часов. Ей не разрешали тревожить его, и, несмотря на детское любопытство, она никогда не нарушала правил и не заходила внутрь. Эмили не знала, почему ей не разрешали заходить туда. Она не знала, почему ее отец пропадает там. Ее мама ничего ей не рассказывала, и со временем, когда Эмили подросла, она потеряла всякий интерес к комнате, оставив вопрос без ответа и окутав его молчанием.

Она попробовала повернуть ручку и с удивлением обнаружила, что та поддалась. Эмили предполагала, что кабинет будет закрыт, что комната воспротивится ее вторжению. Поэтому она была шокирована, осознав, что могла просто войти в комнату, в которую ей ранее не разрешалось и носа показывать.

Она замешкалась, будто ожидая, что появится ее мама и отругает ее. Но, конечно же, никто не пришел, и Эмили, глубоко вдохнув, открыла дверь. Она распахнулась со скрипом.

Эмили заглянула в темную комнату. Внутри находился большой стол, шкафы для бумаг и книжные полки. В отличие от остальных комнат в доме, в кабинете отца было чисто. Он не заполнил его предметами искусства или фотографиями; здесь не было не вписывающихся в интерьер ковров на полу, потому что он не мог выбрать один. На самом деле из

всех комнат в доме, в которых Эмили побывала, эта меньше всего была похожа на комнату отца. Это несоответствие привело ее в замешательство.

Эмили прошла внутрь. В воздухе ощущался знакомый запах пыли и плесени, тот же запах, которым пропах весь дом, когда она приехала. С потолка свисала паутина, оплетавшая лампочки. Она медленно прошла мимо, не желая тревожить мерзких ползучих тварей, затаившихся там.

Оказавшись внутри, Эмили не знала, с чего начать. На самом деле она даже не знала, что ищет. У нее просто было чувство, что она поймет, что ищет, как только найдет это, что тайны ее семьи скрыты где-то в этой комнате.

Эмили подошла к шкафу для бумаг и принялась копаться в первом ящике, решив, что это подходящее место для начала поисков. Среди документов отца она нашла купчую на дом, свидетельство о браке родителей и бумаги на развод от ее мамы. Она также нашла рецепт на золофт, антидепрессант. Эмили ничуть не удивилась, что отец принимал лекарства – смерть ребенка может кого угодно отправить в хроническую депрессию. Но ничто из этого не объясняло исчезновения отца.

После осмотра шкафчика для бумаг и лежащих в нем документов Эмили перешла к столу, чтобы осмотреть его ящики. Первый оказался закрыт, и Эмили еле слышно произнесла себе под нос «а-га». Она уже собиралась позвать Дэниела, чтобы он сломал замок и открыл для нее ящик, когда ее вни-

мание привлек небольшой сейф в углу комнаты. В мгновение у Эмили появилось четкое ощущение, что содержимое этого сейфа даст ответы на все волнующие ее вопросы.

Она бросила ящик и поспешила к сейфу, опустившись на колени перед темно-зеленой металлической коробкой. Сейф был закрыт на кодовый замок. Дрожащими руками Эмили начала проворачивать маленькие железные колесики с цифрами, решив для начала попробовать день рождения отца. Но комбинация не сработала, и замок не открылся. Что-то подсказало ей, что день рождения Шарлотты – именно та комбинация, которая откроет его. В конце концов, Шарлотта была любимицей отца. Но, выставив нужные цифры, Эмили вновь обнаружила, что комбинация неправильная. В качестве последней попытки она выставила свой день рождения и, нажав на замок, с удивлением обнаружила, что он открылся.

Эмили отпрянула, опешив. Она всегда винила себя в том, что отец покинул их (как и любой ребенок, когда один из родителей уходит), потому что она была не такой хорошей, как Шарлотта, считая, что Шарлотта была любимой папиной дочкой, и, в первую очередь, он страдал, потому что потерял ее, а затем – что Эмили не могла ее заменить. Все эти фотографии Шарлотты, которые она нашла в доме, то, как они в прямом смысле выпадали из разных уголков дома, будто были вшиты в него, только подтверждало укрепившееся за все эти годы убеждение. Но внезапно Эмили столкнулась с

новой реальностью. Ее день рождения был комбинацией от сейфа. Ее отец специально выбрал эту комбинацию. Потому что то, что было внутри, предназначалось только для ее глаз? Или потому, что ее отец любил ее так же сильно, как и Шарлотту?

Дрожащей рукой Эмили сняла замок с сейфа и открыла его. Дверца распахнулась со скрежетом.

Эмили сунула руку внутрь, ощупывая содержимое. Она нащупала какую-то ткань, велюр или вельвет, и достала ее. Это был темно-красный мешочек, перевязанный красной лентой на тон темнее. Он был тяжелым, и Эмили нахмурилась. Она развязала ленту и опрокинула мешочек. В руку упали жемчужные бусины, нанизанные на тонкую белую нить. Эмили сразу же узнала ожерелье. Много лет назад, когда они с Шарлоттой устроили одно из представлений о пиратах для родителей, она играла роль похищенной принцессы. Она надела жемчужное ожерелье, и ее отец, увидев его, очень разозлился и заставил ее снять его. Эмили расплакалась, мать отругала отца за слишком бурную реакцию, а ожерелье навсегда исчезло.

Только через несколько дней отец наконец остыл и объяснил, что ожерелье принадлежало его матери. Через несколько лет она поняла, почему он был так к нему привязан. Это была единственная вещь, которую его мать не заложила в ломбард, чтобы оплатить его обучение. Они никогда больше не говорили об ожерелье, и Эмили больше не видела его, хо-

тя часто вспоминала.

Эмили рассматривала ожерелье в своей руке, чувствуя разочарование. Жемчужное ожерелье на самом деле не объясняло секретов ее семьи или тайны исчезновения ее отца. И ей стало больно от мысли, что ее отец решил, что единственным способом сберечь наиболее ценную для него вещь от любопытной, хитрой пятилетней девочки, – это спрятать ее в *сейфе*. Если только ожерелье не было дорогим, и он не спрятал его здесь, чтобы не позволить ее маме отнести его в ломбард после его исчезновения. Потому что он собирался однажды вернуться? Или потому, что он надеялся, что оно каким-то образом попадет к Эмили в качестве извинения за тот эпизод в детстве? Что если он выбрал ее день рождения как код к замку не случайно? Но точного способа узнать не было, если бы только отец сам не объяснил ей.

Эмили покатила жемчужины между пальцев. Она чувствовала себя виноватой за то, что ее это расстроило. Если отец спрятал их специально для нее, она должна быть благодарна. Но она была уверена, что в сейфе хранилась информация, в которой она так отчаянно нуждалась. Что последний фрагмент головоломки будет здесь.

Вздохнув, она собиралась закрыть дверцу сейфа, когда увидела, что там есть что-то еще, спрятанное в тени у задней стенки. Она протянула руку и взяла это. Вытянув находку, она посмотрела на нее и увидела в руке связку ключей.

Эмили разглядывала ключи, чувствуя, как сердце выпры-

гивает из груди. Что могло заставить отца спрятать ключи в сейфе? Какие секреты он хранил, чтобы пришлось прятать ключи?

На связке было как минимум два десятка ключей, и Эмили рассмотрела каждый из них, думая о том, какие двери они могут открыть. Затем она вспомнила про ящик в столе, который оказался закрытым, когда она решила заглянуть внутрь. Она побежала к ящику и стала подбирать ключ, пока один наконец не подошел. Внезапно послышался щелчок.

Наконец-то. Она сделала это. Она наконец нашла то, что ее отец так тщательно и так долго скрывал от семьи.

Она заглянула в ящик. Там лежала только одна вещь: белый конверт. Эмили сразу же узнала аккуратный почерк отца. Выцветшими синими чернилами было написано всего одно слово.

Эмили.

Эмили почувствовала, как холодок пробежал по всему телу, когда она поняла, что отец написал ей письмо, но так и не отдал. Что он спрятал его в закрытом ящике, а ключ запер в сейфе. У нее было четкое предчувствие, что, что бы ни было в этом письме, это изменит все.

Но прежде чем Эмили смогла открыть его, в дверь позвонили. Она подскочила и вскрикнула. Была почти полночь. Кто мог прийти в такое время?

Эмили сложила письмо в карман, затем встала и поспешила по коридору. Добежав до лестницы, она увидела, что Дэниел опередил ее и уже был у двери. Дверь была открыта, а на пороге стоял невысокий, тучный мужчина, одетый так, словно только что вышел с занятий по гольфу.

– Здорово! – поприветствовал он Дэниела. – Простите за поздний визит. Меня зовут Тревор Манн, я ваш сосед. Я живу в ста метрах от вас и приехал на сезон.

Он протянул Дэниелу руку, но Дэниел лишь смотрел на нее.

– Я здесь не живу, – сказал он. – Вы не мою руку должны пожимать.

Эмили кротко улыбнулась, когда Дэниел обернулся и указал на нее, стоящую на лестнице. Она спустилась и крепко пожала руку мистера Манна, показывая, кто здесь главный.

– Меня зовут Эмили Митчелл. Рада знакомству.

– Ах, – сказала Тревор со всем дружелюбием. – Простите за ошибку. В любом случае, я не собираюсь вас задерживать – понимаю, уже поздно. Просто хотел сообщить, что мне понравился ваш участок и я надеюсь получить его до конца лета.

Эмили моргнула, опешив от его слов.

– Простите, что?

– Ваш участок. Я уже двадцать лет посматриваю на него. То есть я, конечно, понимаю, что у меня и так есть сто акров, а у вас всего пять, но у вас вид на океан, а это значит, что у вас один из последних элитных участков у воды. Ваш участок идеально бы дополнил мой, если бы я его купил. Это хорошая возможность обогатиться для вас.

– Я не понимаю, – сказала Эмили.

– Не понимаете? Я все еще говорю по-французски? – он громко захохотал, будто это была самая смешная шутка на свете. – Я хочу купить вашу землю, мисс Митчелл. Видите ли, было много лазеек в связи с тем, что владелец отсутствовал. Но я заметил свет в окнах и стал расспрашивать в городе. Карен из магазина сказала, что здесь снова кто-то живет.

Эмили и Дэниел на мгновение ошарашено переглянулись.

– Но он не продается, – сказала Эмили потрясенно. – Это дом моего отца. Он достался мне по наследству.

– Разве? – сказал Тревор все еще дружелюбным тоном, который не соответствовал тому, что он говорил. – Рой Митчелл не умер, не так ли?

– Ну, нет, я знаю, он... – неуверенно пробормотала Эмили. – Это сложно.

– Он пропал без вести, насколько я понимаю, – сказал Тревор. – А это значит, что дом находится как бы в правовом вакууме. Налоги не платились много лет. Сейчас идет бюрократическая возня, – он хихикнул. – И, судя по вашему оторопевшему выражению лица, могу предположить, что вы

этого не знали.

Эмили покачала головой, сбитаая с толку и раздраженная вторжением Тревора в ее жизнь именно в эту ночь, когда у нее в кармане лежит письмо от отца.

– Слушайте, участок не продается. Это дом моего отца, и у меня есть полное право находиться здесь.

– На самом деле, – сказал Тревор, – такого права у вас нет. Я забыл сказать, что состою в комиссии по районированию. Я и Карен, и все те люди, которые были не очень рады вашему приезду. Я взял на себя как соседа эту обязанность сообщить вам, что в связи с налоговой задолженностью технически дом принадлежит городу. Кроме того, несколько лет назад он был признан непригодным для проживания, поэтому, если вы хотите жить здесь, вам понадобится новый акт приемки в эксплуатацию. Жить здесь сейчас незаконно, понимаете?

Эмили нахмурилась. Казалось, что бы она ни делала, всегда найдутся люди, которые попытаются ей помешать и будут рассказывать, чего она *не* может, будь то начальники, парни или грубые соседи – все они были одинаковы. Все пытались доказать свой авторитет, встать на пути к ее мечтам и помешать ей.

Но хватит с нее авторитетов.

– Может быть, и так, – наконец ответила она, – но от этого дом моего отца не становится вашим, не так ли?

Она говорила с такой же холодной ухмылкой, широко

улыбаясь, и выражение ее лица не соответствовало ехидству в голосе.

Наконец его выражение лица переменилось, и улыбка исчезла.

– Город может заявить свои права на ваш дом и выставить его на аукцион, – настаивал он. – Тогда я смогу купить его.

– Так почему же не купите? – рискнула спросить она.

Он нахмурился сильнее.

– Юридически, – ответил он, прочищая горло, – будет более законно купить его у вас. Эта юридическая ситуация может затянуться на годы. А это, я бы сказал, – «серая зона». Ничего такого не случалось в нашем городе раньше.

– Что ж, очень жаль, – ответила она.

Он молча смотрел на нее, не в силах сказать ни слова, и Эмили почувствовала гордость за то, что отстояла свою позицию.

Тревор пресно улыбнулся.

– Я дам вам время подумать об этом. Но на самом деле я уверен, что тут не о чем думать. То есть что вы будете делать с этим домом? Когда чувство новизны пройдет, вы уедете. Будете приезжать на лето, на два месяца в год. Или скажете, что будете жить здесь круглый год? И чем заниматься? Будьте реалисткой. Вы уедете осенью, как и все. Или у вас закончатся деньги, – он пожал плечами и снова засмеялся, будто только что не угрожал ей и ее положению.

– Лучшим вариантом для вас будет продать землю мне,

пока предложение все еще в силе. Почему бы вам не упростить нам обоим жизнь и не продать вашу собственность? – настаивал он. – Пока я не позвонил в полицию, чтобы вас выселили. И вашего парня тоже.

Глаза Дэниела загорелись.

Эмили стояла на своем.

– Почему бы вам не обратиться с моей земли, – сказала она, – и не вернуться на свои сто акров без вида, прежде чем я не позвонила в полицию и не обвинила вас в незаконном проникновении?

Он выглядел, словно олень в свете фар, и она никогда не была так горда собой, как сейчас.

Затем он ухмыльнулся, развернулся на каблуках и пошел прочь по лужайке.

Эмили захлопнула дверь так сильно, что дом завибрировал. Она посмотрела на Дэниела, растерянного и озадаченного, и увидела в его глазах ту же обеспокоенность, которую чувствовала сама.

Глава десятая

Эмили стояла в коридоре разгневанная, сердце выскакивало из груди. Тревор Манн вывел ее из себя.

Но ей некогда было думать о злости или о его визите, поскольку ее мысли вновь вернулись к письму, лежащему в ее заднем кармане.

Письму от ее отца.

Она достала его и стала с трепетом рассматривать.

– Ну и козел, – начал Дэниел. – Ты на самом деле думаешь...

Но он остановился, увидев ее выражение лица.

– Что у тебя там? – спросил Дэниел, нахмурившись. – Письмо?

Эмили посмотрела на конверт, который держала в руках. Обычный. Белый. Стандартного размера. Он выглядел так безобидно. И все же она так боялась того, что могло быть внутри. Признание в преступлении? Или в том, что он был тайным шпионом или что у него была другая женщина? А если это предсмертная записка? Она не знала, как справиться, если это окажется так, и не могла представить, как отреагирует, если это окажется что-то из вышеперечисленного.

– Это от моего отца, – тихо сказала Эмили, поднимая глаза на него. – Я нашла это в его вещах.

– О, – сказал Дэниел. – Наверное, мне стоит оставить тебя.

Прости, я не знал...

Но Эмили потянулась и положила свою ладонь на его руку, чтобы удержать его.

– Останься, – сказала она. – Я не хочу читать его в одиночестве.

Дэниел кивнул.

– Пойдем присядем? – его голос стал более мягким, более заботливым. Он указал на дверь в гостиную.

– Нет, – сказала Эмили. – Сюда. Пошли за мной.

Она повела Дэниела вверх по лестнице и вдоль длинного коридора, ведущего в кабинет ее отца.

– В детстве я только смотрела на эту дверь, – сказала Эмили. – Мне никогда не разрешали заходить туда. И смотри.

Она повернула ручку и открыла дверь. Пожав плечами, она повернулась к Дэниелу.

– Она даже не была заперта.

Дэниел участливо улыбнулся. Он будто ходил вокруг нее на цыпочках, и она понимала почему. Содержимое письма могло оказаться для нее динамитом. Оно могло запустить катастрофическую реакцию в ее мозге, погрузить ее в глубокое отчаянье.

Они вошли в темный кабинет, и Эмили села за стол отца.

– Он написал это письмо здесь, – сказала она. – Открыл этот ящик. Положил его сюда. Закрыл. Спрятал ключ в сейфе. И затем ушел из моей жизни навсегда.

Дэниел приставил стул и сел рядом с ней.

– Ты готова?

Эмили кивнула. Как испуганный ребенок, выглядывающий сквозь пальцы при просмотре фильма ужасов, Эмили с трудом могла смотреть на письмо, когда подняла его и оторвала край конверта. Она достала листок из конверта. Это был один лист размером восемь на одиннадцать, сложенный вдвое. Ее сердце бешено билось в груди, когда она развернула письмо.

Дорогая Эмили Джейн,

Я не знаю, сколько времени пройдет с тех пор, как я ушел, до того момента, как это письмо попадет к тебе. Я лишь надеюсь, что ты не слишком долго переживала из-за меня.

У меня нет сомнений, что оставить тебя будет моим самым большим сожалением. Но я не могу остаться. Надеюсь, однажды ты поймешь и примешь мой поступок, даже если никогда не сможешь простить меня.

Я должен сказать тебе две вещи. Во-первых, и ты должна мне поверить, ты ни в чем не виновата. Ни в том, что случилось с Шарлоттой, ни в том, что наш с мамой брак распался.

Во-вторых, я люблю тебя. С первого мгновения, как я увидел тебя, до последнего. Ты и Шарлотта – два моих самых больших достижения. И если я не дал этого понять, когда был с вами, я могу лишь извиниться, хотя извинений недо-

статочно.

Я надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии, где бы ты его не читала.

С любовью,

Папа

Эмили читала и перечитывала письмо, крепко держа его в руках, с миллионами мыслей и эмоций. Слова, написанные отцом на бумаге, его голос, звучащий в голове Эмили после двадцати лет разлуки, сделали его отсутствие еще более осязаемым, чем когда-либо.

Она выпустила письмо из рук. Оно приземлилось на стол, за ним последовали слезы Эмили. Дэниел взял ее за руку, будто просил поделиться с ним, сморщив лоб и проявляя участие, но Эмили с трудом могла выдавить из себя хоть слово.

– Годами я думала, что он ушел, потому что не любил меня достаточно, – запинаясь, произнесла она. – Потому что я – не Шарлотта.

– Кто такая Шарлотта? – ласково спросил ее Дэниел.

– Моя сестра – объяснила Эмили. – Она умерла. Я всегда думала, что он винит меня. Но это не так. Здесь так написано. Он не думал, что это моя вина. Но если он ушел не потому, что винил меня в ее смерти, то почему же он ушел?

– Я не знаю, – сказал Дэниел, обнимая ее и прижимая к себе. – Я думаю, что никогда нельзя до конца понять намерения другого человека или почему они сделали то, что сделали.

– Иногда я думаю, а знала ли я его вообще? – печально сказала Эмили, прижимаясь к его груди. – Все эти секреты. Все загадки. Бальный зал, проявочная, да ради бога! Я даже не знала, что он увлекался фотографией.

– На самом деле это был я, – сказал Дэниел.

Эмили замерла, затем высвободилась из объятий.

– В смысле – это был ты?

– Проявочная, – повторил Дэниел. – Твой отец когда-то построил ее для меня.

– Правда? – спросила Эмили, вытирая слезы. – Зачем?

Дэниел вздохнул и отстранился.

– Когда я был подростком, твой отец поймал меня на участке. Я сбежал из дома и знал, что вас часто не было здесь. Я решил, что если спрячусь в сарае, никто меня не найдет. Но твой отец нашел. И вместо того, чтобы выгнать, он дал мне еду, пиво, – он посмотрел вверх и ностальгически улыбнулся. – А потом спросил меня, от чего я бегу. И я выдал ему всю подростковую историю. Ну, знаешь, о том, как мои родители не понимают меня, о том, что наши взгляды на мое будущее расходятся, и мы никогда не можем прийти к согласию. Я съезжал с катушек в то время, прогуливал уроки, попадал в неприятности с копами из-за глупостей. Но он был

спокоен. Он говорил со мной. Нет, он *слушал* меня. Никто больше этого не делал. Он интересовался, что мне нравится. Мне было стыдно признаться, что я люблю фотографировать. Какой шестнадцатилетний парень признается в этом? Но он так спокойно ко всему отнесся. И он сказал, что я могу использовать сарай как проявочную. Я так и сделал.

Эмили подумала о фотографиях, которые она нашла в сарае, черно-белых изображениях, в которых, казалось, чувствовалась усталость души фотографа. Она никогда бы не подумала, что им был ребенок, шестнадцатилетний мальчик с проблемами в семье.

– Твой отец пытался убедить меня вернуться домой, – добавил Дэниел. – Но когда я отказался, мы заключили сделку. Если я окончу школу, он разрешит мне остаться в сторожевом домике. Поэтому я приходил сюда целый год. Этот домик стал моим убежищем. Благодаря ему я окончил школу. Я ждал нашей новой встречи, чтобы сообщить ему об этом. Я боготворил его и хотел показать, чего добился и как он помог мне, как я со всем разобрался благодаря ему.

С этими словами Дэниел посмотрел на нее так пристально, что она почувствовала, как по венам течет электрический ток.

– Он не вернулся тем летом. И следующим летом. И никогда больше.

Эмили была поражена его словами. Ей никогда не приходила в голову мысль, что исчезновение ее отца могло затро-

нуть кого-то еще, но Дэниел обнажил свою душу, и оказалось, что он разделяет ее боль. Незнание того, что случилось, пустота, которую он оставил в душе – Дэниел знал, каково это.

– Поэтому ты помогаешь с участком? – тихо спросила Эмили.

Дэниел кивнул.

– Твой отец дал мне второй шанс в жизни. Он был единственным, кто сделал это для меня. Поэтому я ухаживаю за этим местом.

Они оба замолчали. Затем Эмили посмотрела на него. Из всех людей на земле Дэниел казался единственным, кого исчезновение ее отца затронуло так же, как ее. Они разделяли это чувство. И каким-то образом эта связь заставила ее почувствовать такую близость с ним, которой она никогда раньше не чувствовала.

Взгляд Дэниела бегал по ее лицу, будто он читал ее мысли. Затем он поднял руку и положил ладонь на ее щеку. Он медленно приблизился к нему, вдыхая его аромат – сосны и свежая трава, дым из углежога.

Эмили прикрыла глаза, наклоняясь к нему в предчувствии прикосновения его губ. Но ничего не случилось.

Она открыла глаза в тот момент, когда Дэниел отпустил руку.

– Что не так? – спросила Эмили.

Дэниел громко вздохнул.

– Моя мать не была хорошим человеком, но она дала мне один очень хороший совет. Никогда не целуй девушку, когда она плачет.

И с этими словами он встал и медленно зашагал вдоль кабинета. Эмили почувствовала себя опустошенной. Она тихо закрыла за ним дверь, после чего оперлась на нее и опустилась на пол, вновь дав волю слезам.

Глава одиннадцатая

На следующее утро Эмили еще была в пижаме, когда в дверь позвонили. Спеша вниз по лестнице, она вспоминала прошлую ночь. Она ужасно спала, уснув в слезах, из-за чего у нее теперь была тяжелая голова. И ей было очень стыдно за то, что она дала волю эмоциям при Дэниеле, что втянула его в это. А потом был поцелуй, который так и не случился. Она не была уверена, что сможет теперь смотреть ему в глаза.

Подойдя к двери, она открыла ее.

– Ты рано, – сказала она с улыбкой, пытаясь вести себя непринужденно.

– Ага, – сказал Дэниел, переминаясь с ноги на ногу и держа руки в карманах. – Я подумал, может, мы можем позавтракать?

– Конечно, – сказала она, жестом приглашая его в дом.

– Нет, я имею в виду в городе, – он неловко потер шею сзади.

Эмили прищурилась, пытаясь понять его слова. Наконец до нее дошло, и на ее лице появилась легкая улыбка.

– Ты имеешь в виду свидание?

– Ну, да, – смущенно ответил Дэниел.

Эмили ухмыльнулась. Она подумала, что Дэниел выглядит чрезвычайно мило, стоя на пороге с кокетливой скромностью.

– Ты ведь не приглашаешь меня только потому, что тебе неловко из-за письма? – спросила она.

У Дэниела на лице читался испуг.

– Нет! Нет, конечно. Я приглашаю тебя, потому что ты мне нравишься, и я... – он вздохнул, слова будто застряли у него в горле.

– Я шучу, – ответила Эмили. – Я с радостью пойду с тобой на свидание.

Дэниел улыбнулся и кивнул, но все еще стоял на пороге, выглядя неловко.

– Ты имеешь в виду прямо сейчас? – удивленно спросила Эмили.

– Или позже? – торопливо сказал Дэниел. – Мы можем пообедать, если тебе так больше нравится. Или в пятницу вечером?

Казалось, Дэниел забыл, как дышать.

– Дэниел, – сказала Эмили, посмеиваясь и пытаясь спасти ситуацию, – сейчас мне подходит. Я никогда не была на свидании за завтраком. Это мило.

– Я неправильно к этому подошел, не так ли? – спросил Дэниел.

Эмили покачало головой.

– Нет, – заверила она его. – Все в порядке. Но мне нужно время, чтобы прихорошиться и расчесаться.

– Ты и так выглядишь чудесно, – сказал Дэниел, тут же покраснев.

– Может, я и женщина без предрассудков, – ответила Эмили, – но я бы не хотела быть в пижаме на свидании.

Она застенчиво улыбнулась.

– Я быстро.

Она живо побежала вверх по ступенькам.

*

Ноги Эмили прилипали к материалу пластиковой кабины, в которой они находились. Она поерзала на стуле, пригладила ткань своей юбки и вспомнила, как несколько месяцев назад сидела напротив Бена в шикарном ресторане Нью-Йорка, ожидая, что он сделает предложение. Только сейчас она сидела напротив Дэниела в новой столовой в Сансет-Харбор под названием «У Джо» в неловком молчании, пока Джо ставил на их стол тарелки с завтраком.

– Итак, – сказала Эмили, улыбкой поблагодарив Джо, прежде чем перевести взгляд на Дэниела. – Вот мы и здесь.

– Ага, – ответил Дэниел, опустив взгляд на чашку. – О чем ты хочешь поговорить?

Эмили засмеялась.

– Нам нужна тема для разговора?

Дэниел выглядел растерянно.

– Я не имею в виду, что мы должны выбрать тему. Я о том, что мы должны просто разговаривать. Болтать. О разном.

– О чем-то, кроме дома? – сказала Эмили, слегка улыба-

ясь.

Дэниел закивал.

– Точно.

– Что ж, – начала Эмили, – как насчет того, чтобы ты рассказал мне, как давно играешь на гитаре?

– Очень давно, – ответил Дэниел. – С детства. Думаю, лет с одиннадцати.

Эмили привыкла к стилю общения Дэниела, к тому, что он выдавал минимум слов, вкладывая в них максимум информации. Обычно это было нормально, когда они оба разглядывали стену, пока красили ее, или просили друг друга передать гвозди. Но когда они сидели друг напротив друга за трапезой, было немного некомфортно. Теперь Эмили поняла, почему Дэниел выбрал для свидания новую дешевую столовую в Сансет-Харбор. Это было самое неформальное место в мире. Она не могла даже представить Дэниела в костюме, сидящего в одном из шикарных ресторанов, куда обычно водил ее Бен.

В этот момент к ним подошел Джо.

– Как вам завтрак? – спросил он.

– Хорошо, – ответила Эмили, вежливо улыбнувшись.

– Хотите еще кофе? – добавил Джо.

– Я не буду, – ответила она.

– Я тоже, – ответил Дэниел.

Но вместо того, чтобы понять намек и оставить их наедине, Джо так и продолжил стоять с чайником кофе в руке.

– У вас свидание? – спросил он.

Дэниел выглядел так, будто готов был сквозь землю провалиться. Эмили не смогла сдержать смехок.

– На самом деле деловая встреча, – сказала она довольно правдоподобно.

– Ох, хорошо, я вас оставляю, – сказал Джо, прежде чем переместиться с кофейным чайником к другому столику.

– Кажется, ты хочешь уйти, – сказала Эмили, обращаясь к Дэниелу.

– Это не из-за тебя, – подавленно ответил Дэниел.

– Расслабься, – засмеялась Эмили. – Я просто подтруниваю. Мне здесь тоже слегка тесно.

Оно оглянулась. Джо подкрадывался ближе.

– Может, прогуляемся?

Он улыбнулся.

– Конечно. У пристани сегодня фестиваль. Это немного банально.

– Люблю банальность, – ответила Эмили, чувствуя его смущение.

– Отлично. В общем, мы спускаем корабли на воду в одно время каждый год. Люди сделали это чем-то вроде праздника. Не знаю, может быть, ты застала это мероприятие, когда приезжала сюда?

– На самом деле нет, – сказала Эмили. – Я бы с радостью посмотрела.

Дэниел выглядел смущенным.

– У меня есть лодка, – сказал он. – Я давно ее не использовал. Наверное, она уже проржавела. И, думаю, мотор тоже вышел из строя.

– Почему ты больше ее не используешь? – спросила Эмили.

Дэниел отвел взгляд.

– Это еще одна история, которую я когда-нибудь расскажу.

Эмили почувствовала, что затронула болезную тему. Их неловкое свидание каким-то образом стало еще более неловким.

– Давай сходим на фестиваль, – сказала она.

– Правда? – спросил Дэниел. – Нам не нужно идти только ради меня.

– Но я хочу, – ответила Эмили.

И она правда хотела. Несмотря на долгое молчание и кроткие взгляды, ей нравилось находиться рядом с Дэниелом, и она не хотела, чтобы свидание заканчивалось.

– Пошли, – радостно сказала она, оставляя чаевые на столе.

– Эй, Джо, мы оставили тебе деньги, надеюсь, все в порядке, – крикнула она старику, прежде чем взять куртку со спинки стула и встать.

– Слушай, Эмили, все хорошо, – сказал Дэниел. Ты не должна идти со мной на какой-то отстойный фестиваль.

– Я хочу, – заверила его Эмили. – Правда хочу.

Она пошла к выходу, не оставляя Дэниелу другого выхода, кроме как следовать за ней.

Как только они вышли на улицу, Эмили увидела флажки и шарики с гелием вдали у пристани. Было солнечно, хотя тонкий слой облаков сделал воздух прохладным. Люди толпами шли вдоль улицы к пристани, и Эмили поняла, что к спуску кораблей здесь относятся серьезно. Они с Дэниелом пошли за толпой. По дороге оркестр марширующих музыкантов играл живую музыку. По краям улицы стояли палатки со сладкой ватой и конфетами.

– Хочешь чего-нибудь? – смеясь, спросил Дэниел. – На свиданиях так делают, правда?

– Хочу, – ответила Эмили.

Она засмеялась вслух, наблюдая, как Дэниел пробирается сквозь толпу к палатке со сладкой ватой, окруженной детьми, покупает огромную голубую, блестящую сладкую вату для нее и осторожно несет ее обратно через толпу. Затем он торжественно вручил ее Эмили.

– С чем она? – засмеялась Эмили, разглядывая флуоресцентный цвет. – Я не думала, что ты бывает блестящий голубой вкус.

– Думаю, это виноград, – сказал Дэниел.

– Блестящий виноград, – добавила Эмили.

Она оторвала кусочек сладкой ваты, которой в последний раз лакомилась около тридцати лет назад. Положив пушистый комочек лакомства в рот, она обнаружила, что вата на-

много слаще, чем она ожидала.

– Ах, аж зубы болят! – воскликнула она. – Твоя очередь.

Дэниел взял кусочек пушистого синего лакомства и, поместив его в рот, сразу же скривился с отвращением.

– О боже. Люди кормят этим детей? – сказал он.

– У тебя рот синий! – воскликнула Эмили.

– У тебя тоже, – ответил Дэниел.

Эмили засмеялась и взяла его под руку, пока они неспешно приближались к воде в такт музыке оркестра. Когда они наблюдали, как лодки одна за другой спускали на воду, Эмили склонила голову на плечо Дэниелу. Она чувствовала веселье местных жителей и вспомнила, за что она так любила это место. Куда ни глянь, всюду были веселые лица, вокруг бегали беззаботные и счастливые дети. Однажды она была такой же, как они, пока темные события не изменили ее жизнь навсегда.

– Прости, это глупо, – сказал Дэниел. – Мне не стоило приводить тебя сюда. Мы можем уйти, если хочешь.

– Почему ты думаешь, что я хочу уйти? – ответила Эмили.

– Ты выглядишь грустной, – сказал Дэниел, опуская руки в карманы.

– Мне не грустно, – задумчиво ответила Эмили. – Я просто думаю о жизни. О прошлом.

Ее голос притих:

– И об отце.

Дэниел кивнул и перевел взгляд обратно на воду.

– Ты нашла то, что искала? Ответы на свои вопросы?

– Я даже не знаю, на какие вопросы я искала ответ, когда приехала сюда, – ответила Эмили, не глядя на него. – Но я чувствую, что письмо отчасти ответило на них.

Повисла долгая пауза, прежде чем Дэниел заговорил снова.

– Это значит, что ты уедешь?

Он выглядел серьёзным. Впервые Эмили показалось, что она прочла что-то в его глазах. Тоска. Тоска по ней?

– Я и не планировала оставаться, – тихо сказала она.

Дэниел отвел взгляд.

– Я знаю. Но я думал, ты могла передумать.

– Дело не в этом, – ответила Эмили. – Дело в том, что я не могу себе этого позволить. Я уже три месяца живу на свои сбережения. И если Тревор Манн сделает то, что обещал, мне придется потратить все, что у меня есть, на судебные издержки и оплату налоговой задолженности.

– Я этого не позволю, – сказал Дэниел.

Она замерла, изучая его лицо.

– Почему это так важно для тебя?

– Потому что у меня нет законного права находиться там, как и у тебя, – сказал Дэниел, удивленно глядя на нее, будто не мог поверить, что она об этом не думала. – Если ты уедешь, мне тоже придется уйти.

– Ох, – с грустью ответила Эмили. Ей не приходило в голову, что потеря дома будет переворотом не только для нее, что

Дэниелу тоже придется уйти. Она надеялась, что для него так важен дом из-за нее, но, возможно, она неправильно поняла ситуацию. Ей стало интересно, есть ли Дэниелу, куда податься.

Вдруг Эмили увидела в толпе мэра. Ее глаза расширились с озорством. Она развернулась и нырнула в толпу.

– Эмили, ты куда? – раздраженно спросил Дэниел, глядя ей вслед.

– Пошли! – прокричала она, подзывая его.

Эмили протискивалась через группы людей, когда мэр вошел в магазин. Колокольчик над дверью зазвонил, когда Эмили вошла следом за ним, и затем еще раз, когда вошел Дэниел. Мэр обернулся и поприветствовал их.

– Здравствуйте! – радостно сказала она, когда мэр обернулся. – Помните меня? Эмили Митчелл. Эмили Джейн.

– О, да-да, – ответил мэр. – Как вам фестиваль?

– Отлично, – ответила Эмили. – Рада, что смогла его застать.

Мэр улыбнулся ей так, будто давал понять, что спешит и хочет скорее вернуться к своим делам. Но Эмили не собиралась отступать.

– Я хотела с вами поговорить, – сказала она. – Может быть, вы сможете мне помочь.

– С чем, дорогая? – ответил мэр, не глядя на нее, доставая мешок муки с полки рядом с ней.

Она протиснулась и встала напротив него.

– Тревор Манн.

– Да? – сказал он, взглянув на Карен, стоящую за прилавком, а затем снова на Эмили. – Что он задумал теперь?

– Он хочет купить мою землю. Говорит, есть какая-то лазейка в законе о собственности и мне нужен акт приемки в эксплуатацию.

– Что ж, – сказал мэр, выглядя слегка взволнованно, – ты знаешь, все зависит от местных жителей. Это все, что имеет значение. Они голосуют по таким вопросам, а ты не сильно стараешься завести друзей.

Первым желанием Эмили было опровергнуть его заявление, но она поняла, что он прав. Единственным человеком, кроме Дэниела, дружелюбно расположенным к ней, был Рико, и то он не мог вспомнить ее имя через неделю. Тревор, Карен, мэр – ни у кого из них не было причин тепло относиться к ней.

– Я не могу просто выехать на том, что я дочь Роя Митчелла? – спросила она, робко улыбаясь.

Мэр засмеялся.

– Кажется, ты уже сожгла этот мост, не так ли? А сейчас, если ты не против, мне нужно сделать покупки.

– Конечно, – сказала Эмили, отходя с пути мэра.

– Карен, – добавила она, приветливо кивнув женщине за прилавком, а затем взяла Дэниела за руку и вывела его из магазина.

– Что это было? – прошипел он ей в ухо, когда они выхо-

дили из магазина под звук колокольчика.

Она отпустила его руку.

– Дэниел, я не хочу уезжать. Я влюбилась. В этот город, – спешно добавила она, увидев проблеск паники в его глазах. – Помнишь, ты спросил меня, нашла ли я ответы, которые искала? Что ж, знаешь что? Я не нашла. Письмо моего отца на самом деле ничего не прояснило. Этот дом еще полон открытий.

– Хорошо, – сказал Дэниел, растягивая слово, будто не до конца понимал, к чему она клонит. – Но как насчет финансовой ситуации? И Тревора Манна? Кажется, ты говорила, что не от тебя зависит, уедешь ты или останешься.

Эмили широко улыбнулась и подняла брови.

– Кажется, у меня есть идея.

Глава двенадцатая

Следующим утром Эмили проснулась пораньше и направилась напрямиком в город, планируя завоевать симпатию жителей Сансет-Харбор. Мотивом, конечно же, было ее желание заручиться их голосами для получения разрешения, однако затем она поняла, что хочет подружиться с ними в любом случае. Разрешение было важно, но, независимо от того, получит она его или нет, еще более важным для нее было исправить ошибки. Она наконец поняла, какой холодной и недружелюбной была по отношению ко всем, и чувствовала себя ужасно. Это была не она. Проголосуют они за нее или нет, станут ли ей друзьями, но она чувствовала, что должна все исправить. Пришло время оставить Эмили из Нью-Йорка позади и стать дружелюбной девушкой из небольшого городка, которой она была в детстве.

Нужно было начать с Карен из магазина, и она направилась напрямиком туда к моменту, когда Карен только открывала магазин, чтобы начать новый день.

– Ох, – сказала Карен, видя, как приближается Эмили. – Можешь дать мне пять минут на организацию?

Ее тон не был недружелюбным, но Карен была из тех людей, который относятся к другим чрезмерно по-дружески, поэтому равнодушное приветствие значило, что Эмили ей не нравится.

– На самом деле я здесь не за покупками, – сказала Эмили. – Я хотела поговорить с вами.

Карен застыла, не поворачивая ключ в замке.

– О чем?

Она открыла дверь, и Эмили вошла за ней. Карен сразу же принялась открывать жалюзи и сновать туда-сюда, включая свет, вывески и подключая кассу.

– Ну, – сказала Эмили, следуя за ней по магазину и чувствуя, что отрабатывает прощение, – я хотела перед вами извиниться. Думаю, наше знакомство началось неправильно.

– Мы уже три месяца продолжаем неправильно, – ответила Карен, быстро завязывая зеленый рабочий фартук на своей внушительной талии.

– Знаю, – ответила Эмили. – Я была не очень дружелюбной, когда пришла сюда в первый раз, поскольку только что пережила расставание и уволилась с работы. У меня было что-то вроде темных времен. Но сейчас все хорошо, и я знаю, что вы – важный член этого сообщества, поэтому мы можем начать сначала?

Карен обошла прилавков и посмотрела на Эмили, а затем наконец сказала:

– Можно попробовать.

– Отлично, – радостно сказала Эмили. – В таком случае, это вам.

Карен прищурилась и настороженно посмотрела на маленький конверт в руках Эмили.

– Что это?

– Приглашение. Я устраиваю званый ужин в доме. Я подумала, местным жителям, возможно, будет интересно посмотреть, как я его отреставрировала. Я что-нибудь приготовлю, сделаю коктейли, будет весело.

Карен выглядела ошеломленно, но все же взяла приглашение.

– Вам не обязательно принимать его сразу же, – сказала Эмили. – До свидания.

Она вышла из магазина и направилась вдоль улиц к следующему месту назначения, понимая, как сильно полюбила этот город. Он был по-настоящему прекрасен с его милой архитектурой, горшочками с цветами и деревьями, насаженными вдоль улочек. Флажки после фестиваля еще не успели убрать, что придавало городу вид постоянного праздника.

Следующей остановкой Эмили была газовая заправка. До этого момента она избегала этого места, убеждая себя, что у нее просто не было необходимости сюда заглядывать, но на самом деле она просто не хотела встречаться с человеком, который подвез ее, когда она приехала в Сансет-Харбор. С ним она обошлась грубее всего, но если она хотела наладить отношения с жителями Сансет-Харбор, его нужно было включить в список гостей. Поскольку он владел единственной заправкой в городе, его знал каждый. Если ей удастся наладить с ним хорошие отношения, может быть, остальные тоже потянутся к ней.

– Здравствуйте, – неуверенно произнесла она, открыв дверь в магазин и заглядывая внутрь. – Берк, верно?

– А, – сказал мужчина, – а это ли не загадочная незнакомка, появившаяся в бурю и исчезнувшая навсегда?

– Это я, – сказала Эмили, отметив, что на нем была та же пара грязных джинсов, что и в первый день их встречи. – На самом деле я была здесь все это время.

– Правда? – спросил Берк. – Я думал, вы уехали еще несколько месяцев назад? Вы провели всю зиму в том холодном старом доме?

– Да, – сказала Эмили. – Но он больше не холодный. Я делаю там ремонт.

В ее голосе послышалась нотка гордости.

– Что ж, кто бы мог подумать, – сказал мужчина.

– Только вы бы подождали, прежде чем затевать масштабный ремонт. Вы слышали, что на сегодня передают бурю? Самую сильную в Мэне за последние сто лет.

– О нет, – сказала Эмили.

Она не думала, что что-либо может испортить ее жизнерадостное настроение, но судьба, казалось, всегда преподносила что-то, что заставляло ее вернуться в реальность.

– Я хотела извиниться за то, что была груба с вами в день нашего знакомства. Кажется, я так и не поблагодарила вас, как следует, за то, что вы помогли мне в такой тяжелой ситуации. Я была все еще в нью-йоркском настроении, хотя это меня не оправдывает. Надеюсь, вы сможете меня простить.

– Не стоит, – сказал Берк. – Я сделал это не ради благодарности. Я сделал это потому, что вам нужна была помощь.

– Знаю, – ответила Эмили. – Но, пожалуйста, все равно примите мою благодарность.

Берк кивнул. Он казался гордым человеком, которому сложно принять благодарность.

– Так вы планируете остаться надолго?

– Денег хватит еще на три месяца, – сказала Эмили. – Хотя Тревор Манн из комиссии по районированию изо всех сил старается добиться моего выселения, чтобы получить мою землю.

При упоминании его имени Берк закатил глаза.

– Не волнуйтесь о Треворе Манне. Последние тридцать лет он каждый год баллотируется в мэры, но никто за него не голосует. Между нами, я думаю, у него комплекс Наполеона.

Эмили засмеялась.

– Спасибо, от этого намного легче, – она полезла в сумку и достала приглашение на вечеринку. – Берк, я устраиваю званый ужин в доме для жителей города. Может быть, вы с женой захотите прийти?

Она протянула ему конверт. Берк посмотрел на него, слегка сбитый с толку. Эмили стало интересно, когда в последний раз мужчину приглашали на званый ужин и приглашали ли вообще.

– Очень мило с вашей стороны, – сказал Берк, беря письмо и складывая его в большой карман джинсов. – Думаю, я

зайду. Мы здесь любим праздники. Ты могла заметить развешенные флажки.

– Да, я заметила, – ответила Эмили. – Я наблюдала за шоу с пристани. Оно было чудесным.

– Вы были там? – спросил Берк, выглядя еще более ошеломленно, чем ранее.

– Ага, – улыбнулась Эмили. – Слушайте, вы не могли бы сделать мне одолжение? Мне нужно поспешить домой, чтобы купить защиту от бури до вечера, но мне все еще нужно разнести много приглашений. Вы не могли бы раздать их клиентам, когда они придут за бензином?

Ей неудобно было просить о таком большом одолжении, но надвигающаяся буря нарушила ее планы по вручению приглашений. Времени вручить их лично каждому, кого она хотела видеть на вечеринке, не было. Но если она не попадет домой и не подготовит дом к буре, вечеринку для местных жителей будет просто негде проводить!

Берк засмеялся во весь голос. Если его и не приглашали на званые ужины уже много лет, он наверняка участвовал в их организации ранее.

– Что ж, давай посмотрим? Кто в твоем списке приглашенных.

Эмили передала ему конверты, и он начал их пересматривать.

– Доктор Патель, да, она заедет после смены. Синтия из книжного магазина, Чарльз и Барбара Бредшоу, да-да, все

они рано или поздно явятся, – он поднял глаза и улыбнулся. – Я раздам их за тебя.

– Большое спасибо, Берк, – сказала Эмили. – За мной должок. До встречи!

Берк помахал ей на прощание, а затем издал смешок, посмотрев на милые приглашения на вечеринку, которые она доверила ему.

– О, Эмили, почему бы тебе не разместить приглашение на доске объявлений? Большинство местных жителей регулярно их рассматривают. И так ты соберешь больше гостей, потому что в твоих приглашениях лишь небольшая часть местных. Если, конечно, ты хочешь больше гостей.

– Хочу! – воскликнула Эмили. – Я хочу наладить дружеские отношения с как можно большим количеством людей. Я чувствую, что мало общалась с вами, и действительно хочу узнать вас всех поближе, обзавестись друзьями.

Берк выглядел растроганным, хотя изо всех сил старался скрыть эмоции.

– Ну, ремонт этого старого дома явно в этом поможет. Всем будет интересно посмотреть на отреставрированный дом.

– Хорошо. Я размещу листовку на доске для объявлений, если вы думаете, что это поможет. Спасибо, Берк.

Эмили была благодарна ему за помощь. Точно так же, как и в ту ночь, когда он подвез ее в снегопад несколько месяцев назад, он готов был протянуть руку помощи. Она улыбнулась

про себя, с нетерпением ожидая, чтобы узнать его получше.

– Чувствуйте себя, как дома, слышите? – добавил Берк, когда она была уже в дверях.

– Хорошо, – ответила Эмили, прежде чем закрыть дверь.

Она поспешила к городской доске объявлений, взяла ручку и лист бумаги, от руки сделала флаер с приглашением на вечеринку и прикрепила его среди других объявлений. Она лишь надеялась, что те, кто собирается прийти, ответят на приглашение, чтобы она хотя бы знала, на какое количество гостей готовить.

После этого Эмили запрыгнула в машину и направилась домой, чтобы предупредить Дэниела о надвигающейся буре и подготовить дом к ней.

Дэниел был в бальном зале, который теперь обрел совсем другой вид. Свет, проливающийся сквозь витражные окна, отражался на стенах, которые выглядели еще прекраснее, если это вообще возможно, вместе с хрустальной люстрой, которую они отмыли и подвесили под потолок. Дорога в бальный зал создавала ощущение погружения в глубокое синее море, в сказку.

– Я только что услышала в городе, что надвигается сильная буря, – сказала Эмили Дэниелу.

Он прервался.

– Насколько сильная?

– Что ты имеешь в виду? – раздраженно спросила Эмили.

– Я имею в виду, настолько сильная, что нужно задраить

люки?

– Думаю, да, – сказала она.

– Хорошо. Нужно заколотить окна.

Эмили находила странным опять заколачивать окна фанерой после того, как три месяца назад они вместе снимали ее. С тех пор между ними многое изменилось. Совместная работа над домом создала между ними связь. Их обоюдная любовь к дому сблизила их. Это, а также боль, которую они оба чувствовали после исчезновения отца Эмили.

Как только дом был готов и первые капли дождя начали покрывать асфальт пятнами, Эмили заметила, что Дэниел все время выглядывает через отверстие в фанере.

– Ты же не собираешься вернуться в сторожевой домик, правда? – спросила она. – Потому что этот дом намного прочнее. В свое время он пережил не одну бурю, не то, что твой хрупкий маленький сторожевой домик.

– Мой сторожевой домик не хрупкий, – возразил Дэниел, ухмыляясь.

В этот момент небеса разверзлись и дождь стеной стал бить по дому. Звук был впечатляющим и напоминал барабанный бой.

– Ничего себе, – сказала Эмили, подняв брови. – Никогда раньше не слышала ничего подобного.

Шум дождя сопровождался внезапными порывами завывающего ветра. Дэниел еще раз выглянул через отверстие, и Эмили вдруг поняла, что он смотрит на сарай.

– Ты переживаешь за проявочную? – спросила она.

– Ага, – вздохнув, ответил Дэниел. – Забавно. Я не был там уже много лет, но мне становится грустно от мысли о том, что буря разрушит ее.

Вдруг Эмили вспомнила о бродячей собаке, которую встретила там.

– О боже! – воскликнула она.

Дэниел встревожено посмотрел на нее.

– В чем дело?

– Там, в сарае, живет бродячий пес. Мы не можем оставить его там в бурю! А вдруг сарай завалится и раздавит его? – Эмили запаниковала от этой мысли.

– Все в порядке, – сказал Дэниел. – Я приведу его, а ты оставайся здесь.

– Нет, – сказала Эмили, схватив его за руку. – Тебе не стоит ходить туда.

– Ты хочешь оставить там собаку?

Эмили не знала, что делать. Она не хотела подвергать Дэниела опасности, но в то же время не могла оставить беззащитное животное в бурю.

– Давай приведем собаку, – ответила Эмили. – Только я пойду с тобой.

Эмили нашла несколько дождевиков и сапоги, и среди них было две пары по размеру. Когда Эмили открыла входную дверь, небо пронзила вспышка молнии. Она ахнула от ее мощи, а затем услышала громкий раскат грома.

– Кажется, гроза прямо над нами, – крикнула она Дэниелу, но ее голос заглушил грохочущий гром.

– Тогда мы выбрали самый удачный момент, чтобы выйти, – саркастически ответил он.

Они пробирались через газон, втоптывая аккуратно постриженную траву в грязь. Эмили знала, как Дэниел заботится о дворе, и понимала, что ему, должно быть, больно от того, что он разрушает его с каждым своим тяжелым шагом.

Дождь, бьющий в лицо Эмили и вызывающий жгучую боль, внезапно пробудил память, которая поразила ее сильнее, чем завывающий вокруг ветер. Она вспомнила, как совсем маленькой вышла с Шарлоттой на улицу в грозу. Отец предупредил их, чтобы они не отходили далеко от дома, но Эмили убедила младшую сестру пойти чуть дальше. Затем началась гроза, и они потерялись. Они обе были напуганы и плакали, всхлипывая, когда ветер пронизывал их маленькие тела. Они вцепились друг в друга, крепко взявшись за руки, но от дождя ладошки были скользкими, и в какой-то момент рука Шарлотты выскользнула из руки Эмили.

Эмили застыла от воспоминания о Шарлотте, возникшего у нее в голове. Она чувствовала, будто снова там, вновь переживая этот момент, когда она была испуганной семилетней девочкой, вспоминая жуткое выражение лица их отца, когда она сказала ему, что Шарлотта потерялась, что она потеряла ее в грозу.

– Эмили! – закричал Дэниел, но его голос практически

полностью заглушался ветром. – Пошли!

Она переключила внимание на ситуацию и последовала за Дэниелом.

Наконец они добрались до сарая, чувствуя, будто пробрались сквозь огромную болотистую дикую местность, чтобы добраться туда. Крышу уже снесло силой ветра, и Эмили понимала, что сарай долго не простоит.

Она показала Дэниелу дыру, и они вместе протиснулись внутрь. Дождь продолжил бить по ним сквозь дырку в крыше, и Эмили огляделась и увидела, что сарай заполняется водой.

– Где ты видела собаку? – крикнул Дэниел Эмили.

Несмотря на то, что на нем был дождевик, он выглядел промокшим до ниточки, а его волосы прилипли к лицу.

– Она была здесь, – сказала она, направляясь в темный угол сарая, где она видела собаку, когда уходила.

Но когда они добрались до места, где Эмили надеялась найти собаку, их ждал сюрприз.

– О боже! – воскликнула она. – Щеночки!

Глаза Дэниела удивленно расширились, когда он увидел розовых, голых, извивающихся щенков. Они были новорожденными, возможно, им и дня не было.

– Что мы будем с ними делать? – спросил Дэниел, вытаращив глаза.

– Положим в карманы? – ответила Эмили.

Там было пятеро щенков. Они разложили по одному в

каждый карман, а затем Эмили взяла самого маленького на руки. Дэниел позаботился о маме-собаке, которая пыталась ухватить их зубами, явно недовольная, что они потревожили ее щенков.

Стены сарая дрожали, пока они выбирались через дырку в стене с пищащими щенками в карманах.

Когда они выходили из сарая, Эмили видела, как дождь разрушает его изнутри, и поняла, что он не выдержит бурю, как и коробки с фотоальбомами ее отца, фотографии, сделанные Дэниелом в подростковом возрасте, старое оборудование, которое могло быть ценным для коллекционеров. От этой мысли ее сердце сжалось. Хотя она забрала одну из коробок в дом, в сарае оставались еще три, набитые фотоальбомами отца. Она не могла смириться с утратой этих бесценных воспоминаний.

Вопреки здравому смыслу, Эмили рванула к месту, где лежали коробки. Она знала, что в них лежат и фотографии Дэниела, и фотографии ее отца, и та, что лежала сверху, была наполнена фотоальбомами ее отца. Она поместила щенка на верхнюю коробку и взяла ее в руки.

– Эмили, – крикнул Дэниел. – Что ты делаешь? Нужно выбираться, пока все не обвалилось.

– Иду, – крикнула она в ответ. – Просто не хочу их оставлять.

Она попыталась взять еще одну коробку, втискивая ее перед первой и придерживая их подбородком, но они были

очень тяжелыми и объемными. Она никак не могла спасти все коробки с фотографиями.

Дэниел подошел к ней. Положив маму-собаку на пол, он сделал для нее поводок из веревки. Затем он взял две коробки с семейными фотографиями Эмили. Теперь у них были все три коробки с фотографиями ее отца, но не было ни одной с фотографиями Дэниела.

– А как же твои? – воскликнула Эмили.

– Твои важнее, – твердо ответил Дэниел.

– Только для меня, – ответила Эмили. – Как насчет...

Прежде чем она смогла договорить, сарай издал жуткий треск.

– Идем, – сказал Дэниел. – Нужно идти.

Он не дал Эмили шанса поспорить, сразу же ринувшись к выходу с бесценными фотографиями ее семьи в руках, которые он спас, пожертвовав своими. Эта жертва тронула Эмили, и она не понимала, почему он поставил ее интересы выше собственных. Когда они выбирались через дырку в сарае, капли дождя неистово били по ним. Эмили с трудом могла двигаться из-за сильного ветра. Она боролась с ним, медленно пробираясь по газону.

Внезапно сзади послышался громкий треск. Эмили вскрикнула от неожиданности и, обернувшись, увидела, что огромный дуб, который рос рядом с домом, упал прямо на сарай. Упав он минутой ранее, они оба пострадали бы.

– Это было близко, – закричал Дэниел. – Нам лучше по-

скорей возвращаться в дом.

Они прошли по газону к задней двери. Когда Эмили открыла ее, ветер сорвал ее с петель и понес по двору.

– Быстро в гостиную, – сказала Эмили, закрывая дверь между кухней и гостиной.

Она насквозь промокла и оставляла за собой огромные мокрые пятна на полу. Они зашли в гостиную и положили собаку с щенками на ковер у камина.

– Можешь разжечь камин? – попросила Эмили Дэниела. – Они, должно быть, замерзли.

Она потеряла руки, чтобы согреться.

– По крайней мере, я замерзла.

Без единого возражения Дэниел приступил к работе. Через пару минут комнату освещал яркий огонь.

Эмили помогла щенкам найти маму. Они принялись сосать молоко, чувствуя себя более расслабленно в новой обстановке. Но один щенок не кушал.

– Кажется, этот болен, – встревожено сказала Эмили.

– Это самый маленький, – сказал Дэниел. – Скорее всего, он не дотянет до утра.

У Эмили от этой мысли проступили слезы на глазах.

– Что мы будем со всеми ними делать? – спросила она.

– Я отстрою для них сарай.

Эмили засмеялась.

– У тебя никогда не было питомца, правда?

– Как ты догадалась? – живо ответил Дэниел.

Вдруг Эмили заметила кровь на рубашке Дэниела. Она капала с раны на его лбу.

– Дэниел, у тебя кровь! – воскликнула она.

Дэниел потрогал лоб и посмотрел на окровавленные пальцы.

– Наверное, порезался об одну из веток. Ничего страшного, рана неглубокая.

– Давай закроем чем-то, чтобы инфекция не попала.

Эмили пошла на кухню в поисках аптечки. Из-за ветра, врывающегося сквозь проем, где стояла задняя дверь, передвигаться по кухне было гораздо сложнее, чем она думала. Ветер носился по комнате, подхватывая все, что не было привинчено к полу. Эмили старалась не думать о разрушениях и о том, во сколько обойдется ремонт.

Наконец она нашла аптечку и вернулась в гостиную.

Мама-собака перестала крутиться, и все щенки кушали, кроме самого маленького. Дэниел держал его в руках, пытаясь уговорить его поесть. Эта картина растрогала Эмили. Дэниел продолжал удивлять ее, начиная с его умения готовить, отличного вкуса в музыке, его талантливой игры на гитаре, его умения обращаться с молотком и заканчивая его трепетной заботой о беспомощном создании.

– Безуспешно? – спросила Эмили.

Он покачал головой.

– Кажется, у этой крохи плохи дела.

– Мы должны дать ему имя, – сказала Эмили. – Он не

должен умереть без имени.

– Мы не знаем, мальчик это или девочка.

– Тогда нужно назвать его как-то нейтрально.

– Как, например? Алекс? – сказал Дэниел, морща лоб в растерянности.

Эмили засмеялась.

– Нет, я имела в виду что-то наподобие Рейн.

Дэниел пожал плечами.

– Рейн. Сойдет, – он положил Рейн к остальным щенкам.

Они все карабкались ближе к маме, а самого маленького постоянно отталкивали. – Как насчет остальных?

– Что ж, – сказала Эмили. – Как насчет Бури, Тучи, Ветра и Грома?

Дэниел широко улыбнулся.

– Очень в тему. А мама?

– Почему бы тебе не выбрать ей имя? – сказала Эмили.

Она и так уже назвала щенков.

Дэниел погладил собаку по голове, и та издала довольный звук.

– Как насчет Могси?

Эмили взорвалась смехом.

– Не очень в тему.

Дэниел пожал плечами.

– Я же выбираю, правильно? Я выбираю Могси.

Эмили ухмыльнулась.

– Конечно. Это твой выбор. Значит, Могси. А теперь дай

я осматриваю рану.

Она села на диван, нежно повернув к себе голову Дэниела своей ладонью. Убрала волосы с брови, она продезинфицировала рану на лбу. Он был прав – порез был неглубоким, но сильно кровоточил. Эмили понадобилось несколько пластырей, чтобы соединить края раны.

– Если повезет, – сказала она, приклеивая еще один пластырь, – у тебя останется крутой шрам.

Дэниел ухмыльнулся.

– Отлично. Девушкам ведь нравятся шрамы, верно?

Эмили засмеялась и приклеила последний кусочек пластыря. Но она не спешила убирать руку с его лица. Смахнув прядь волос, падающую ему на глаза, она провела пальцами по контуру его лица, опустившись к губам.

Дэниел посмотрел ей прямо в глаза. Он потянулся к ее руке и прижался губами к ладони.

Затем он обхватил ее за талию, пересадив с дивана к себе на руки. Их промокшая одежда соприкасалась, когда он прижался своими губами к ее. Она гладила его руками по всему телу, ощущая каждый изгиб. Пламя между ними разгорелось, когда они стягивали друг с друга мокрую одежду, затем соприкоснулись телами, двигаясь в гармоничном ритме, поглощенные друг другом, совершенно забыв о бушевавшей снаружи буре.

Глава тринадцатая

Эмили проснулась в объятиях Дэниела. Солнце ярко светило, будто никакой бури и не было. Но Эмили знала, что она была и принесла масштабные разрушения.

Она высвободилась из крепких объятий Дэниела и, натянув тонкое платье на бретельках, спустилась на первый этаж, чтобы оценить разрушения.

В гостиной Могси, по всей видимости, испугалась бури. Одна из подушек была разодрана, а наполнитель был разбросан по комнате. На ковре также были большие пятна от разбросанной грязной и мокрой одежды Дэниела и Эмили. Она улыбнулась про себя, вспомнив, как они стягивали ее друг с друга.

«Что ж, если запятнанный ковер и пожжеванная подушка – единственные вещи, которые пострадали, все не так уж плохо», – подумала она.

Наибольшим сюрпризом для Эмили стало то, что Рейн, самый маленький щенок, пережил ночь и радостно кушал. Но это также означало, что теперь ей придется заботиться о собаке и пятерых щенках. Она не представляла, что будет делать с ними, но решила разобраться с этим позже, после того, как приготовит остатки курицы для Могси, которая, должно быть, проголодалась. И после того, как разберется с домом.

Эмили услышала, как Дэниел ворочается наверху, пока

она продолжала обходить дом. Проходя мимо столовой в бальный зал, она услышала позади шаги Дэниела.

– Насколько все плохо? – спросил он.

Хотя он никогда прямо не говорил этого, Эмили знала, что бальный зал был его любимой комнатой в доме. Она была самой большой, самой волшебной, и именно она объединила их, именно здесь все началось. Если бы не бальный зал, прошлой ночи могло бы не быть. Мысль о том, что с ним что-нибудь могло случиться, ужасала их обоих.

Эмили робко заглянула внутрь. Дэниел стоял сзади.

– Кажется, все в порядке, – сказала Эмили.

Но затем она заметила что-то блестящее на полу и побежала туда. Ее подозрения оправдались, когда она подняла осколок стекла.

– О нет, – воскликнула она. – Только не витражное стекло! Пожалуйста, только не витражное стекло!

Вместе с Дэниелом они сняли фанеру со старинных окон. На пол посыпалось еще больше осколков.

– Не могу поверить, – взывала Эмили, понимая, что замена обойдется ей слишком дорого, да и заменить его вряд ли получится.

– Я знаю кое-кого, кто может помочь, – сказал Дэниел, пытаясь подбодрить ее.

– Бесплатно? – угрюмо и безнадежно спросила она.

Дэниел пожал плечами.

– Кто знает? Он может сделать это просто из любви к до-

му.

Эмили понимала, что он пытается утешить ее, но она готова была расплакаться.

– Это нелегкая работа, – сказала она.

– Но люди здесь хорошие, – сказал Дэниел, обнимая ее за плечи. – Идем, сейчас мы все равно не сможем ничего сделать. Давай я приготовлю тебе завтрак.

Он провел ее в кухню, приобнимая за плечи, но кухня тоже оказалась в плачевном состоянии. Дэниел и Эмили собрали разбросанные вещи, затем Эмили поставила кофе вариться, радуясь, что хотя бы кофейный чайник не постигла та же участь, что и тостер, который упал на пол и разбился.

– Как насчет вафель? – спросил Дэниел.

– Я не против, – ответила Эмили, усаживаясь за стол. – Но у меня нет вафельницы, так ведь?

– Ну, технически есть, – ответил Дэниел и, увидев нахмурившееся лицо Эмили, потрудился объяснить. – Серена зарезервировала ее на гаражной распродаже. Сказала, что вернется и расплатится в следующий раз. Не знаю, шутила она или нет, но она так и не вернулась, поэтому, думаю, эта вафельница не так уж и нужна ей.

Он подошел к Эмили и налил ей чашечку горячего черного кофе.

– Спасибо, – сказала Эмили, смущаясь от заботы, с которой Дэниел готовил ей завтрак.

Отпив кофе и наблюдая за Дэниелом, который готовил

завтрак с ложкой в руке, она чувствовала, будто переродилась. Не только дом изменился ночью, но и она сама. Воспоминания о том, как они занимались любовью, были слегка туманны, но она помнила чувство удовольствия, которое разлилось по телу. Она будто на мгновение покинула свое тело. От одной мысли об этом Эмили заерзала на стуле.

Оставив вафли готовиться, Дэниел сел напротив нее и сделал глоток кофе.

– Кажется, я еще не сказал «доброе утро», – сказал он.

Он потянулся через стол и взял ее лицо в свои ладони. Но прежде чем он смог поцеловать ее, раздался резкий писк, испортивший момент.

Эмили и Дэниел резко отстранились.

– Что это? – воскликнула Эмили, закрывая уши.

– Сигнализация! – выкрикнул Дэниел, оглядываясь на вафельницу, от которой исходили клубы черного дыма.

Эмили вскочила со стула, когда искры полетели в ее сторону. Дэниел быстро принял меры, схватив полотенце, чтобы потушить огонь.

Кухня была вся в дыму, и Дэниел с Эмили закашлялись.

– Думаю, Серена уже не вернется за вафельницей, – сказала Эмили.

*

Позавтракав, они принялись за ремонт дома. Дэниел под-

нялся на крышу, чтобы проверить ее состояние.

– И как? – с надеждой спросила Эмили, когда он спустился с чердака.

– Кажется, все в порядке, – сказал Дэниел. – Она немного пострадала. Сложно сказать. Мы не узнаем, насколько все плохо, до следующей бури. А тогда, к сожалению, мы, возможно, прочувствуем это.

Он вздохнул.

– Если в ближайшем будущем не предвидится еще одной бури, я думаю, все будет в порядке.

– Будем надеяться, – ответила Эмили тоненьким голоском.

– Что не так? – спросил Дэниел, заметив ее подавленное настроение.

– Просто это слегка угнетает, – сказала Эмили. – Ходить по дому, исследуя, что сломано или повреждено. Почему бы вместо этого не поработать во дворе. По крайней мере, там солнечно.

День был чудесным. Казалось, буря прогнала весну, пробудив лето.

– У меня есть идея, – сказал Дэниел. – Я не показывал тебе свой розовый сад?

– Нет, – ответила Эмили. – Я бы с радостью посмотрела.

– Идем.

Он взял ее за руку и повел через двор, затем по узкой улочке в сторону океана. Когда они шли по мощеному скло-

ну, Эмили услышала шум океана. От вида перехватывало дух.

Впереди виднелись заросли, и, казалось, прохода нет. Но Дэниел повел ее прямо, убрав огромную ветку с пути.

– Место немного скрыто от глаз. Осторожно, не зацепись одеждой.

Эмили охватило любопытство, и она последовала за Дэниелом через открытый им проход. Когда она увидела, что скрывалось за ним, у нее перехватило дыхание. Розы всех возможных цветов были просто повсюду. Красные, желтые, розовые, белые и даже черные. Если бальный зал с витражными окнами, создающими невероятное освещение, был впечатляющим, то этот вид волновал еще сильнее.

Эмили покружилась, чувствуя себя более свободной и живой, чем когда-либо в своей жизни.

– Он пережил бурю, – сказал Дэниел, пробираясь сквозь листву позади нее. – Я не был уверен, что переживет.

Эмили обернулась и обняла его, откинув голову и позволив взъерошенным волосам упасть на спину.

– Он потрясающий. Почему ты прятал его от меня?

Дэниел крепко ее обнял, вдыхая ее запах, смешанный с резким ароматом роз.

– Я вожу сюда не всех девушек, с которыми встречаюсь.

Эмили слегка отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза.

– А мы встречаемся?

Дэниел поднял бровь и улыбнулся.

– Ты мне скажи, – сказал он с намеком.

Эмили встала на цыпочки и нежно поцеловала его в губы.

– Такой ответ годится? – мечтательно произнесла она.

Она высвободилась из его объятий и принялась более тщательно рассматривать сад. Цвета были потрясающими.

– Как долго он здесь? – восхищенно спросила она.

– Ну, – сказал Дэниел, опустившись на землю на небольшой полянке, – я посадил их, когда вернулся из Теннесси. Садоводство и фотография. В молодости я увлекался не мужскими занятиями, – добавил он, смеясь.

– Зато теперь ты настоящий мужчина, – ответила Эмили с улыбкой.

Она подошла к Дэниелу, расслабленно растянувшись на земле, словно кот, в тени листьев. Эмили легла рядом, положив голову ему на плечо, и почувствовала сонливость, будто она могла уснуть прямо здесь.

– Когда ты был в Теннесси? – спросила она.

– Это неприятная часть моей жизни, – сказал Дэниел тоном, по которому было понятно, что ему неудобно об этом говорить. Дэниел всегда был скрытным, мало говорил о себе. Он больше любил действовать, был практичным. Разговоры, в частности на темы с эмоциональной нагрузкой, не были его сильной стороной. Но Эмили разделяла это его качество. Ей также было трудно проявлять себя.

– Я был молод, – продолжил Дэниел. – Мне было всего

двадцать. И я был глуп.

– Что-то случилось? – мягко спросила Эмили, стараясь не спугнуть его.

Ее рука лежала у него на груди, она поглаживала его, ощущая рельефные мышцы через футболку. Когда Дэниел говорил, она слушала, прислонившись ухом к его груди, чувствуя вибрации его голоса.

– Я сделал кое-что, чем не горжусь, – сказал он. – У меня была на то причина, но от этого мой поступок не выглядит лучше.

– Что ты сделал? – спросила Эмили.

Она была уверена, что, что бы он ни сказал, это не изменит ее расцветающих чувств к нему.

– Меня арестовали в Теннесси. За нападение на человека. Я встречался с девушкой, но у нее был муж.

– Ох, – сказала Эмили, когда до нее дошло, к чему идет разговор. – И, я полагаю, ее муж был тем человеком, на которого ты напал?

– Да, – ответил Дэниел. – Он был агрессивным. Он преследовал ее. Она выгнала его еще до нашей встречи, но он продолжал появляться. Она боялась. А копы сидели, сложа руки.

– Что ты сделал? – спросила Эмили.

– В следующий раз, когда он заявился и стал угрожать, что убьет ее, я преподал ему урок. Убедился, что он больше не появится у ее порога. Я избил его. Он попал в больницу.

Эмили вздрогнула от мысли, что Дэниел мог поколотить кого-то до такой степени, чтобы отправить его в больницу. Она с трудом могла сопоставить все версии Дэниела: чувствительный, непонятый беглый фотограф, молодой, глупый бандит и человек, посадивший целый сад разноцветных роз. Но в то же время, всего несколько месяцев назад, встречаясь с Беном, она была совершенно другим человеком по сравнению с тем, кем она была сейчас. Несмотря на старую поговорку о том, что люди не меняются, ее собственный жизненный опыт говорил об обратном: люди всегда меняются.

– Дело в том, – сказал Дэниел, – что она бросила меня после этого. Сказала, что я ее пугаю. Она прикинулась жертвой и вернулась к нему. После всего он так легко мог ей манипулировать, что заставил ее вернуться. Я чувствовал, что меня предали.

– Не стоит. Она вернулась к нему скорее из-за того, что он ей манипулировал, а не потому, что не любила тебя. Я знаю. Я...

У Эмили пропал голос. Она никогда никому не говорила того, что собиралась сказать Дэниелу. Даже Эми.

– Я знаю, каково это, – наконец сказала она. – Я сама была однажды в эмоционально жестоких отношениях.

Дэниел выглядел ошеломленно.

– Я не люблю об этом рассказывать, – добавила Эмили. – Я тоже была молода, на самом деле я была еще подростком. Все было отлично, пока я не собралась в колледж. Я думала,

что люблю его. Мы были вместе больше года, и мне казалось, что это долго. Но когда я сказала, что хочу учиться в другом штате, в нем что-то переменялось. Он стал жутко ревнивым, был убежден, что я стану изменять ему, как только уеду. Я рассталась с ним из-за того, как он себя вел, но он угрожал покончить с собой, если я не вернусь к нему. Так это и начинается, манипулирование. Контроль. В конце концов я осталась с ним из-за страха.

– Он не позволил тебе учиться в колледже?

– Да, – сказала она. – Я отказалась от одной из своих целей из-за него, несмотря на то, что он обращался со мной, как с дерьмом. И ты понимаешь, что то, что происходит, ненормально, но продолжаешь попадать в эти психологические ловушки, убеждая себя, что ситуации, которые в глубине души кажутся тебе неправильными, на самом деле являются проявлением большой любви. Всем вокруг это кажется безумием. Когда это заканчивается, ты тоже начинаешь так думать. Но когда ты варишься в этом, ты всегда находишь оправдания.

– И чем все закончилось?

– По иронии, *он* изменил *мне*. Тогда я была опустошена, но вскоре поняла, что это было к лучшему. Я боюсь представить, чем это могло закончиться, если бы мы не расстались. Я бы застряла с ним так надолго, насколько он бы этого хотел, и только продолжала бы ранить себя.

Они оба замолчали. Дэниел пригладил волосы.

– Не хочешь съездить к скалистому побережью со мной? – вдруг сказал он.

– Конечно, – сказала Эмили, слегка удивившись, но в то же время обрадовавшись предложению. – Как мы туда доберемся?

– Возьмем мотоцикл?

– Мотоцикл? Твой мотоцикл? – опешила Эмили.

Эмили никогда не ездила на мотоцикле. Эта мысль одновременно пугала и волновала ее.

Они вышли из розового сада и направились по подъездной дорожке к сторожевому домику. Дэниел вывел свой мотоцикл из гаража – одной из построек, к счастью, пережившей бурю. Пока он готовил мотоцикл к поездке, Эмили пошла проверить, как там Могси с щенками. Рейн все еще держался. Она приложила его к соску матери и погладила собаку по голове. Могси посмотрела на нее большими глазами, полными доброты, и лизнула ей руку. Казалось, она таким образом благодарит Эмили за то, что та спасла ее от бури, в то же время извиняясь, что тянула ее, испугавшись, что они крадут ее деток. Эмили почувствовала, что между ними возник момент понимания, и впервые после спасения собаки она чувствовала, что, возможно, может оставить ее. Возможно, уход за живым существом – именно то, чего не хватало в жизни Эмили.

– Ты молодец, – сказала она Могси. – А теперь поспи. Я вернусь позже.

Могси довольно проскулила, а затем положила голову на передние лапы.

Осторожно закрыв дверь в гостиную, Эмили услышала звук мотора и поспешила наружу. Дэниел сидел на мотоцикле и широко улыбался ей. Эмили запрыгнула на заднее сидение и обхватила его руками. Дэниел прокрутил ручку газа, и мотоцикл с ревом тронулся с места.

*

Ветер трепал волосы Эмили. Она чувствовала себя свободной и живой. Солнце приятно согревало кожу. Скалистое побережье было красивым и заставило Эмили взглянуть на Сансет-Харбор с другой стороны, ранее неведомой ей. Ей нравилось находиться здесь, чувствовать соленый морской воздух, вдыхать аромат цветущих деревьев, слышать отдаленный звук прибоя.

– Это невероятно! – воскликнула Эмили, ощущая головокружительный восторг.

Дэниел провез их по скалистой дороге, и они неслись вниз по склону с такой скоростью, что у Эмили внутри все перевернулось.

Они проехали вдоль берега, затем к пристани. Заглушив мотор, Дэниел помог Эмили слезть.

– Понравилось? – спросил он, сжимая ее ладонь.

– Головокружительно, – ответила Эмили, широко улыба-

ясь, а затем оглянулась и посмотрела на пристань. – Знаешь, я никогда раньше здесь не была.

– Здесь находится моя лодка, – сказал Дэниел. – Пошли.

Она прошла за ним к пристани мимо привязанных шлюпок и моторных лодок. В самом конце стояла небольшая старая лодка, которая выглядела заброшенной и забытой.

– Это твоя? – спросила Эмили.

Дэниел кивнул.

– Выглядит не очень, знаю. Я не мог заставить себя отремонтировать ее и спустить обратно на воду.

– Почему? – спросила Эмили.

Дэниел долго молчал. Наконец он заговорил.

– На самом деле я не знаю.

Затем он посмотрел на нее.

– Наверное, нам следует вернуться домой. Я могу починить дверь на кухне.

Эмили нежно коснулась его руки, удерживая его.

– Ты позволишь мне помочь тебе? С лодкой? Я могу взять кое-какие свои сбережения.

Дэниел выглядел по-настоящему шокированным. И тронутым.

– Никто никогда не предлагал заплатить за меня, – сказал он.

От этой мысли ей стало грустно.

– Спасибо, – сказал он. – Это очень много для меня значит. Но я не могу принять твою помощь.

– Но я хочу, – сказала Эмили. – Ты так мне помог. Ты бы мог сейчас заниматься своей лодкой вместо того, чтобы ехать домой и чинить мою дверь! Пожалуйста, позволь помочь тебе. Что тебе нужно? Новый мотор? Краска для покрытия? Мы можем сделать это нашим новым проектом. Сначала починим дом, а потом – лодку?

Дэниел смотрел в сторону, избегая ее взгляда. Эмили поняла, что он думал о чем-то. Он слегка пожал плечами и положил руки в карманы. Затем он посмотрел на мотоцикл, будто молча показывая, что готов покинуть это место, что закончил с мыслями о лодке и о том, до какого состояния довел ее.

Наконец он заговорил после длинного, тяжелого вздоха.

– Я просто не знаю, будет ли этого достаточно, чтобы починить себя.

Глава четырнадцатая

С полными сумками продуктов в руках Эмили добралась до машины и скинула их в багажник. Сегодня был день вечеринки. Двадцать человек откликнулись на приглашения, и она обнаружила, что ей нравится принимать гостей больше, чем она того ожидала. Она встала рано, чтобы поставить говядину тушиться в мультиварке. Десерты были уже готовы: она сделала их прошлым вечером и поставила в холодильник на ночь. Это означало, что по приходу домой ей останется только украсить его и быстро приготовить вегетарианскую версию ризотто за час до прибытия гостей.

Она улыбнулась сама себе по дороге домой, смакуя возможность все организовать и спланировать, которой она была лишена в течение семи лет, пока встречалась с Беном.

Подъехав к дому, она заметила, что Дэниела нет во дворе. Взяв покупки из багажника, она прошла в дом и бросила их на кухонный стол. Она прислушалась, но не услышала звуков молотка или дрели, раздающихся в доме. Было странно, что Дэниела не было поблизости, но Эмили не придавала этому значения и взялась за украшение дома. Она расставила повсюду свечи, затем поставила цветы в вазы на кофейном и обеденном столах в двух комнатах, где она собиралась провести вечеринку, хотя она также позаботилась о кухне, поскольку знала, как люди обычно заходят туда на вечеринках,

в частности в поисках алкоголя. Она развесила самодельные гирлянды в гостиной, поставила большую чашу с ароматической смесью в ванной комнате и разложила на столе лучшие серебряные столовые приборы – ценную вещь, которую она спасла среди гор хлама. Эмили налила красное вино в шесть красивых хрустальных графинов, которые нашла в буфете на кухне.

Собак она переместила в кладовку, чтобы использовать гостиную для вечеринки. Она планировала пообщаться и отведать аперитив в гостиной, а затем поужинать в столовой.

На часах было пять вечера, поэтому она взялась за ризотто. Войдя в кухню, она почувствовала запах тушеного мяса, которое медленно готовилось целый день, и у нее проснулся аппетит. Эмили отвыкла от готовки за время, пока встречалась с Беном, поскольку он предпочитал ужинать в ресторанах, и сейчас она по-настоящему наслаждалась процессом. Приготовить ужин для двадцати человек – непростая задача, поэтому она немного нервничала, боясь не рассчитать количество и время. Но благодаря огромной кухне и куче кухонных приборов в ее распоряжении, все было не так страшно, как она представляла. Однако она переживала из-за Дэниела. Он должен был быть здесь, чтобы помочь ей с ужином. В конце концов, он сам объявил себя кулинаром. Но каждый раз, когда она выглядывала в окно, его нигде не было видно. Ни во дворе, ни в сторожевом домике, в котором было темно. Закончив с ужином, Эмили пошла к себе в комнату и пе-

реоделась. Было так странно прихорашиваться после того, как много месяцев она не наносила даже подводку, но ей понравилось вернуться к старой рутине. Она создала впечатляющий образ с пышными красными губами и темными ресницами, выделяющими ее глаза. Эмили выбрала платье цвета электрик, красиво облегающее фигуру. Она обула туфли на каблучке в тон платью и придала образу завершенности с помощью серебряного ожерелья. Закончив одеваться, она подошла к зеркалу и стала любоваться своим отражением. Эмили полностью преобразилась, и это заставило ее довольно засмеяться.

Было 6.45 вечера, и она зажгла ароматические свечи, чтобы аромат окутал дом, а затем проверила тушеную говядину и ризотто.

Когда все было готово, Эмили снова пошла искать Дэниела. Она проверила сторожевой домик, но его там не было. Тогда она заметила, что мотоцикл пропал из гаража. Видимо, он поехал кататься.

«Очень вовремя», – подумала она, глядя на часы. Он должен был быть здесь. Эмили не хотела навязываться, но не могла перестать волноваться, особенно, когда Дэниел все еще не вернулся к приходу первых гостей.

Ей пришлось выкинуть из головы мысли о нем и надеть серьезное и уверенное выражение лица.

Она открыла дверь и увидела на пороге Чарльза Бредшоу из рыбного ресторана и его жену, Барбару. Он вручил ей бу-

тылку красного вина, а его жена принесла цветы.

– Очень мило с вашей стороны, – сказала Эмили.

– Не верю своим глазам, – сказал Чарльз, оглядываясь по сторонам. – Вы так красиво отреставрировали дом. И так быстро.

– Я еще не закончила, – сказала Эмили. – Но спасибо.

Она взяла их верхнюю одежду и провела в гостиную, где они снова ахнули от восторга. Прежде чем она успела предложить им напитки, в дверь снова позвонили. Люди в Сансет-Харбор, по всей видимости, были довольно пунктуальны.

Она открыла дверь, перед ней стоял Берк, в одиночестве. Он извинился за свою жену, которая чувствовала себя неважно.

– Это все на самом деле. Значит, это не твой призрак заглядывал ко мне на заправку. Ты действительно выжила здесь одна! – сказал он, а затем засмеялся и пожал ей руку.

– Самой не верится, – смеясь, ответила Эмили.

Она собиралась добавить, что справилась не сама, а с помощью Дэниела, но поскольку его здесь не было, она не стала этого говорить. Тогда она поняла, что чувствует, будто он подвел ее, не явившись.

Эмили провела Берка в гостиную. Ей не пришлось представлять его, он уже был знаком с Чарльзом и Барбарой.

В дверь снова позвонили. В этот раз на пороге была Синтия, владелица небольшого книжного магазина. У нее были

ярко-рыжие кудрявые волосы, и она всегда одевалась в цвета, которые плохо сочетались с ними. Сегодня на ней был странный ансамбль цвета лайма и пурпурного цвета, подчеркивающий ее слегка пышную фигуру, красная помада и ярко-зеленый лак для ногтей. Эмили знала, что у Синтии была репутация прямолинейной и немного грубой женщины, но все равно пригласила ее с благими намерениями. Может быть, она развеселит гостей, если она и правда такая, как говорят!

– Эмили! – воскликнула Синтия отвратительно визгливым голосом.

– Привет, Синтия, – ответила Эмили. – Большое спасибо, что пришла.

– Ну, ты же знаешь, что говорят местные в Сансет-Харбор. «Что за вечеринка без Синтии!»

Эмили подозревала, что никто в Сансет-Харбор никогда так не говорил. Она жестом пригласила Эмили присоединиться к остальным в гостиной, а затем услышала возбужденный возглас, когда Синтия поприветствовала остальных гостей с таким же энтузиазмом и громкостью.

Раздался очередной звонок в дверь, и Эмили увидела на пороге доктора Суниту Патель с ее мужем Раджем. Позади них Серена вела Рико под руку через дорожку в саду.

– Я видела дерево у вас на газоне, – сказала доктор Патель, целуя Эмили в щеку и вручая ей бутылку вина. – Буря и нам принесла серьезные разрушения.

– О, я знаю, – ответила Эмили. – Она была довольно устрашающей.

– Рад познакомиться, – Радж пожал руку Эмили. – Кстати, я ландшафтный дизайнер, поэтому если хотите, я с радостью помогу с вашим упавшим деревом. Заходите в любое время. Я держу рассадник в городе.

Эмили много раз проходила мимо красивого садоводческого магазина с шикарными цветами на витрине и в подвешенных горшочках, когда бывала в городе. Она не раз хотела зайти внутрь, чтобы посмотреть на поилки для птиц, люпины и саженцы тропических растений, но у нее все никак не получалось.

– Вы сделаете это? – спросила Эмили, пораженная такой щедростью. – Это было бы здорово.

– Это меньшее, что я могу сделать, учитывая, что вы открываете перед нами двери своего дома.

Радж и Сунита прошли в гостиную, и Эмили переключила внимание на Серену и Рико, которые подходили к порогу. Серена выглядела прекрасно в черном платье с накрахмаленным черно-золотым воротником. Ее пышные кудри красиво спадали на плечи, а на губах была помада благородного красного цвета.

– Мы пришли! – улыбнулась она, обвиняя руку вокруг шеи Эмили и обнимая ее.

– Я очень рада, – сказала Эмили. – Ты, пожалуй, единственный человек в этом доме, которого я знаю.

– Да неужели? – ответила Серена, посмеиваясь. – А как насчет мистера Идеальное тело?

Эмили покачала головой.

– О господи, только не упоминай его сейчас.

Серена состроила гримасу. Эмили засмеялась и переключила внимание на Рико.

– Спасибо, что пришли, Рико, – сказала она. – Я правда рада видеть вас.

– Приятно выбраться из дома в моем-то возрасте, Элли.

– Эмили, – поправила его Серена.

– Я так и сказал, – ответил Рико.

Серена закатила глаза, и они прошли в коридор. Эмили не успела закрыть за ними дверь, потому что увидела, как напротив парковалась Карен. Из всех приглашенных Эмили больше всего сомневалась в ней. Но, возможно, тот факт, что Эмили закупила для вечеринки именно в магазине у Карен, переубедил ее и помог завоевать ее расположение. Она потратила довольно крупную сумму для небольшого городского магазинчика.

Сразу после Карен приехал мэр города. А ведь он даже не ответил на приглашение! Эмили была удивлена, что он захочет прийти на ее скромную вечеринку, и в то же время волновалась, что еды на всех не хватит.

Карен первой добралась до двери, и Эмили поприветствовала ее.

– Я принесла немного орегано и вяленых помидоров, –

сказала Карен, передавая ей корзину, от которой вкусно пахло.

– О, Карен, не нужно было, – сказала Эмили, беря у нее корзину.

– На самом деле это ради бизнеса, – прошептала Карен. – Если гостям они понравятся, они придут в магазин, чтобы купить их, – подмигнула она.

Эмили улыбнулась и отошла в сторону, пропуская ее. У нее были сомнения насчет Карен, но казалось, что обычная приветливость женщины вернулась.

Эмили повернулась к мэру. Она учтиво кивнула и протянула руку в знак приветствия.

– Спасибо, что пришли, – сказала она.

Мэр взглянул на ее руку, а затем потянулся и заключил Эмили в крепкие объятия.

– Я очень рад, что ты наконец открыла свое сердце нашему небольшому городку.

Сначала Эмили было неловко от объятий мэра, но его слова тронули ее, и она расслабилась.

Наконец все гости прибыли, большинство собралось в гостиной, и у Эмили появилась возможность пообщаться с ними.

– Я тут говорил Рико, – сказал ей Берк, – что тебе стоит превратить это место обратно в мини-гостиницу.

– Я не знала, что здесь была гостиница, – ответила Эмили.

– О да, до того, как твой отец купил этот дом, – сказал

Рико. – Кажется, между 1950–ми и восьмидесятыми.

Серена засмеялась и похлопала Рико по руку.

– Имен он не запоминает, зато такие вещи – пожалуйста, – шепнула она.

Эмили засмеялась.

– Я уверен, она была прибыльной, – добавил Берк. – И это именно то, что нужно этому городу.

Чем больше Эмили общалась с людьми, тем больше понимала, насколько они любезны. Идея о гостинице распространялась со скоростью света, и она все больше склонялась к мысли, что это неплохая идея. На самом деле когда-то Эмили мечтала работать в гостинице, но в подростковом возрасте она почувствовала себя неуверенно в общении с людьми. Уход отца тяжело сказался на ней, выбил из колеи, и с тех пор она стала замкнутой и недружелюбной. Но город сделал ее мягче. Может, она все еще могла стать любезной хозяйкой?

Пришло время ужина, и Эмили провела всех в столовую. Гости ахали и вскрикивали от восторга при виде обновленной комнаты.

– Боюсь, я не смогу показать вам бальный зал, – сказала Эмили. – Окно разбилось во время бури, поэтому пришлось закрыть его фанерой.

Никто не возражал. Все были слишком очарованы столовой. Гости хвалили все, начиная с вазы с цветами и заканчивая цветом ковра и выбором обоев.

– А у тебя неплохо получается создавать цветочные композиции, – поражено сказал Радж.

– И разве эти стулья не прекрасны? – пошутила Серена, ошупывая стулья, которые помогла Эмили найти на барахолке Рико.

Прошло много времени, прежде чем гости уселись. Когда все были за столом, Эмили пошла в кухню, чтобы подать еду. Звук болтовни, доносящийся из столовой, наполнил ее сердце теплом и любовью.

Она добралась до кухни и быстро проверила, как там Могси с щенками в кладовке. Они все довольно спали, словно не замечая внешнего мира. Затем Эмили вернулась в кухню и начала раскладывать еду.

– Нужна помощь, чтобы все донести? – донесся голос Серены со стороны двери.

– Да, пожалуйста, – сказала Эмили. – Это вызывает жуткие воспоминания о тех временах, когда я работала официанткой.

Серена засмеялась и помогла Эмили сбалансировать в руках пять тарелок. Серена взяла столько же, и они вместе вошли в столовую под восхищенные «охи» и «ахи».

Эмили все равно чувствовала легкое разочарование. Дэниел должен был быть здесь, чтобы помочь ей. Она рассчитывала, что вечеринка станет неким поводом для них выйти в свет. Она хотела посмотреть, как люди отреагируют на то, что она встречается с одним из них, с местным, и

надеялась, что это, по крайней мере, добавит ей очков. Но Дэниел исчез, и ей пришлось все делать самой.

Как только у всех гостей были тарелки, которых, к счастью, хватило, началась трапеза.

– Эмили, твой отец ходил в католическую школу, так ведь? – спросил мэр.

Эмили как раз подносила вилку ко рту, но внезапно замерла.

– О, – смущенно сказала она, – я на самом деле не знаю.

– Я уверен, что мы делились историями о злобных монашесах, – быстро сказал мэр, чувствуя, что Эмили некомфортно говорить об отце.

А вот Синтия, казалось, этого не заметила.

– О, твой отец, Эмили. Он был таким хорошим человеком, – воскликнула она, держа бокал в воздухе. Красное вино подпрыгивало с каждым ее жестом, опасно приближаясь к краям бокала.

– Помню тот раз, это было лет двенадцать назад, до рождения Джереми и Люка, пока я была еще стройной, – она остановилась и хихикнула.

Эмили не стала исправлять ее, что прошло уже как минимум двадцать лет, но по неловкому шуршанию за обеденным столом и тому, как гости прятали глаза, было видно, что многие подумали о том же и испытывали неловкость за нее.

– Он впервые пришел ко мне в магазин, – продолжила Синтия, – и он искал особую книгу, старую, которая уже не

издавалась. Не помню название, но там было что-то о цветочных феях. И я знала, что он поселился в доме на Уэст Стрит. Я видела его пару раз, и он всегда был один. И вот я смотрю на этого взрослого мужчину, немного волнуясь, и мне интересно, зачем ему коллекционное издание книги о феях. Думаю, что, должно быть, неправильно его оценила, и веду его по магазину, показывая другие книги с похожими названиями, а он говорит: «Нет, нет, это не оно. Эта книга о феях». У меня такой не было, поэтому пришлось заказать специально для него, что еще больше взвинтило цену. Казалось, ему было все равно, поэтому я решила, что он и в правду твердо решил заполучить это коллекционное издание книги о феях. И вот через несколько недель его книгу доставили, и я позвонила ему, чтобы сообщить, что он может забрать ее. Я немного нервничала, но он вошел, толкая перед собой коляску с маленькой милой девочкой. Должно быть, это была ты, Эмили. Ты не поверишь, какое облегчение я испытала!

В комнате повисла тишина, и гости устали на Эмили, пытаясь понять, как реагировать. Когда они увидели, что она захихикала, то тоже выдавили сдержанный смех. В этот момент можно было буквально ощутить, как спало напряжение, повисшее за столом.

Синтия продолжила рассказывать свою историю.

– Я сказала ему, что ты слишком мала, чтобы читать книгу, но он ответил, что это тебе на будущее, что у его мамы

была такая книга, и он хотел, чтобы и у тебя была. Разве это не самое милое, что вы слышали?

– Да, – с улыбкой ответила Эмили. – Я никогда не слышала эту историю.

Эмили была благодарна Синтии за еще одно прекрасное воспоминание. Но оно также вызвало грусть, заставив скучать по отцу еще сильнее.

После истории Синтии разговор быстро перешел к идее превратить дом в гостиницу.

– Думаю, ты должна это сделать, – сказала Сунита. – Преврати это место в гостиницу. Так ты с большей вероятностью получишь разрешение, поскольку гостиница принесет пользу для всех жителей города.

– Верно, – сказал мэр. – А также это защитит тебя от Тревога.

Эмили ухмыльнулась. У нее сложилось стойкое впечатление, что сообщество явно недолюбливало Тревога Манна, и он никоим образом не представлял мнение людей, сидящих за ее столом.

– Что ж, – сказала Эмили, делая глоток вина, – это неплохая идея. Но моих сбережений хватит лишь на три месяца, прежде чем я разорюсь.

– Этого хватит, чтобы отремонтировать несколько спален? – спросил Берк.

– Это дельный вопрос, – присоединилась Барбара. – Столовая, гостиная и кухня уже готовы. Если бы была и спальня,

у тебя было бы все, чтобы начать. Вуаля. Готовая гостиница типа «кровать и завтрак».

Она была права. Они все были правы. Это действительно все, что нужно было Эмили, чтобы воплотить мечту в реальность. Большая часть дома и территории были в достаточно хорошем состоянии, чтобы понравиться гостям. Если опустить планку, к примеру, если поставить целью привлечь одного гостя, нужно всего лишь отремонтировать одну спальню. Затем, получая небольшую прибыль, она смогла бы вкладывать деньги в дело, сделать еще одну спальню и медленно развиваться.

– Ну, Барбара, – сказала Карен, – за завтрак тоже придется кому-то отвечать.

Все засмеялись.

– Как бы смешно ни звучало, – сказал Радж, – у меня есть куры, которых нужно где-то приютить. Ты могла бы взять их, и тогда у тебя были бы свежие яйца для завтраков!

– И ты уже делаешь лучший кофе в городе, – добавил мэр. – Без обид, Джо.

Все посмотрели на хозяина закуской.

– Да никто не обижается! – засмеялся он. – Я знаю, что кофе – не мой конек. Я буду более чем рад поддержать дело Эмили.

– Как и я, – сказал Берк.

– А если тебе нужен совет, – добавила Синтия, – я буду очень рада поделиться мудростью. Когда мне было слегка за

двадцать, я управляла гостиницей. Не знаю, как мне доверили такое важное дело, но она не сгорела под моим присмотром, так что, думаю, они не прогадали, доверившись мне!

Эмили не могла поверить своим ушам. Все эти люди были готовы помочь ей. Это было замечательное чувство, и она была потрясена их щедростью и добрыми словами. Как только она могла так пренебрежительно относиться к ним, когда приехала сюда? Всего за несколько месяцев все значительно изменилось.

Но была одна заминка. Дэниел. Он тоже жил здесь, на территории. Если она откроет гостиницу, это значительно нарушит его привычный образ жизни. Они потеряют приватность. Она не может сделать этого, не обсудив с ним. В некотором смысле это была отличная возможность для них обоих. Дэниел может переехать в главный дом к ней, и они могли бы сдавать сторожевой домик как отдельный блок или даже как номер для молодоженов. А бальный зал был бы отличным местом для проведения свадеб.

Эмили затерялась в мыслях. Возможно, это вино дало в голову, но она впервые за долгие годы была переполнена оптимизмом. Будущее вдруг показалось ярким, волнующим и безопасным.

Ей лишь было интересно, почему Дэниел был не рядом, чтобы разделить с ней этот момент.

Глава пятнадцатая

Было уже поздно, и вечеринка давно закончилась, когда Эмили наконец услышала, как Дэниел подъезжает к дому на своем мотоцикле. Она встала с постели и выглянула в окно, наблюдая, как он снимает шлем и направляется к сторожевому домику.

Накинув ночную рубашку и обув тапочки, Эмили спустилась и вышла из дома. Она направилась к сторожевому домику, ступая по мягкой траве. Оттуда на лужайку проливался мягкий свет.

Она постучала и замерла, обхватив себя руками в попытке защититься от холодного ночного воздуха.

Дэниел подошел к двери. По его выражению лица было видно, что он уже знал, кто там.

– Где ты был? – требовательно спросила она. – Ты пропустил вечеринку.

Дэниел глубоко вдохнул.

– Слушай, почему бы тебе не зайти? Мы можем поговорить за чашечкой чая вместо того, чтобы стоять здесь и мерзнуть.

Он придержал для нее дверь, и она зашла в дом.

Дэниел сделал чай, и Эмили все время молчала, ожидая, что он заговорит первым, объяснит свое поведение. Но он не промолвил ни слова, и у нее не оставалось другого выбора.

– Дэниел, – настойчиво сказала она, – почему ты пропустил вечеринку? Где ты был? Я волновалась.

– Я знаю. Прости. Мне просто не нравятся здешние люди, понимаешь? – сказал он. – Они списали меня со счетов, когда я был ребенком.

– Это было двадцать лет назад, – Эмили нахмурилась.

– Для этих людей неважно, было это двадцать лет или двадцать минут назад.

– Ты расхваливал их у пристани, – сказала Эмили. – А теперь внезапно возненавидел?

– Мне нравятся некоторые из них, – возразил Дэниел. – Но в большинстве своем это узколобые горожане. Поверь, было бы хуже, если бы я был там.

Эмили подняла бровь. Она хотела сказать, что он ошибается, что эти люди оказались добрыми и веселыми. Что они подружились. Но последнее, чего она хотела, – это ссориться с Дэниелом, когда их конфетно-букетный период был в самом разгаре.

– Почему ты просто не сказал, что не хочешь приходить? – наконец сказала она, стараясь придать голосу спокойствие. – Я чувствовала себя душой, ожидая тебя весь вечер.

– Извини, – Дэниел с сожалением вздохнул и поставил перед ней чашку чая. – Я знаю, что не должен был вот так исчезать. Я просто так привык быть один, ни перед кем не отчитываться. А все эти люди вокруг – это слишком тяжело.

Эмили стало жаль его, того, как он чувствовал себя лучше

в одиночестве. Ей это казалось не лучшей чертой. Но это не оправдывало его поступка.

– Я имею в виду, чего стоит одна Синтия, – добавил Дэниел с робкой улыбкой.

Эмили невольно засмеялась.

– Нужно было просто сказать мне, – сказала она.

– Я знаю, – ответил Дэниел. – Если я пообещаю больше так не делать, ты простишь меня?

Эмили не могла злиться на него.

– Думаю, да, – ответила она.

Дэниел потянулся и взял ее за руку.

– Расскажи мне, как все прошло? О чем вы говорили?

Эмили взглянула на него.

– Ты хочешь, чтобы я пересказала разговоры с людьми, которых ты ненавидишь, как ты сам сказал?

– Я не смогу ненавидеть, если услышу это от тебя, – с улыбкой сказал Дэниел.

Эмили закатила глаза. Она хотела позлиться на Дэниела чуть дольше, чтобы преподать ему урок, но ничего не могла с собой поделать. Кроме того, она должна была сообщить ему важные новости по поводу гостиницы, и ей трудно было сдерживаться. Она пыталась скрыть энтузиазм, но не смогла.

– Ну, основной темой разговоров, – сказала она, – было открытие гостиницы в доме.

Дэниел чуть не поперхнулся чаем. Он посмотрел на нее,

держала у рта чашку.

– Что?

Эмили напряглась, вдруг разволновавшись от мысли о том, как рассказать Дэниелу о своей новой мечте. Что если он не поддержит ее? Он только рассказал ей, что привык быть один, а она собирается сказать ему, что куча незнакомцев, снующих по территории, может стать привычным делом.

– Гостиницу, – сказала она тихим и тонким голоском.

– Ты хочешь этого? – спросил Дэниел, опуская чашку. – Открыть гостиницу?

Эмили взяла свою чашку обеими руками, будто ища в ней опору, и выпрямилась на стуле.

– Ну...возможно. Я не знаю. То есть сначала мне нужно подсчитать расходы. Может быть, мне не хватит денег даже на то, чтобы открыть ее, – она запиналась, стараясь смягчить идею, будучи неуверенной, как Дэниел воспримет ее.

– Но если бы ты могла себе это позволить, ты хотела бы этого? – спросил он.

Эмили подняла глаза и посмотрела на него.

– Я хотела этого, когда была ребенком. По правде говоря, я мечтала об этом. Но я подумала, что ничего не получится, поэтому бросила эту затею.

Дэниел потянулся и положил свои ладони на ее.

– Эмили, у тебя отлично бы получилось.

– Думаешь?

– Я знаю.

– То есть ты не думаешь, что это ужасная идея?

Дэниел покачал головой и широко улыбнулся.

– Это отличная идея!

Она вдруг воспрянула.

– Ты правда так думаешь?

– Конечно, – добавил он. – Ты будешь отличной хозяйкой.

И если тебе нужны деньги, я с радостью помогу. У меня нет много, но я отдам тебе все, что есть.

Хотя она и была польщена его предложением, Эмили покачала головой.

– Я не возьму твоих денег, Дэниел. Все, что мне нужно, чтобы начать, – это одна приличная спальня и чайник кофе. Как только у меня появится первый гость, я смогу вложить прибыль в дело.

– Даже если так, – сказал Дэниел. – Если тебе нужно что-то отремонтировать, сделать что-то на территории или что-то в этом роде, знай, что я буду рад поучаствовать.

– Правда? – снова спросила Эмили, не в силах поверить в это. – Ты сделаешь это для меня?

Она вновь подумала о щедрости Дэниела и о том, как он пришел на помощь, когда она в этом нуждалась.

– Ты правда думаешь, что это хорошая идея?

– Да, – заверил ее Дэниел. – Мне нравится эта идея. Какую из спален ты хочешь отремонтировать первой?

В течение последних трех месяцев работы над домом они

нечасто заглядывали на второй этаж. Из всех комнат там были отремонтированы только старая комната родителей Эмили, которая теперь была ее спальней, и ванная. Нужно было выбрать еще одну комнату, чтобы сосредоточиться на ней.

– Я пока не знаю, – сказала Эмили. – Наверное, одну из больших комнат в конце коридора.

– С видом на океан? – предложил Дэниел.

Эмили пожала плечами.

– Нужно для начала хорошенько все обдумать. Но ремонт ведь не займет много времени? Я могу подготовить ее к началу туристического сезона. Если, конечно, получу разрешение.

Дэниел, казалось, согласился. За чашкой чая они обсудили детали, то, сколько времени и денег потребуются на подготовку комнаты, а также прошлись по меню на время летнего потока туристов.

– Это будет рискованно, – сказал Дэниел, откидываясь на стуле и глядя на лежащий перед собой лист бумаги, на котором были расписаны числа и суммы.

– Да, – согласилась Эмили. – Но уволиться с работы и уйти от парня, с которым я встречалась семь лет, тоже было рискованно, зато посмотри, как удачно все сложилось.

Она потянулась и сжала руку Дэниела. В этот момент она почувствовала тень сомнения, исходящего от него.

– Все хорошо? – спросила она, нахмурившись.

– Да, – сказал Дэниел, вставая и забирая пустые чашки. –

Я просто устал. Думаю, пора спать.

Эмили тоже встала, когда до нее вдруг дошло, что он просит ее уйти. Страсть прошлых вечеров, казалось, полностью утихла. Романтика утра, проведенного в розовом саду, исчезла. Волнение от поездки на мотоцикле у обрыва прошло.

Плотно замотавшись в ночную рубашку, Эмили подошла и поцеловала Дэниела в щеку.

– Увидимся позже? – спросила она.

– У-у, – ответил он, не глядя ей в глаза.

Сбитая с толку и обиженная, Эмили покинула сторожевой домик и пошла по холодному двору к своему дому, чтобы провести эту ночь в одиночестве.

*

– Доброе утро, Рико! – позвала Эмили, заходя в темный тесный магазинчик на следующий день.

Вместо Рико из-за стола появилась Серена, чему Эмили была не очень рада.

– Эмили! Как дела с мистером Красавчиком? У нас не было возможности обсудить это на вечеринке.

Последнее, чего ей сейчас хотелось, – это обсуждать Дэниела.

– Если бы ты спросила меня два дня назад, я бы сказала, что все отлично. Но сейчас я не уверена.

– Ох? – сказала Серена. – Он один из этих, да?

– Из каких «из этих»?

– Которые сначала ластятся, а потом игнорируют. Я много таких повидала.

Эмили не понимала, как двадцатилетняя девушка могла повидать много таких, но не стала этого говорить. Сейчас ей на самом деле не хотелось говорить о Дэниеле.

– Я тут ищу некоторые конкретные вещи, – сказала Эмили, роясь в своей сумочке в поисках списка, составленного Дэниелом, прежде чем он эффектно выпроводил ее из дома.

Она передала список Серене.

– Я пока не готова что-либо покупать, просто хочу прикинуть сумму.

– Хорошо, – сказала девушка, широко улыбаясь. – Я посмотрю, что у нас есть.

Она собиралась направиться в магазин, когда вдруг замерла.

– Слушай, это все вещи для спальни. Это...

– Для гостиницы? – Эмили улыбнулась и вскинула брови. – Ага.

– Это так круто! – воскликнула Серена. – Ты на самом деле собираешься это сделать?

– Ну, – сказала Эмили, – для начала мне нужно получить разрешение, что значит, что нужно посетить городское собрание.

– О, пф, это будет легко, – сказала Серена, отмахиваясь. – Это значит, что ты не вернешься в Нью-Йорк?

– Сначала мне нужно получить разрешение, – повторила Эмили слегка более напористым тоном.

– Поняла, – сказала Серена, щелкая пальцами. – Сначала разрешение.

Она улыбнулась и вышла. Эмили улыбнулась сама себе, радуясь, что хотя бы один человек, кажется, на самом деле хочет, чтобы она осталась в Сансет-Харбор, и не только из-за прибыли, которую она принесет городу, но потому что Эмили ей нравится.

Она подошла к ящику с дверными ручками и принялась их осматривать. У Рико была коллекция, которой позавидовал бы ее отец, хотя вещи Рико были в куда лучшем состоянии. Эмили думала покрасить комнату в пудровый голубой и планировала поставить нежные стеклянные ручки для ящиков.

Пока она рылась в ящике с ручками, сзади послышалось два голоса.

– Стелла говорит, что опять видела его у скал вчера, где он часами катался на своем мотоцикле, – сказал один голос.

Эмили замерла и выпрямилась, чтобы расслышать лучше. Могли ли они говорить о Дэниеле? У него была страсть к мотоциклу, и вчера он отсутствовал действительно долго.

– А в другой день он был на фестивале у пристани, – сказал другой голос.

Эмили почувствовала, как сердце забилось чаще. Дэниел был на фестивале. Конечно, там еще было много людей, но

мало кто катался на мотоцикле у скал. Она была уверена, что они обсуждают Дэниела.

– Ты же не думаешь, что он вернулся в город? – спросил второй голос.

– Ну, Стелла вообще полагает, что он никогда и не уезжал, – ответил первый голос.

– Боже, правда? От одной мысли об этом у меня мурашки. Ты хочешь сказать, что он все это время был в старом доме?

– Именно. Стелла рассказала, что услышала от кого-то, будто он был на гаражной распродаже, которую устроила новенькая.

Эмили почувствовала холод во всем теле от этих разговоров.

– Серьезно? О господи. Кто-то должен предупредить ее! Полностью уверенная, что они говорят о Дэниеле, она вышла из тени.

– Предупредить меня о чем? – холодно спросила она.

Женщины замерли и смотрели на нее, как зайцы, напуганные светом фар.

– Я спросила, – повторила Эмили, – предупредить меня о чем?

– Ну, – начала первая женщина дрожащим голосом, – это Стелла сказала, что видела его.

– Видела кого?

– Сына Мори, забыла его имя. Дастин. Деклан.

– Дуглас, – уверенно поправила вторая женщина.

– Нет, у него более экзотическое имя. Что-то более необычное, – запротестовала первая.

Эмили сложила руки на груди и подняла брови.

– Его зовут Дэниел. В чем дело?

– Ну, – сказала первая женщина, – у него есть некая репутация.

– Репутация? – спросила Эмили.

– Касательно женщин, – добавила она. – Он многим женщинам разбил сердце, этот Деклан.

– Дуглас, – сказала вторая женщина.

– *Дэниел*, – исправила их Эмили.

Первая женщина покачала головой.

– Его зовут не Дэниел, дорогая. Я не помню имени, но точно не Дэниел.

– Говорю тебе, его зовут Дуглас, – сказала вторая женщина.

Эмили начинала злиться. Она не хотела верить тому, что женщины говорили о Дэниеле, о его прошлом с женщинами, но у нее начали закрадываться сомнения.

– Слушайте, я уверена, что это было очень давно. Люди меняются. Дэниел больше не такой, и я не собираюсь с вами спорить. Не лезьте не в свое дело, ладно?

Первая женщина нахмурилась.

– Не Дэниел! Правда, девочка, я прожила в этом городе намного дольше тебя. Парня зовут не Дэниел.

Вторая женщина хлопнула в ладоши.

– Вспомнила. Дэшиел.

– Точно! Дэшиел Мори.

В этот момент появилась Серена. Она остановилась на полпути, увидев двух пожилых женщин рядом с взволнованной Эмили.

– Мне нужно идти, – сказала Эмили, развернувшись и направившись к выходу.

– Подожди, а как же твой список? – крикнула Серена, но Эмили уже исчезла.

Оказавшись на свежем воздухе под лучами весеннего солнца Эмили наклонилась и стала часто дышать. Она почувствовала, что подступает истерика. В голове роились мысли. Хоть она и знала, что женщины были просто сплетницами, ее задело то, что они сказали, как они были уверены касательно имени Дэниела, касательно его непорядочных отношений с женщинами в прошлом. И хоть Эмили сблизилась с Дэниелом мысленно, физически и духовно, она вдруг с ужасом осознала, что на самом деле ничего о нем не знает, ведь, как ни крути, нельзя полностью знать другого человека. Ее отец преподавал ей этот урок. Если любящий семьянин смог бросить семью и никогда не вернуться, парень, которого она знает несколько месяцев, запросто мог солгать о своем настоящем имени.

Как и о своих намерениях.

Глава шестнадцатая

Эмили быстро ехала домой, с трудом видя дорогу из-за накатившихся слез. Она не хотела слишком бурно реагировать, но у нее на самом деле не было другого выбора. Дэниел солгал ей о самой важной части его жизни – своем имени. Какой человек способен на такое? Даже если он изменил имя, потому что ненавидел или стеснялся его, Эмили не ожидала, что такое всплывет в разговоре. Она не использовала *свое* полное имя, Эмили Джейн, но она говорила об этом Дэниелу, и даже тогда, в том разговоре Дэниел не удостоился сказать ей. Поэтому у нее сложилось впечатление, что он намеренно скрывает от нее свою личность.

А если он солгал ей об этом, возможно, то, что женщины говорили о чередке разбитых им сердец, также может быть правдой.

Подъехав к дому, Эмили увидела во дворе Дэниела, направляющегося к кустарникам. Он обернулся и нахмурился, услышав звук быстро приближающегося автомобиля и резкий скрип тормозов, когда она остановилась. Кое-как припарковав машину под необычным углом, она выпрыгнула с пассажирского сидения, не заглушив двигатель и оставив дверь нараспашку, и помчалась в сторону Дэниела.

– Кто ты? – закричала она, колотя его кулаками в грудь. Дэниел отпрянул, явно шокированный и сбитый с толку.

– Что за вопрос?

– Скажи мне! – кричала Эмили. – Тебя зовут не Дэниел, не так ли? Тебя зовут Дэшиел, Дэшиел Мори.

Между бровей Дэниела проступила морщина.

– Как...как ты узнала?

Эмили кричала обвинительным тоном:

– Я услышала этот из разговора двух женщин на барахолке. Потому что у тебя не хватило смелости признаться мне самостоятельно. Ты представляешь, как унижительно это было для меня? – она чувствовала, как кровь закипает от ужасающего воспоминания.

– Послушай, Эмили, я могу объяснить, – сказал Дэниел, положив руки ей на плечи.

Эмили убрала его руки.

– Не прикасайся ко мне. Ты лгал мне все это время. Это правда. Просто скажи мне прямо, тебя на самом деле зовут Дэшиел?

– Да. Но я изменил имя. Это...

– Не могу поверить. А женщины? Это все правда, да? – она сердито вскинула руки.

– Женщины? – нахмурившись, спросил Дэниел.

– Все эти разбитые тобой сердца! У тебя есть репутация, Дэниел. Или лучше сказать Дэшиел? – она отвернулась, на глазах выступили слезы. – Я больше не знаю, кто ты.

Дэниел эмоционально выдохнул.

– Ты знаешь, Эмили. Я именно тот человек, которым все-

гда был.

– Но КТО этот человек? – закричала Эмили, ткнув в него пальцем. – Жестокий преступник, отправляющий людей в больницу? Чувствительный фотограф, сбежавший из дома? Донжуан, который использует женщин, а затем бросает их, когда надоест? Или же ты просто тихий, скромный сторож, который живет за мой счет?

Дэниел от удивления открыл рот, и Эмили поняла, что переборщила. Но она не могла вынести того, что Дэниел солгал ей после всего, через что они вместе прошли. Она поделилась с ним многим – своими мечтами, своей болью, своим прошлым, она делила с ним кровать. Она доверяла ему, возможно, зря.

– Это удар ниже пояса, – бросил Дэниел в ответ.

– Убирайся с моей земли, – прокричала Эмили. – Убирайся из сторожевого домика! Убирайся! И заberi свой дурацкий мотоцикл!

Дэниел просто стоял и смотрел на нее со смесью шока и разочарования на лице. Эмили никогда бы не подумала, что он будет так на нее смотреть. Глядя в его глаза, понимая, что этот взгляд был вызван ее грубыми словами, она чувствовала, будто ей в сердце вонзили кинжал. Дэниел не произнес больше ни слова. Он спокойно пошел к гаражу и вывел свой мотоцикл. Он завел мотор и, бросив на нее последний каменный взгляд, уехал прочь.

Эмили смотрела ему вслед, сжав руки в кулаки, ее сердце

бешено билось, и она думала о том, был ли это последний раз, когда они виделись.

*

Эмили устало поплелась обратно в дом. Ссора с Дэниелом утомила и вымотала ее. Она отчаянно хотела поговорить с Эми, но в последнее время ей казалось, что подруга сердится на нее. Они все реже обменивались сообщениями, которые становились все короче и короче, и могли не общаться днями. Если сейчас она позвонит Эми и начнет ныть о мужчине, о котором даже ни разу не упомянула в разговоре, это, вероятно, окончательно похоронит их дружбу.

Проходя по коридору, она чувствовала, что все в доме пропиталось Дэниелом. Пятно краски на полу у лестницы, откуда они начинали красить коридор, оставленное им, когда он чихнул. Немного кривая рамка для фотографий, которую они долго пытались выровнять, пока не сдались и не решили, что это стена кривая, а не рамка. Куда бы она ни глянула, все напоминало о Дэниеле. Но сейчас Эмили хотелось отдалиться от него не только физически, но и мысленно. В этот момент до нее дошло, что в доме есть одна комната, где она еще не была и которая не пропитана Дэниелом. Комната, которая идеально сохранилась, которая оставалась нетронутой на протяжении даже не двадцати, а двадцати восьми лет. Это была общая спальня Эмили и Шарлотты.

Эмили поднялась наверх, переполненная тоской. Она избегала этой комнаты с самого приезда. Эту привычку она переняла у родителей, которые никогда больше не заходили туда после смерти Шарлотты. Они сразу же переселили Эмили в другую комнату, закрыли дверь в ту спальню, напоминая им об умершем ребенке, и никогда больше ее не открывали. Будто было так просто избавиться от боли, связанной с утратой.

Эмили прошла по коридору и дошла до двери. На ней были небольшие царапины и вмятины, оставленные ей и ее сестрой во время игр в кошки-мышки, когда они бегали и небрежно хлопали дверью. Она положила руку на дверную ручку, размышляя о том, насколько плохая эта идея, поскольку она и так сейчас очень ранима, и делает ли она это, чтобы наказать себя, чтобы причинить себе боль. Но она хотела быть рядом с сестрой. Смерть Шарлотты лишила ее возможности довериться кому-то. Она не могла поговорить с ней о проблемах с мальчиками или трудностях в отношениях. А сейчас она чувствовала, что таким образом максимально сблизится с сестрой. Поэтому она крепко взялась за ручку, повернула ее и переступила порог комнаты, в которой время застыло.

Войти в эту комнату было все равно, что открыть капсулу времени или наткнуться на семейную фотографию. Эмили сразу же поглотила ностальгия. Даже запах комнаты, хоть и скрытый под облаком пыли, вызвал воспоминания и чув-

ства, о которых она забыла. Она не могла сдерживать слезы. Из горла вырвался громкий всхлип, и она прикрыла рот рукой, сделав еще один шаг в комнату, хранившую бесценные воспоминания о ее сестре.

Девочкам отдали самую большую комнату в доме. В одном конце располагалась антресоль, а в другом – панорамные окна с видом на океан. Эмили вспомнила, как заставляла кукол забираться по лестнице на антресоль, представляя, будто это гора, а они – отважные исследователи. Воспоминания о далеком прошлом вызвали печальную улыбку на лице Эмили.

Она ходила по комнате, поднимая вещи, к которым не прикасались почти три десятилетия. Копилка в форме мишки. Пластиковая пони ярко-розового цвета. Глядя на все эти яркие игрушки, которыми она и Шарлотта наполнили комнату, Эмили не смогла сдержать смех. Должно быть, мама сходила с ума при виде того, как они наполнили самую красивую и стильную комнату в доме разноцветными осьминогами. Даже деревянный кукольный домик в углу был обклеен наклейками и покрыт блестками.

В углу комнаты располагался большой встроенный шкаф. Эмили стало интересно, сохранились ли там их наряды принцесс. У них были костюмы всех диснеевских принцесс. Эмили больше всего нравился костюм Русалочки, а Шарлотте – Золушки. Эмили подошла к шкафу и открыла его. Заглянув внутрь, она увидела, что вся одежда Шарлотты по-

прежнему была там, нетронутая с момента ее смерти.

Рассматривая одежду, Эмили вспомнила еще кое-что. Но это воспоминание было более живым, чем те, которые возникали, пока она ходила по комнате. Это воспоминание было реальным, настоящим и опасным. Она оперлась о стену, чтобы устоять на ногах, когда в ее сознании возникла ясная картина того, как рука Шарлотты выскользнула из ее, и ее ярко-красный плащ исчез за серой стеной дождя.

– Нет! – закричала Эмили, понимая, чем закончилась история, и отчаянно желая предотвратить неизбежное, тот момент, когда ее сестра упала в воду и утонула.

Вдруг ее видение прекратилось, и Эмили оказалась в спальне, ее ладони были мокрыми от пота, сердце выскакивало из груди. Она посмотрела вниз и обнаружила, что крепко сжимает в руке рукав того самого плаща; этот узор в горошек ни с чем нельзя было спутать. Должно быть, она схватила его, когда переживала то ужасное воспоминание.

«*Подожди*», – вдруг подумала Эмили, разглядывая крошечный плащ в своей руке.

Она порылась в шкафу и нашла ботинки Шарлотты с божьими коровками.

Эмили всегда считала, что Шарлотта упала в воду и утонула, потому что она отпустила ее руку во время грозы. Но тут были ее вещи. Если только мама не высушила и не постирала их после того, как им вернули тело Шарлотты, а затем не положила их в шкаф с другими вещами, Шарлотта, должно

быть, вернулась в тот день домой целая и невредимая. Может быть, Эмили объединила два разных события в своей памяти? Шарлотта умерла после грозы? От чего-то еще?

В мгновение Эмили выбежала из комнаты и понеслась вниз к мобильному, который лежал на своем привычном месте у входной двери. Она взяла его в руки, пролистала номера в телефонной книге и набрала маму. Послышались гудки.

«Давай же, возьми трубку», – шептала она сама себе, желая, чтобы мама ответила.

Наконец она услышала статический шум, указывающий на соединение, а затем послышался голос мамы, который она не слышала уже несколько месяцев.

– Я все думала, когда же ты позвонишь и извинишься за то, что убежала из Нью-Йорка.

– Мама, – запинаясь, произнесла Эмили. – Я не затем звоню. Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

– Дай угадаю, – сказала мама, вздыхая. – Тебе нужны деньги, верно?

– Нет, – решительно ответила Эмили. – Мне нужно поговорить с тобой о Шарлотте.

На другой стороне провода повисла долгое, тяжелое молчание.

– Нет, не нужно, – наконец ответила мама.

– Нет, нужно, – настаивала Эмили.

– Это было давно, – сказала мама. – Я не хочу копаться в прошлом.

Но Эмили больше не собиралась принимать ее отговорки.

– Пожалуйста, – уговаривала она. – Я не хочу вечно молчать о ней. Я не хочу забывать. У нас нет никого, кроме друг друга.

Услышав эти слова, мама будто смягчилась. Но она оставалась черствой, как обычно.

– Почему ты вдруг решила поговорить о ней?

Эмили прикусила губу, зная, что маме не понравится ответ.

– На самом деле это был папа. Он оставил мне письмо.

– Ох, неужели? – сказала мама с очевидным раздражением в голосе. – Как мило с его стороны.

Эмили старалась не подкреплять злость матери. Она не хотела начинать *эту* старую ссору об ее отце.

– И что там написано о Шарлотте?

Эмили переминалась с ноги на ногу. Даже спустя месяцы вдали от невозмутимой мамы старая потребность в том, чтобы угодить ей, возобновилась, из-за чего Эмили чувствовала неуверенность и волнение. Ей понадобилась много времени, чтобы сформулировать предложение, чтобы вытянуть из себя слова, которые она хотела сказать.

– Ну, он сказал, что в смерти Шарлотты не было моей вины.

На другом конце снова повисла долгая пауза.

– Я не знала, что ты считала, будто это твоя вина.

– А откуда тебе знать? – сказала Эмили. – Мы никогда об

этом не говорили.

– Потому что я не думала, что здесь есть, о чем говорить, – сказала ее мама, оправдываясь. – Она умерла в результате несчастного случая, и на этом все. С какой стати ты решила, что каким-то образом виновата в этом?

Эмили вновь почувствовала, что в голове роятся мысли. Было так непривычно вести этот разговор с мамой после стольких лет молчания и отстраненности. Она почувствовала, как в горле собирается ком, а на глазах выступили слезы.

– Потому что я отпустила ее руку во время грозы, – произнесла она сквозь всхлипывания. – Я потеряла ее, а потом она утонула в океане.

Ее мать громко вздохнула.

– Не в океане, Эмили. Она не так умерла.

Эмили почувствовала, как вокруг нее рушится мир. Все, во что она верила, разбилось вдребезги. Мало того, что Дэниел предал ее доверие, но теперь она не может доверять и собственным воспоминаниям?

– Тогда как она умерла? – спросила Эмили тихим, взволнованным голосом.

– Ты правда не помнишь? – спросила мама, шокированная и сбита с толку. – Эмили, твоя сестра утонула в бассейне. Ни ты, ни гроза, ни при чем.

– В бассейне? – изумленно повторила Эмили.

Но как только слова сорвались с ее губ, на нее обрушился шквал воспоминаний. Она бросила телефон и помчалась в

кабинет отца. Там Эмили взяла связку ключей, найденную в сейфе, со всеми маленькими ключами. Она понеслась через дом, ее громкие шаги встревожили щенков, отчего они злобно залаяли.

Она выбежала через входную дверь, даже не обувшись, и побежала к сараю. Радж убрал упавшее дерево с крыши, поэтому, чтобы попасть внутрь, нужно было лишь пробраться через сломанные доски. Она прошла мимо разрушенной проямочной, мимо коробок, в которых лежали размоченные дождем остатки фотографий Дэниела, затем подошла к двери, которую увидела, когда оказалась здесь впервые, к двери в никуда. Она пробовала один ключ за другим, пока не нашла подходящий, затем провернула его в замке и открыла дверь.

Дверь распахнулась и ударилась о стену, звук от удара эхом разнесся по помещению. Эмили заглянула в новую, неизведанную комнату. И увидела его. Большой пустой бассейн, в котором утонула Шарлотта, после чего жизнь Эмили изменилась навсегда.

Она видела ее теперь, свою маленькую сестричку в пижаме с мишками, лежащую лицом вниз в воде. Воспоминания накрыли ее ураганом.

Родители сказали им, что собираются поставить в летнем домике бассейн. Они с Шарлоттой пытались найти его, заглядывали в разные комнаты в поисках, а затем наконец нашли его в пристройке. Шарлотта тут же захотела поплавать, но Эмили знала, что им не позволят сделать этого без при-

смотра, и напонила младшей сестре, чтобы она не проболталась, что они нашли бассейн. В тот вечер мамы не было дома, а отец уснул на диване. Шарлотта, должно быть, вылезла из кровати, чтобы тайком поплавать. Что-то заставило Эмили проснуться; возможно, непривычная тишина из-за отсутствия Шарлотты, посапывающей рядом на кровати. Она отправилась искать сестру и нашла ее в бассейне. Эмили пришлось будить отца, находящегося в пьяном угаре.

Эмили потрясла головой, почувствовав приступ тошноты. Она отказывалась верить в это. Это было причиной отсутствия ее воспоминаний? Потому что, увидев сестру мертвой, она получила тяжелую психологическую травму, которая вытеснила любые воспоминания? А ее сознание, пытаясь заполнить пробелы, превратило чувство вины, в обвинение?

Дело было не в грозе. Это не было ее виной. Все эти годы она жила под грузом вины, не имевшей оснований, просто потому, что родители научили ее игнорировать проблемы, забывая о неприятных моментах из прошлого. Из-за них она подавляла травму от того, что нашла Шарлотту в бассейне лицом вниз двадцать восемь лет назад, и ее сознание пыталось заполнить пробелы, объяснить отсутствие Шарлотты, выудив воспоминания, которые имели наибольший смысл.

Она действительно не была виновата.

Эмили упала на колени у края бассейна и зарыдала.

Неистовый лай Могси наконец привел Эмили в чувство. Она посмотрела вверх, не понимая, как долго просидела здесь, у бассейна, всматриваясь в пустоту, но когда она встала и вернулась в сарай, небо, которое виднелось через дырку в крыше, уже было темным. Мерцали звезды, а луна была мутной. Вдруг Эмили поняла, что ее плохо видно из-за дыма. Принюхавшись, она поняла, что что-то горит.

Испугавшись, Эмили выбежала из сарая и побежала по газону. Из окна кухни валил дым. Изнутри дома доносился лай Могси и щенков.

– О боже, нет, – закричала она вслух, когда бежала по траве.

Добравшись до двери в кухню, она потянулась к ручке, как вдруг какая-то сила помешала ей. Эмили замерла и подняла глаза. Это был Дэниел, внезапно возникший из ниоткуда.

– Ты сделал это? – кричала она, испуганная, что он устроил поджог из мести.

Дэниел уставился на нее в ужасе от обвинения.

– Если откроешь дверь, создашь тягу. Пламя вырвется наружу. На тебя. Я тебе жизнь спасаю!

Эмили слишком паниковала, чтобы почувствовать вину. Все, о чем она могла думать, это то, что дом горит, а щенки заперты внутри, и их лай эхом раздастся в ее голове. Через

окно кухни виднелись прыгающие рыжие языки пламени.

– Что делать? – кричала она, от паники хватаясь за волосы не в силах сообразать.

Дэниел бросился к шлангу, прикрепленному к углу дома для полива газона. Он повернул ручку, и из него хлынула вода. Затем он локтем разбил окно в двери кухни и уклонился от пламени, вырвавшегося к источнику кислорода над его головой. Дэниел просунул шланг в окно и начал тушить пламя водой.

– Беги в сторожевой домик, – крикнул он Эмили. – Вызови пожарных.

Эмили не могла верить, что это происходит. В голове носились мысли, она была растеряна и напугана. Дом горел. После всех усилий, которые они приложили для его ремонта, все в буквальном смысле было охвачено огнем.

Она добралась до сторожевого домика и распахнула дверь. Взяв телефон, она кое-как смогла набрать 9-1-1.

– Пожар! – прокричала она после соединения с оператором экстренной службы. – Уэст Стрит.

Передав информацию, Эмили помчалась обратно к дому. Дэниела нигде не было, а дверь была широко открыта. Она поняла, что он внутри.

– Дэниел! – закричала она, охваченная ужасом. – Где ты?

В этот момент Дэниел появился сквозь дым с корзинкой скулящих щенков и Могси, бежавшей за ним.

Эмили упала на колени и заключила щенков в объятия,

чувствуя облегчение, что они в порядке. Они все были в саже. Она взяла Рейн и вытерла пепел с его глаз, а затем проделала то же самое с остальными. Могси лизала ей лицо и виляла хвостиком, будто понимала опасность ситуации.

В этот момент Эмили заметила в окне отражение мерцающих фар. Обернувшись, она увидела, как по обычно спокойной улице несется пожарная машина с сиреной. Она подъехала прямо к дому, и пожарные выпрыгнули из нее, тут же взявшись за дело.

– Внутри кто-то есть? – спросил один из них.

Она покачала головой и, не в силах сказать ни слова, наблюдала, как они выбили дверь в кухню и ворвались внутрь.

Дэниел нерешительно подошел к ней. Она посмотрела на него, на его волосы, припорошенные пеплом, и испачканную сажей одежду.

– Я только починил чертову дверь, – сказал он.

Из горла Эмили вырвалось нечто среднее между всхлипыванием и смехом.

– Спасибо, что пришел, – тихо произнесла она.

Дэниел лишь кивнул. Они повернулись к дому и молча смотрели, как облако дыма превращается в тонкую струйку.

Через несколько минут из дома появились пожарные. Главный подошел к Эмили.

– Что случилось? – спросила она.

– Кажется, у вас был неисправный тостер, – ответил он, показывая искореженный предмет.

– Дом сильно пострадал? – напряглась она, готовясь к неутешительным новостям.

– Только повреждение дымом от расплавленного пластика. Нужно проветрить помещение: дым токсичен.

Эмили почувствовала такое облегчение, услышав, что дом лишь немного пострадал от повреждения дымом, что обвила руками шею пожарного.

– Спасибо! – воскликнула она. – Большое вам спасибо!

– Я просто делаю свою работу, Эмили, – ответил он.

– Подождите, откуда вы знаете, как меня зовут? – ошеломленно спросила Эмили.

– От отца, – ответил пожарный. – Вы ему очень нравитесь.

– А кто ваш отец?

Берк с заправки. Я Джейсон, его старший сын. В следующий раз, когда будете устраивать вечеринку, пригласите и меня, ладно? Мне кажется, отцу никогда в жизни не было так весело, как в тот вечер. Если вы и вправду такая хорошая хозяйка, я тоже хочу прийти.

– Обязательно, – ответила Эмили, слегка пораженная событиями этого вечера и тем, что все в этом маленьком городе знают друг друга.

Эмили и Дэниел наблюдали, как уехала машина, а затем вошли в дом, чтобы оценить ущерб. За исключением вони, черного пятна, поднимающегося по стене и расплавленного квадрата на кухонном столе, кухня в целом выглядела нормально.

– Я могу заплатить за разбитое окно, – сказал Дэниел.

– Не говори глупостей, – ответила Эмили. – Ты помогал.

– Это едва ли можно назвать пожаром. Я слишком бурно отреагировал. Просто боялся, что Могси с щенками задохнутся от дыма.

Он поднял Могси и почесал ей за ухом, а она в знак благодарности лизнула его нос.

– Ты все сделал правильно, – добавила она. – Огонь распространяется быстро. С помощью шланга ты не допустил этого.

Она посмотрела на Дэниела, который склонил голову и ссутулился.

– Почему ты вернулся? – спросила она.

Дэниел прикусил губу.

– Ты не дала мне возможности объясниться. Я хотел восстановить доброе имя.

После всего, что он для нее сделал, Эмили была перед ним в долгу.

– Хорошо. Давай. Восстанови репутацию.

Дэниел приставил стул и сел за кухонный стол.

– Дэшиел – это имя, данное мне при рождении, – начал он. – Но так же звали и моего отца. Меня называли в его честь. Я официально сменил его, когда ушел из его дома, потому что не хотел стать нищим алкоголиком, как он.

Эмили заерзала от дискомфорта. Ее отец тоже часто выпивал. Это была еще одна общая деталь для нее и Дэниела?

– Эти люди в городе, – продолжил Дэниел. – Они помнят меня, как Дэшиела, потому что хотят видеть меня плохим. Они хотят, чтобы я стал таким. Стал плохим.

Он покачал головой. Эмили вжалась в стул от смущения.

– А что насчет женщин?

Он пожал плечами.

– У всех нас есть прошлое, правда? Не думаю, что мои прошлые отношения, были чем-то необычным для молодого парня в наше время. Эти женщины, вероятно, насторожены потому, что я так и не женился, понимаешь? Они думают, что я донжуан, потому что я встречался с девушками, у меня были длительные отношения, но я так и не остепенился. Я не святой, Эмили. У меня есть бывшие. Но, думаю, ты бы больше удивилась, если бы не было!

– Верно, – сказала она, раскаиваясь еще больше. – Прости, что пошла у них на поводу. Что позволила им убедить меня, что ты плохой.

– Теперь ты видишь, что это не так? Что я не человек, из-за которого люди попадают в больницы? Что я не тот, кто боится ответственности и сбегает? Не тот, кто задушивает тебе голову любовными штучками и поджигает твой дом?

Когда Дэниел произнес это вслух, все и правда звучало, как бред.

– Теперь я вижу, – робко сказала она.

– И ты ЗНАЕШЬ, кто я. Я тот парень, который однажды сидел и выхаживал щенка в грозу. Который отвел тебя в тай-

ный розовый сад теплым весенним днем. Который купил тебе сладкую вату. Который целовал тебя и занимался с тобой любовью.

Она потянулась к ее руке. Эмили взглянула на его открытую и притягательную ладонь, и положила в нее свою, их пальцы переплелись.

– Не забывай также, что ты тот парень, который спас меня от огненного ада, – добавила она.

Дэниел улыбнулся и кивнул.

– Да, я и тот парень тоже. Парень, который никогда не обидит тебя.

– Хорошо, – сказала Эмили.

Она наклонилась и нежно его поцеловала.

– Потому что мне нравится тот парень.

Глава семнадцатая

В ту ночь Эмили и Дэниел вновь разожгли свои чувства, вся драма минувшего дня затерялась между простыней, прощение вылилось в ласки, а обиды были сняты поцелуями.

С наступлением утра, пробившегося сквозь шторы светом яркого летнего солнца, они оба проснулись.

– Наверное, я не смогу приготовить тебе завтрак, – сказал Дэниел. – Тостер взорвался.

Эмили простонала и плюхнулась головой обратно на подушку.

– Пожалуйста, не напоминай.

– Ладно тебе, – сказал Дэниел. – Пошли позавтракаем у Джо.

Он вскочил с кровати и натянул джинсы, а затем протянул руку Эмили.

– Мы можем еще немного поспать? – ответила Эмили. – У нас был очень утомительный вечер, если ты забыл.

Дэниел покачал головой. Он казался слишком уж энергичным для такого раннего времени.

– Я думал, ты хочешь открыть гостиницу, – воскликнул он. – Тебе не удастся долго валяться в постели, когда будешь хозяйкой.

– Именно поэтому мне нужно поваляться сейчас, – ответила Эмили.

Дэниел вытащил ее из постели, что заставило Эмили за- смеяться, и усадил ее на табуретку у комода.

– Кажется, ты уже встала, – сказал Дэниел, хитро улыба- ясь. – Теперь уж придется одеться.

Как только она оделась, Дэниел повез ее к Джо. Они зака- зали кофе и вафли, а затем принялись рассчитывать финан- сы Эмили. Она всегда боялась остаться на мели, и если она действительно решила открыть гостиницу, придется исполь- зовать все ее сбережения. В ход пойдет все, что она отложила на три месяца. Если что-то пойдет не так, она останется ни с чем. Список вещей, которые нужно купить, вселял ужас. Начиная со смехотворно дорогих вещей, таких как ремонт витражного стекла в бальном зале, и заканчивая недороги- ми, такими как замена взорвавшегося тостера, Эмили не бы- ла уверена, что может себе это позволить.

Она отложила ручку.

– Слишком много, – сказала она. – Слишком дорого.

Дэниел взял ручку и вычеркнул самый дешевый пункт – тостер.

– Зачем ты сделал это? – спросила Эмили, нахмурившись.

– Потому что после завтрака я зайду в универмаг и куплю тебе новый, – сказал он.

– Ты не обязан делать это.

– Ты права. Я хочу.

– Дэниел, – предупредительным тоном произнесла она.

– У меня есть сбережения, – ответил он. – И я хочу помочь

тебе.

– Но я должна продать антиквариат, прежде чем ты пойдешь ради меня на жертвы.

– Ты правда этого хочешь? – спросил Дэниел. – Продать сокровища своего отца?

Она покачала головой.

– Нет. Они слишком дороги мне в эмоциональном плане.

– Тогда позволь мне помочь, – он сжал ее ладонь. – Это просто тостер.

Она знала, что Дэниел не может быть сильно богат. Хотя сторожевой домик и был оформлен со вкусом, он жил там на протяжении двадцати лет и не платил за аренду. Он не получал денег за работу на территории и, скорее всего, иногда подрабатывал, выполняя ремонтные работы, чтобы заработать на топливо и продукты, и дрова для котла. Хотя ей было неудобно, что Дэниел потратит свои сбережения, она кивнула.

– И кто знает, – сказал Дэниел, – возможно, жители города смогут помочь. Мой друг Джордж сказал, что придет и посмотрит, можно ли починить витражное стекло.

– Правда?

– Конечно. Людям нравится помогать другим. А еще им нравятся деньги. Может быть, кто-то из местных захочет вложиться в твое дело.

– Может быть, – сказала Эмили. – Хотя у них нет на то причин.

Дэниел пожал плечами.

– У Раджа не было причины пилить упавшее дерево, но он все равно это сделал. Некоторые люди просто любят помогать.

– Но у кого в этом городе есть деньги?

– Как насчет Рико? – предположил Дэниел, отпивая кофе. – Уверен, у него куча денег.

– Рико? – воскликнула Эмили. – Он даже имени моего не помнит.

Она вздохнула, чувствуя смущение и волнение.

– По правде говоря, единственный, у кого есть деньги, это Тревор Манн. И мы знаем, как он относится ко мне.

– Наверное, хуже, чем раньше, после полуночного приезда пожарных.

Эмили тяжело вздохнула, и Дэниел сжал ее ладонь в знак поддержки.

– Не стану лгать, Эмили, – сказал он. – Это большой риск. Но я рядом, чтобы помочь, и я уверен, что все жители города тоже готовы. Делай то, что считаешь правильным, и знай: что бы ты ни решила, ты не одна.

Эмили улыбнулась и нежно погладила пальцами его руку, вдохновленная его словами.

– Если бы кто-то инвестировал в твое дело, – сказал он, – что бы ты сделала с домом в первую очередь?

Эмили долго и напряженно обдумывала ответ.

– Я бы хотела новую стойку регистрации. В холле сейчас

как-то пусто.

– Правда? – спросил Дэниел. – А что бы ты выбрала, гипотетически, если бы деньги не были проблемой?

– Ну, я бы на самом деле выбрала изготовленную на заказ, – сказала Эмили, взяв в руки телефон и начав искать в Google и eBay.

– Что-то вроде этого, – сказала она, показывая чудесную стойку в стиле «ар деко».

Дэниел присвистнул.

– Довольно неплохо.

– Ага, – сказала Эмили, – И посмотри на цену. Превышает мой бюджет на добрых тысячу долларов.

Затем она посмотрела на Дэниела и ухмыльнулась.

– Но если ты когда-нибудь не будешь знать, что подарить мне на день рождения... – она отложила телефон и вздохнула. – В любом случае, я слишком забегаю наперед. У меня еще даже разрешения нет.

– Я уверен, ты его получишь, – сказал Дэниел.

Затем он вдруг встал, оставив тарелку.

– Пошли, – сказал он.

– Куда мы идем? – спросила Эмили.

– К Рико. Пойдем посмотрим, есть ли у него что-нибудь, что может тебя заинтересовать.

Эмили не хотелось возвращаться к Рико, частично потому что дом был более менее укомплектован, и частично из-за вчерашнего неприятного опыта. Мысль о том, чтобы вер-

нуться туда, заставляла ее нервничать, и она не хотела снова пережить тот момент. Но, поскольку с ней был Дэниел, возможно, все будет не так уж и плохо.

– Мы буквально исчерпали мой бюджет. У меня нет денег, чтобы покупать все, что захочется, – запротестовала она.

– Ты знаешь, как оно у Рико. Среди всякого хлама можно найти настоящие сокровища.

– Сомневаюсь, – ответила Эмили.

Она практически обыскала каждый сантиметр в этом месте. Но мысль о том, чтобы пойти за покупками с Дэниелом, на шаг приблизиться к мечте, слишком манила ее, чтобы упустить такую возможность. И Эмили решила, что неважно, что там говорят местные, она справится. Она еще раз заглянула в свой блокнот, расписанный фактами и цифрами, и захлопнула его.

– Пошли, – сказала она.

*

– Это не любимая ли моя парочка, – сказала Серена, увидев, как Эмили и Дэниел зашли на барахолку.

Сегодня она была особенно прекрасна в цветочном сарафане, как всегда заляпанном разноцветными красками. Она по очереди поцеловала их в щеку.

– Как там гостиница?

– Прекрасно, – сказал Дэниел, приобнимая Эмили. – Эми-

ли очень постаралась.

Эмили улыбнулась, и Серена подмигнула ей.

– Так она готова? – спросила она. – Когда торжественное открытие? Ты устроишь еще одну вечеринку? Тушенная говядина была такой вкусной. О, пока я помню, можешь дать мне рецепт? Я хочу отправить его маме.

– Ты рассказала маме о моей тушеной говядине?

– Я рассказываю маме обо всем, – сказала Серена, приподнимая бровь.

В этот момент из подсобки появился Рико. Он выглядел слабее, чем обычно, морщины на его лице были глубже.

– Привет, Рико, – сказала Эмили.

– Привет, – сказал Рико, взяв Эмили за руку и пожав ее. – Рад тебя видеть.

– Это Эмили, – напомнила ему Серена. – Помнишь? Мы ходили к ней на ужин.

– Ах, – сказал Рико. – Ты та юная леди с гостиницей, да?

– Ну, пока еще нет, – сказала Эмили с улыбкой. – Но я надеюсь открыть ее, да.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказал Рико.

Эмили, Дэниел и Серена переглянулись.

– Правда? – ошеломленно спросила Эмили.

– Да-да, я отложил это для тебя. Сюда, – Рико поковылял по коридору. – Пошли.

Пожав плечами, Серена последовала за ним, Дэниел и Эмили поплелись следом с одинаковым замешательством на

лице. Рико провел их через дверь в огромную темную комнату. Там была габаритная мебель, накрытая множеством покрывал. Выглядело мрачно, словно кладбище мебели.

– Что происходит? – прошептала Эмили Серене, сперва подумав, что Рико окончательно спятил.

– Понятия не имею, – ответила Серена. – Я никогда здесь не была.

Она осмотрелась вокруг с недоумением и интересом.

– Что это за вещи, Рико?

– Хм? – промолвил старик. – Это всего лишь вещи, слишком большие для магазина и слишком особенные, чтобы продавать их кому попало.

Он подошел к огромному покрывалу, скрывавшему что-то большое и прямоугольное, и заглянул под него.

– Да, вот она, – сказал Рико сам себе.

Он потянул за старое пыльное покрывало. Эмили, Дэниел и Серена бросились на помощь, схватившись за края.

Из-под покрывала появилась мраморная поверхность. Когда оно полностью спало, под ним оказалась стойка регистрации из темного дерева с мраморным покрытием. Она выглядела солидной и крепкой – именно такую и искала Эмили.

Эмили ахнула и осмотрела ее со всех сторон, обнаружив на другой стороне небольшой диван, обитый красным велветом и прикрепленный к конструкции. Это был чудесный, уникальный дизайн.

– Она идеальна, – сказала она.

– Раньше она стояла в большом холле, – сказал Рико.

– В каком холле? – спросила Эмили.

– В холле гостиницы.

Эмили раскрыла рот от удивления.

– Моей гостиницы? Она откуда?

– О да, – ответил Рико. – Она очень нравилась твоему отцу. Ему даль было расставаться с ней, но в доме было недостаточно места. К тому же, он не хотел поступать с ней несправедливо. Он хотел, чтобы кто-то использовал ее по назначению. Поэтому отдал ее мне, когда купил дом, в надежде, что я найду покупателя.

Он постучал по мраморной плите.

– Но никого она не заинтересовала.

Эмили всегда удивлялась, когда Рико говорил о прошлом. Казалось, он досконально помнит определенные события, но абсолютно не помнит о других. И по счастливой случайности он запомнил это, а оригинальная стойка регистрации как раз пришлась Эмили по вкусу.

Но радость была недолгой, и ее настроение быстро переменялось. Такая вещь явно стоит дороже, чем она может себе позволить.

– И сколько она стоит? – спросила она, готовясь к разочарованию.

Рико покачал головой.

– Нисколько. Я хочу, чтобы ты ее взяла.

Эмили ахнула.

– Взяла? Я не могу. Она, должно быть, стоит целое состояние! – она была ошеломлена.

Пожалуйста, – настаивал Рико. – Я не смог продать ее за тридцать пять лет. И того, как озаряется твое лицо, когда ты смотришь на нее, для меня достаточно. Я хочу, чтобы ты взяла ее.

Охваченная Эмоциями, Эмили обвила руками шею Рико и поцеловала его в щеку.

– Спасибо, спасибо, спасибо! Вы не представляете, сколько это для меня значит. Я возьму ее, но как только соберу достаточно денег, я заплачу, хорошо?

Он похлопал ее по руке.

– Как скажешь. Я просто рад видеть, что она наконец окажется там, где ее ценят.

Глава восемнадцатая

– Просыпайся, – прошептал Дэниел Эмили на ушко.

Она перевернулась и взяла у него из рук чашку кофе, вдруг заметив, что Дэниел уже одет.

– Ты куда?

– У меня сегодня есть кое-какие дела, – ответил он.

Эмили осмотрелась и поняла, что солнце только взошло.

– Кое-какие? Какие это?

Он взглянул на нее.

– Секрет. Но не такой секрет, как «на самом деле меня зовут Дэшиел». Не стоит волноваться, – он поцеловал ее в макушку.

– Что ж, это обнадеживает, – саркастичным тоном подметила Эмили.

– В любом случае, – сказал Дэниел, – я бы только мешал тебе.

– Почему? – спросила Эмили, сонно глядя на него.

Дэниел поднял брови.

– Только не говори мне, что забыла.

– О боже! – ахнула Эмили. – Городское собрание. Оно же сегодня, верно?

Дэниел кивнул.

– Ага. И, кажется, у кого-то встреча с Синтией в семь утра. А уже шесть сорок пять.

Эмили вскочила на ноги.

– Ты прав. О боже. Нужно одеваться.

Хоть Эмили и была благодарна Синтии за предложение обсудить гостиницу, она была не очень рада тому, что женщина настояла на столь ранней встрече.

– Смотри, как взбодрилась, – хихикнул Дэниел.

Он допил кофе и взял куртку.

– Только не забудь о собрании, ладно? – сказала Эмили. –

В семь вечера в мэрии.

Дэниел улыбнулся.

– Я приду. Обещаю.

*

Синтия пришла с двумя пуделями на поводке. На ней было длинное платье цвета фуксии, которое ужасно смотрелось в сочетании с ее рыжими волосами.

– Доброе утро, – воскликнула Эмили, помахав ей рукой у двери.

– Привет, милая, – сказала Синтия.

Казалось, она очень спешила.

– Спасибо, что встретила со мной, – добавила Эмили, когда женщина подошла ближе. – Хочешь кофе?

– О, было бы чудесно, – сказала Синтия.

Эмили провела ее в кухню и налила им по чашке кофе из чайника, который все еще стоял на огне. В этот момент

Могси прыгнула на стеклянную дверь, разделяющую кухню и кладовку. Синтия подошла к ней и посмотрела через стекло.

– Не знала, что у тебя щенки, – прокричала она. – Они просто прелестны!

– Мама была дворнягой, – сказала Эмили. – Я не знала, что она беременна, а потом внезапно пять щенков.

– Ты уже нашла им дом? – спросила Синтия, сюсюкая с ними через стекло.

– Еще нет, – ответила Эмили. – То есть пока щенки еще очень маленькие, чтобы отлучать их от мамы. И я не могу выкинуть ее на произвол судьбы. Поэтому пока что они мои.

– Что ж, как только они перестанут сосать молоко, я буду рада взять у тебя одного. Джереми сдал вступительные экзамены в Сент Метью, и я хочу сделать ему подарок по этому поводу.

– Ты возьмешь одного? – спросила Эмили, чувствуя облегчение. – Это было бы чудесно.

– Конечно, – ответила Синтия, сжимая руку Эмили. – Мы заботимся друг о друге в этом городе. Хочешь, я поспрашиваю? Может, кому-то еще нужна собака?

– Да, это было бы здорово, спасибо, – ответила Эмили.

Эмили накормила собак, а затем женщины уселись за стол.

– А теперь, – сказала Синтия, доставая папку. – Я возьму на себя смелость вручить тебе несколько форм, которые

необходимо заполнить. Это бытовые вопросы.

Она положила перед Эмили голубую бумажку. Затем розовую.

– Газ.

Наконец она положила на стол желтую бумажку.

– Сточные воды и канализация.

Эмили смотрела на формы с тревогой. Что-то во всей этой официальности заставило ее почувствовать себя неподготовленной.

Но Синтия не закончила. У меня также есть несколько визиток для тебя. Имена и телефоны некоторых парней с хорошей репутацией. Они все сделают на высшем уровне. Когда-то я сама пользовалась их услугами. Хорошие парни, лучшие. Я бы им и жизнь свою доверила.

Эмили взяла визитки и положила в карман.

– Что-нибудь еще?

– Тревор доставит тебе проблем. Он знает название любого закона, который возможно нарушить. Убедись, что знаешь, что делаешь, в юридическом и логистическом смысле, и все будет в порядке.

Эмили сглотнула. Ей было тревожно, как никогда.

– А я думала, что искренней речи будет достаточно.

– О, не пойми меня неправильно, – воскликнула Синтия, взмахнув рукой с ярко-розовыми ногтями, больше напоминающими когти. – Твоя речь – уже девяносто процентов успеха. Просто не позволяй Тревору обойти тебя с оставши-

мися десятью.

Она похлопала по бумажкам на столе.

– Знай свое дело. Выступай уверенно.

Эмили кивнула.

– Спасибо, Синтия. Я правда ценю то, что ты уделила время, чтобы поговорить со мной об этом.

– Без проблем, дорогая, – ответила Синтия. – Мы в этом городе заботимся друг о друге.

Она встала, и пудели также подскочили на лапы.

– Увидимся позже. В семь вечера?

– Ты придешь на собрание? – удивленно спросила Эмили.

– Конечно, приду! – она похлопала Эмили по плечу. – Мы все придем.

– Все? – нервно спросила Эмили.

– Все, кому есть дело до тебя и гостиницы, – ответила Синтия. – Мы ни за что это не пропустим.

Эмили провела Синтию до двери, чувствуя одновременно благодарность и волнение. То, что жители города хотят поддержать ее, не могло не радовать. Но то, что все они будут смотреть на нее, и риск опозориться перед ними, приводил Эмили в ужас.

*

Чуть позже тем вечером, когда Эмили наводила последние штрихи в своем образе, раздался звонок в дверь. Она на-

хмурилась, удивившись, кто это может быть, и направилась к двери. Открыв ее, она опешила.

– Эми?! – воскликнула Эмили. – О боже!

Она крепко обняла подругу. Эми обняла ее в ответ.

– Заходи, – сказала Эмили, открывая дверь шире.

Она быстро взглянула на часы. У нее оставалось время поговорить с Эми, прежде чем нужно будет идти на городское собрание.

– Ухты, – сказала Эми, оглядываясь по сторонам. – Этот дом больше, чем я ожидала.

– Да, он огромный.

Эми поморщила нос и принюхалась.

– Это дым? Пахнет горелым.

– О, это долгая история, – сказала Эмили, отмахиваясь.

В этот момент из кладовки донесся лай щенков.

– У тебя есть собака? – опешив, спросила Эми.

– Собака и пятеро щенков, – сказала Эмили. – Это еще одна долгая история.

Она снова взглянула на часы.

– Так что ты здесь делаешь, Эмс?

Выражение лица Эми потускнело.

– Что я здесь делаю? Я приехала увидеть мою лучшую подругу, которая пропала с радаров три месяца назад. Это я должна спрашивать, что *ты* делаешь *здесь*. И каким образом твои выходные затянулись на две недели, а потом и вовсе на *полгода*. И я уже молчу о сообщении, в котором ты пишешь,

что подумываешь открыть свое дело!

Эмили услышала нотку высокомерия в голосе подруги.

– А что такого странного в том, что я открываю свое дело? Думаешь, у меня не получится?

Эми закатила глаза.

– Это не то, что я имела в виду. Я лишь говорю, что, кажется, все здесь происходит слишком быстро. Мне кажется, ты здесь окопалась. У тебя шесть собак!

Эмили покачала головой, чувствуя себя немного опустошенной, а также атакованной.

– Это бродячая собака и ее щенки. Я не окопалась, я лишь экспериментирую. Пробую новое. Наконец-то наслаждаюсь жизнью.

Теперь пришел черед Эми глубоко вздохнуть.

– И я рада за тебя, правда. Я думаю, это здорово, что ты наслаждаешься жизнью, ты правда заслуживаешь этого после всей этой истории с Беном. Я просто думаю, что, возможно, ты не до конца все обдумала. Открыть собственное дело – это непросто.

– Но у тебя же получилось, – напомнила ей Эмили.

Эми занималась парфюмерным бизнесом с тех пор, как закончила школу, продавая товары через интернет. Поначалу ей приходилось не спать ночами и работать без выходных, чтобы заработать достаточно денег, но сейчас ее бизнес процветал.

– Ты права, – сказала Эми. – Получилось. Но это было

непросто.

Она потерла пальцами виски.

– Эмили, ты правда хочешь этого? Ты можешь хотя бы ненадолго вернуться в Нью-Йорк, обдумать все как следует? Составишь бизнес-план, обсудишь с банком займ, найдешь бухгалтера, который поможет тебе со счетами? Я могу научить тебя. А потом, если действительно будешь уверена, что приняла правильное решение, ты всегда сможешь вернуться сюда.

– Я уже знаю, что приняла правильное решение, – сказала Эмили.

– Откуда? – воскликнула Эми. – У тебя нет опыта! Ты можешь буквально возненавидеть это! И что потом? Потратишь все свои деньги. У тебя не будет, на что жить.

– Знаешь, я ожидала такого от матери, Эми, но не от тебя.

Эми тяжело вздохнула.

– Сложно поддержать эту идею, когда ты полностью вычеркнула меня из жизни. Я не хочу ссориться с тобой, Эмили. Я приехала, потому что скучаю по тебе. И я волнуюсь. Этот дом? Это не ты. Неужели тебе здесь не скучно? Неужели ты не скучаешь по Нью-Йорку, по мне?

У Эмили кольнуло в груди, когда она услышала горечь в голосе Эми. Но в то же время часы на стене говорили, что пора выходить. Скоро начнется городское собрание, на котором решится ее судьба. Ей нужно быть там, и нужно быть собранной.

– Извини, – кратко сказала Эми, увидев, что Эмили постоянно поглядывает на часы. – Я отрываю тебя от чего-то?

– Нет, конечно же, нет, – сказала Эмили, взяв Эми за руку. – Просто мы можем поговорить об этом позже? У меня сейчас много мыслей в голове, и...

– Раньше мои неожиданные визиты не были проблемой, – проворчала Эми.

– Эми, – предупредительным тоном произнесла Эмили. – Ты не можешь врываться в мою жизнь, заявлять, что я живу неправильно, и надеяться, что я хорошо это приму. Я рада тебя видеть, правда. И можешь оставаться так надолго, как захочешь. Но прямо сейчас мне нужно на городское собрание.

Эми приподняла бровь.

– Городское собрание? Ради бога, Эмили, послушай себя! Собрания для скучных провинциальных городков. Это не ты.

У Эмили лопнуло терпение.

– Нет, ты ошибаешься. Та девушка из Нью-Йорка? Это была не я. Это была глупая женщина, повсюду следующая за Беном, как преданный пес, ожидая, пока он решит, что она достаточно хороша, чтобы жениться на ней. Я даже не помню того человека, которым была. Разве ты не видишь, это я. Где я, кто я, все это ощущается более правильным, чем когда-либо в Нью-Йорке. И если тебе это не нравится, или если ты хотя бы не можешь поддержать меня, разговор

окончен.

Эми раскрыла рот от удивления. За все годы их дружбы они никогда еще так не ссорились. Эмили никогда не повышала голос на свою самую давнюю, самую старую подругу.

Эми крепко прижала сумку к груди, затем достала оттуда пачку сигарет. Ловким движением она достала сигарету из пачки и взяла ее губами.

– Хорошо тебе провести время на собрании, Эмили.

Она вышла из дома и направилась в сторону припаркованного Мерседеса. Эмили наблюдала за тем, как она уезжает, чувствуя нарастающее сожаление внутри.

Затем она пошла к своей машине, завела ее и направилась вниз по улице к мэрии, целеустремленная, как никогда.

Глава девятнадцатая

Мэрия Сансет-Харбор представляла собой формальное, но в то же время причудливое здание из красного кирпича. Снаружи на газоне стояли невысокие деревья и винтажный деревянный знак с золотыми тиснеными буквами. Поднимаясь по ступенькам и в спешке едва не роняя бумаги, Эмили практически чувствовала пристальный взор основателей города, наблюдавших за ней.

Ворвавшись через двойные двери, она помчалась к стойке регистрации, и сидящая за ней женщина приветливо ей улыбнулась.

– Здравствуйте, я опаздываю на собрание, – сказала Эмили, перебирая бумаги в поисках письма, в котором был указан кабинет, где проводилось собрание. – Я не помню, в каком оно кабинете. Это касательно дома на Уэст Стрит.

– Вы, должно быть, женщина с гостиницей, – сказала секретарь с понимающей улыбкой. – Вот ваш бейдж. Собрание перенесли в основной зал в связи с очень высоким интересом. Просто пройдите в двойные дверь справа.

– Спасибо, – сказала Эмили, прикрепляя бейдж к платью и думая о том, что значит «высокий интерес».

Она подошла к двойным дверям, на которые указала женщина, и распахнула их. Увидев, что комната набита людьми, Эмили опешила. На обсуждение пришло очень много мест-

ных жителей. Она заметила чету Патель, Джо из закускойной, супругов Бредшоу и Карен из магазина. Очевидно, вопрос гостиницы в ее доме волновал большее количество людей, чем она предполагала.

Когда она увидела впереди Дэниела, в груди потеплело. Он пришел. Он не подвел ее в этот раз. Люди поворачивали головы, глядя, как она поспешила к нему и села рядом. Он сжал ее колено и подмигнул.

– У тебя все получится, – сказал он.

В тот момент Эмили заметила Тревора Манна в следующем проходе, который смотрел на нее с презрительной усмешкой и приподнятой бровью. Она сузила глаза в ответ на его холодный взгляд.

К счастью, она пропустила только первые пять минут собрания. Мэр как раз заканчивал представлять людей из комиссии и объявлять повестку дня.

– Итак, – сказал он, указывая на Эмили и Тревора, – я даю вам слово. Ваши аргументы.

Тревора не медлил ни секунды. Он вскочил на ноги и повернулся к аудитории.

– Я живу на участке за этим домом, – начал он. – И я абсолютно против того, чтобы там открывали гостиницу. В городе достаточно гостиниц, нам не нужна еще одна на такой тихой жилой улице, как Уэст Стрит. Это значительно нарушит мой привычный образ жизни.

– Ну, – сказала Эмили тонким голоском, – собственно го-

вора, вы не живете там. Это ваш второй дом, верно?

– Собственно говоря, – прошипел Тревор, – это вообще не ваш дом.

– Туше, – пробормотала Эмили, понимая, что Тревор Манн не собирался ничего упустить и готов использовать грязные приемы, если понадобится.

Она вжалась в сидение, чувствуя собственное поражение, слушая его голос, отчеканивающий статистику шумового загрязнения, увеличения количества мусора, туризма и того, как местных вытесняют с рынка в связи с повышением цен именно из-за «такого». Эмили пыталась вставить слово, но Тревор не давал ей такой возможности. Она почувствовала себя, словно рыба, открывающая и закрывающая рот.

В конце концов, – сказал Тревор Манн, – мы имеем дело с неопытной женщиной, которая не знает основ ведения бизнеса. Я бы не хотел, чтобы участок перед моим домом использовался для ее небольшого престижного проекта.

Он ликующе сел на место, ожидая услышать аплодисменты или звуки поддержки. Вместо этого повисла оглушительная тишина.

– Теперь вы позволите бедной женщине сказать слово? – спросила доктор Патель.

В зале послышались одобрительные возгласы. Эмили была рада, что местные жители поддерживают ее. Впервые она почувствовала, что обзавелась здесь настоящими друзьями, которые ей так были нужны в виду недавней ссоры с

Эми. Вспомнив об Эми, Эмили почувствовала, что волнение внутри нарастает.

Она встала, почувствовав, что взгляды всех присутствовавших прикованы к ней. Прочистив горло, она начала.

– В первую очередь, я хочу, чтобы вы все знали, что я тронута тем, что вы пришли. Думаю, можно с уверенностью сказать, что я была не очень популярна, когда приехала сюда. Я была замкнутой и проявляла скептицизм. Но в этом городе я увидела столько любви, столько тепла, щедрости и дружбы. Благодаря вам я полюбила это место и всех вас. Я чувствую то же, что чувствовала, приезжая сюда маленькой девочкой. Вы все стали мне как родители, наставники, вы помогли мне вырасти и стать женщиной. Я не стремлюсь к богатству. Я просто хочу иметь возможность жить в этом городе и найти способ прокормить себя. Я хочу получить возможность восстановить дом моего отца, который так много для него значил. Я не готова уезжать. И я также хочу вернуть свой долг этому сообществу.

Эмили заметила в комнате ободряющие улыбки. Некоторые из присутствующих даже вытирали слезы салфетками. Она продолжила.

– Дом на Уэст Стрит принадлежал моему отцу. Многие из вас были с ним знакомы. Я полагаю, учитывая те теплые истории о нем, которые я слышала от вас, что он был почитаемым членом этого сообщества, – она почувствовала, как эмоции душат ее. – Я скучаю по отцу. Думаю, вы тоже по

нему скупаєте. Я чувствую, что, восстанавливая дом, я отдаю ему должное. А открыв там гостиницу, которой он когда-то был, мы отдадим должное городу, который он так любил. Все, что я прошу, это позволить мне оказать ему честь, оказать вам честь.

Комната вдруг наполнилась аплодисментами. Эмили была счастлива благодаря людям, окружавшим ее, благодаря любви и заботе, которые они проявили, как только она открылась им.

Прежде чем шум аплодисментов утих, Тревор Манн уже вскочил на ноги.

– Очень трогательно, мисс Митчелл, – сказал он. – И очень мило, что вы хотите вернуть свой долг сообществу. Но я должен еще раз подчеркнуть, что вы до ужаса неопытная, чтобы справиться с таким огромным домом, не говоря уже об открытии гостиницы.

Началось. Это была война. И Эмили была готова к ней.

– Вопреки убеждениям мистера Манна, – сказала она, – я не неопытная. Я работала над домом на протяжении нескольких месяцев, и за это время я полностью преобразила его.

– Ха! – воскликнул мистер Манн. – Только вчера она взорвала тостер.

Эмили игнорировала его попытки унижить ее.

– Я также получила все необходимые разрешения для проведения работ и планы работ, которые потребуются для того, чтобы превратить дом в бизнес.

– Да неужели? – ухмыльнулся Тревор. – Хотите сказать, что получили разрешения сантехников и электриков? От лицензированных специалистов?

– Да, все есть, – сказала она, доставая формы, которые дала ей Синтия.

– А как насчет формы удаления подземных сточных вод ННЕ-200? – спросил Тревор с нарастающим раздражением. – Она у вас есть?

Эмили достала остальные документы Синтии из папки.

– Три копии, как положено.

Лицо Тревора стало пунцовым

– Что насчет сарая, пострадавшего во время бури? Вы не можете оставить его в таком виде, это опасно. Но если вы возьметесь за его ремонт, необходимо будет соблюдать постановление и землепользовании.

– Это мне известно, – ответила Эмили.

– Вот мои чертежи для разрушенных построек. И, прежде чем вы спросите, – да, они соответствуют Международным строительным нормам и правилам 2009 года. И, – она продолжила повышать голос, чтобы не дать Тревору возможности перебить ее, – на них стоит печать архитектурного бюро штата Мэн.

Тревор смотрел на нее волком.

– Это все несущественно, – наконец выпалил он, не в силах больше сдерживать гнев. – Вы забываете о самом главном. Этот дом давно был признан непригодным для прожи-

вания. И налоговая задолженность не оплачена. Она живет здесь незаконно, и технически этот дом больше не принадлежит ей.

В комнате повисла тишина, и присутствующие обратили взоры на мэра.

У Эмили выпрыгивало сердце. Настал момент истины.

Наконец мэр встал и обратился ко всем. Он пытался скрыть ухмылку, но не сумел.

– Думаю, мы услышали достаточно, не так ли? – сказал он. – Дом был признан непригодным для проживания, поскольку там давно никто не жил. Но мы все были там, и он не то, что пригоден для проживания, – он прекрасен.

В зале послышались тихие одобрительные возгласы.

– А что касается налоговой задолженности, – продолжил он, – Эмили может выплатить ее со временем. Я уверен, что город предпочтет, чтобы кто-то жил здесь и выплачивал ее, пусть и с опозданием, чем вообще не получать выплат. Кроме того, новые налоги и открытие гостиницы принесет городу гораздо больше пользы в перспективе.

Он повернулся к Эмили и широко улыбнулся.

– Я готов выдать Эмили разрешение на открытие гостиницы в доме.

Присутствующие зааплодировали. Эмили ахнула, не в силах поверить в то, что только что случилось. Тревор Манн ошеломленно сел на место и замолчал.

Люди стали подходить к Эмили, пожимали руку, целовали

в щеку, похлопывали по плечу. Эмили прикусила нижнюю губу, переполненная эмоциями. Берк и его сын Джейсон, пожарный, которого встретила Эмили, подошли и поздравили ее. Радж Пателъ напомнил ей о курах, которых он хотел пристроить.

– Если понадобится помощь с сантехникой или электричеством, я с радостью помогу, – сказал мужчина, протягивая ей свою визитку.

– Барри, – произнесла она, прочитав имя на карточке. – Спасибо. Я свяжусь с вами.

Карен сказала, что если Эмили будет покупать все необходимое в ее магазине, она сможет сделать ей хорошую скидку. Эмили была потрясена щедростью и поддержкой местных жителей.

– Когда откроешь гостиницу, я буду штатным дизайнером, правда? – сказала Серена, крепко ее обнимая.

Эмили ухмыльнулась в ответ.

Дэниел пробрался через толпу, обхватил ее руками и крепко прижал к себе.

– Я так горжусь тобой.

– Не могу поверить! – воскликнула Эмили, запрокинув голову назад и смеясь, пока он кружил ее. – Мы получили разрешение! Готова поспорить, ты не думал, что я зайду так далеко, когда встретил меня впервые.

Дэниел покачал головой.

– По правде говоря, я думал, что ты выкинешь что-нибудь

эдакое, например, оставишь газ включенным и случайно взорвешь дом. Я помогал тебе чисто ради интереса, – шутливо добавил он.

– Ах, вот как? – сказала Эмили, приблизившись к нему и нежно поцеловав в губы.

Дэниел нежно поцеловал ее в ответ. Эмили вдохнула его запах, думая о том, какой непредсказуемой может быть жизнь. Еще не так давно она целовала Бена и думала, что выйдет за него замуж. Какой глупой она была. И насколько по-другому ощущались поцелуи Дэниела.

Когда он поставил ее на ноги, Эмили взглянула на него и взяла за руку. В голове звучали слова Эми о том, как на самом деле тяжело открыть свое дело. О том, что большинство дел прогорает в течение первого года.

– А теперь пришло время серьезных вещей, – сказала она Дэниелу. – Планирование. Финансирование. Это большой, большой риск.

Дэниел кивнул.

– Я знаю. Но почему бы для начала не отпраздновать? просто насладиться моментом.

– Ты прав, – сказала она с улыбкой. – Это победа. Нужно отпраздновать. Но лучше не пить много. Тебе завтра рано вставать.

Дэниел ошеломленно нахмурился.

– Правда? Зачем?

Эмили посмотрела на него.

– Я знаю, где ты пропал, – сказала она. – На пристани.

– Ах, это, – сказал Дэниел, внезапно смущенный. – И что?

– Я договорилась, чтобы завтра привезли новый мотор для твоей лодки.

Глаза Дэниела расширились от удивления.

– Правда? Но у тебя нет денег!

Она улыбнулась.

– У тебя тоже не было денег, когда ты купил мне тостер, но ты все равно сделал это просто ради того, чтобы поднять мне настроение, когда я была подавлена. Поэтому я хотела сделать что-то для тебя, в знак благодарности.

Дэниел выглядел заинтригованным, и Эмили знала, что небольшое финансовое пожертвование стоило хотя бы одного выражения его лица.

– Так, это нужно отметить в баре «У Гордона», – сказал Дэниел.

Эмили приподняла бровь.

– Правда? Ты хочешь выйти в город? А что насчет всех этих сплетников с их разговорами?

Дэниел пожал плечами.

– Мне больше нет до них дела. Только ты для меня важна, – он поцеловал ее в макушку.

Эмили обхватила его рукой за талию.

Направившись к выходу, она заметила, что кто-то наблюдает за ними, стоя у выхода. Это была Эми. Эмили остановилась и приготовилась к разговору. Но вместо того, чтобы на-

чать перепалку, Эми просто подняла большой палец вверх, а затем послала воздушный поцелуй и ушла.

– Кто это был? – спросил Дэниел.

Эмили кротко улыбнулась.

– Просто кое-кто из прошлого.

Глава двадцатая

В доме туда–сюда оживленно сновали люди. Теперь, когда у Эмили было разрешение, нужно было переделать кучу работы, и она приступила немедленно. Так много людей предложили свои услуги: штукатурные работы, шлифование, даже мытье окон, в обмен на положительные отзывы, что Эмили была более чем рада принять их щедрые предложения. Было странно, когда так много людей бродило по дому после того, как в течение долгого времени там были только она и Дэниел. Но Эмили знала, что ей придется к этому привыкнуть. Она сама подписалась на ежедневное вторжение в жизнь, когда решила открыть гостиницу.

Она проконтролировала доставку стойки регистрации, которую Рико любезно ей подарил. Стойка чудесно смотрелась в холле. Затем электрик Барри установил новую кассовую систему для нее. После этого приехал Радж на своем белом фургоне.

– Доставка цветов! – с улыбкой произнес он.

– Отлично, – ответила Эмили.

Как только Радж вышел из своего фургона, сразу же подъехал еще один.

У нас ковер для мисс Эмили Митчелл, – сказал курьер, глядя в свои записи. – Куда его занести.

– Сюда, – ответила Эмили, провожая его в дом.

Дэниел находился в кухне и делал всем кофе; она слышала, как он разговаривает с собаками. Эмили удалось пристроить всех щенков, кроме Рейн, самого маленького, и мамочки Могси. Синтия заберет одного для своего сына Джереми, Радж согласился бесплатно предоставить ей корзины с цветами в обмен на Грома, самого активного из щенков, пожарный Джейсон собирался взять одного в качестве подарка для своей новорожденной дочки, а Джо из закуской заинтересовался последним. Эмили радовалась, что горожане снова помогают ей, и она знала, что все щенки окажутся в добрых руках. Она провела курьера с ковром вверх по ступенькам на лестничную клетку.

– Здесь, – сказала она.

Она наблюдала, как он разворачивает кремовую дорожку. Она отлично смотрелась в коридоре, отлично сочетаясь с серо-сине-белой цветовой гаммой.

Дом все больше напоминал приличную гостиницу, и Эмили радовалась тому, как все складывается. Хотя она до сих пор переживала, это были скорее радостные переживания, нежели страх. Казалось, всю свою жизнь она шла к этому, именно здесь всегда было ее место.

Эмили поблагодарила и отпустила курьера. Как только он ушел, она прошлась по новому мягкому ковру, испытывая его, словно ребенок новую игрушку. Она чувствовала восторг, радостно ожидая будущего. Но затем она вспомнила об одной очень важной комнате, в которой еще предстоит сде-

лать ремонт, комнате, которая, пожалуй, была самой важной. Она избегала ее до сих пор, но вдруг почувствовала, что может зайти туда и сделать то, что нужно.

Она прошла до конца по новому ковру мимо множества комнат, которые однажды станут частью гостиницы, но пока пустуют, а затем остановилась у закрытой двери, ведущей в комнату, принадлежавшую однажды ей и Шарлотте. Эмили положила ладони на деревянную дверь и глубоко вдохнула. Она замерла в нерешительности, задумавшись, было ли это решение правильным. Это была самая восхитительная комната с антресолюю и панорамными окнами с завораживающим видом на море. Кроме того, она была расположена в самой тихой части дома. Для дела имело смысл превратить эту комнату в номер. Но это значило, что Эмили больше не может держать ее закрытой. Успех бизнеса зависел от ремонта этой комнаты.

Собравшись, Эмили открыла дверь и вошла. Она помедлила, позволив мыслям улечься, позволив воспоминаниям, хранившимся здесь, впитаться в кожу. Затем она уселась на полу и осторожно спаковала все детские книжки, игрушки и одежду, ощущая болезненный камень на сердце. Но она понимала, что поступает правильно. Хоть расставание с детством давалось нелегко, игнорирование того, что находилось за этой дверью, также приносило боль, большую, чем она могла представить. Возможно, теперь она сможет оставить эту часть жизни позади и двигаться дальше.

В полдень в доме воцарилась тишина, когда рабочие ушли на обед. Эмили встала и осмотрелась. Последние вещи в комнаты теперь были упакованы и сложены в особое место на чердаке, а комната была абсолютно пустой. Завтра начнутся ремонтные работы. Розовые обои снимут, а стены покрасят в белый. Дерево, из которого сделана антресоль, также покрасят в белый. Эмили уже купила постельное белье и мебель в стиле «потертый шик» для комнаты, поэтому останется только принести ее сюда и расставить.

Эмили плюхнулась на кровать и всмотрелась в роскошный вид на море и красивое, безоблачное небо, довольная тем, что приняла абсолютно верное решение. Впервые она предпочла будущее прошлому, смотрела вперед вместо того, чтобы позволить воспоминаниям тянуть ее назад. Выбрав именно эту комнату для гостиницы, Эмили чувствовала, что позволила себе перейти к следующему этапу своей жизни, что она наконец может расстаться с прошлым и отпустить необоснованную вину за смерть сестры.

Она подняла последнюю коробку и понесла ее на чердак. Дойдя до двери, она услышала глухой звук и, обернувшись, увидела, что со стены упала картина. Видимо, она забыла снять ее. Подняв ее с пола, она положила картину поверх последней коробки. В это мгновение она поняла, что это фотография ее и Шарлотты, одетых в плащи и широко улыбающихся. Тогда Эмили почувствовала, что это был знак от ее сестры, разрешение двигаться дальше.

В этот момент раздался стук в дверь. Эмили поставила последнюю коробку на пол и побежала вниз по ступенькам. Открыв дверь, она обнаружила, что лужайка была залита солнцем. Полуденное солнце было высоко в небе, красиво освещающая территорию около дома, заставляя яркие цветы, посаженные Раджем на лужайке, и цветы в подвешенных горшках сиять еще ярче. На пороге стоял почтальон.

– Эмили Митчелл?

– Да, это я, – сказала Эмили, взяв у него ручку, чтобы расписаться за получение посылки.

Эмили почувствовала радостное волнение, когда до нее дошло, что было в посылке.

– Что это? – спросил Дэниел, появившийся позади нее.

Эмили поблагодарила почтальона и, когда он ушел, вернулась у Дэниелу.

– Это вывеска.

– Уже пришла? – воскликнул Дэниел. – На каком названии ты остановила свой выбор?

Она тайком обдумывала название, не желая, чтобы кто-либо влиял на ее решение. Люди постоянно засыпали ее предложениями, но она знала, что название должно значить что-то для нее, и она должна придумать его сама.

– Не подглядывай, – сказала она, разрывая упаковку и рассматривая знак.

Он был прекрасен, одновременно изящный и простой, благодаря чему идеально вписывался в дом. С помощью

Дэниела она прикрепилла вывеску на ее место. Волна радостного волнения пробежала по телу, когда она отошла назад и посмотрела на новый блестящий знак, гордо висящий над дверью.

– Гостиница в Сансет-Харбор, – прочитал надпись Дэниел.

– Как тебе? – спросила Эмили.

– Я в восторге, – сказал Дэниел, притягивая ее к себе.

В этот момент Эмили услышала звук хрустящего гравия под колесами. Они с Дэниелом обернулись и увидели на подъездной дорожке незнакомый автомобиль. Машина остановилась перед домом, и из нее вышел мужчина с чемоданом.

– Доброе утро, – сказал он. – Женщина из магазина порекомендовала вашу гостиницу. У вас есть свободные номера?

Сердце Эмили наполнилось радостью. Она мельком взглянула на Дэниела и улыбнулась, а затем повернулась к мужчине и, стараясь звучать как можно более профессионально, ответила:

– Думаю, мы найдем, где вас разместить.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ!

THE INN AT SUNSET HARBOR—BOOK 2

FOREVER
and for
ALWAYS

НАВЕКИ И ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

(Гостиница в Сансет-Харбор—Книга 2)

«Прекрасно написанный роман, на страницах которого описана борьба женщины (Эмили) в поисках своего «я». Автор уделила большое внимание тщательной проработке персонажей и описанию деталей обстановки. Любовная линия также присутствует, но она ненавязчива. Мои поздравления автору в связи с замечательным началом серии, которая обещает быть очень увлекательной». — *Обзоры книг и фильмов*, Роберто Маттос (отзыв на книгу «Отныне и навеки»)

НАВЕКИ И ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ – это вторая книга из серии романов под названием **ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР**, которая начинается с книги **ОТНЫНЕ И НАВЕКИ!**

35–летняя Эмили Митчелл бросает работу, квартиру и бывшего парня в Нью-Йорке и переезжает в заброшенный дом на побережье штата Мэн, ранее принадлежавший ее отцу, в надежде изменить свою жизнь. Используя все свои сбережения на реставрацию старого дома, вместе со сторожем, Дэниелом, с которым у нее завязались многообещаю-

щие отношения, Эмили готовится открыть Гостиницу в Сансет-Харбор ко Дню Памяти.

Но все идет не по плану. Эмили быстро понимает, что не имеет ни малейшего представления о том, как управлять гостиницей. Дом, несмотря на все ее усилия, нуждается в срочном ремонте, который она не может себе позволить. Алчный сосед все еще намерен доставить ей неприятности. И, что хуже всего, в то время как их отношения с Дэниелом расцветают, она узнает, что у него есть секрет. Секрет, который меняет все.

В то время как ее друзья заставляют ее вернуться в Нью-Йорк, а бывший парень хочет вернуть ее, Эмили предстоит принять судьбоносное решение. Попытается ли она разобраться, приспособиться к жизни в небольшом городке, в старом доме ее отца? Или же она отвернется от новых друзей, соседей и новой жизни, а также от мужчины, в которого влюбилась?

НАВЕКИ И ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ – это вторая книга из захватывающей серии романов, которая заставит вас смеяться, плакать и листать страницы до поздней ночи, снова и снова влюбляясь в историю.

Книга № 2 вскоре поступит в продажу.

THE INN AT SUNSET HARBOR—BOOK 2

FOREVER
and for
ALWAYS

SOPHIE LOVE

НАВЕКИ И ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

(Гостиница в Сансет-Харбор—Книга 2)

Софи Лав

Софи Лав, которая сама с детства является яркой поклонницей жанра, с радостью представляет вам свою дебютную книгу из серии любовных романов под названием «ОТНЫНЕ И НАВЕКИ» (ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР – КНИГА 1). Софи будет рада вашим отзывам, поэтому вы можете написать ей на www.sophieloveauthor.com, чтобы получить рассылку, бесплатные электронные книги, быть в курсе последних новостей и оставаться на связи!

КНИГИ СОФИ ЛАВ

СЕРИЯ «ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР»

ОТНЫНЕ И НАВЕКИ (Книга № 1)

НАВЕКИ И ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ (Книга №

2)

НАВЕКИ, С ТОБОЙ (Книга № 3)